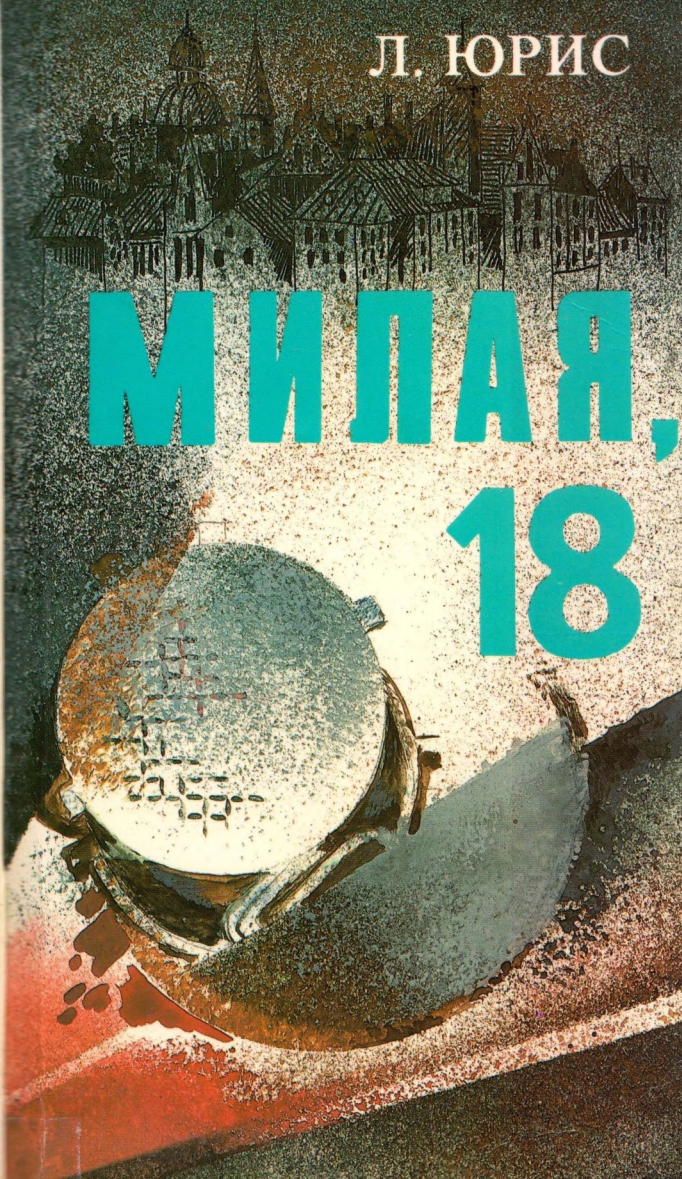

Л. ЮРИС

МИЛАЯ, 18

Л. ЮРИС - МИЛАЯ, 18

I

153

Леон Юрис
МИЛАЯ, 18

Леон Юрис
МИЛАЯ, 18

Книга I

БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ
1989

לאון יוריס
מילה, 18

Leon Uris
MILA, 18

Перевод с английского *С. Тартаковской*
Редактор *Р. Зернова*

Обложка *Д. Мороз*

ISBN 965-320-122-0

©

All rights reserved

כל הזכויות שמורות

לספריית-עליה

ת.ד. 4140, ירושלים

יוצא לאור בסיוע:

האגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים

ואיגון הג'וינת העולמי, ניו-יורק

Printed in Israel

OCR Давид Титиевский, декабрь 2019 г., Хайфа

Книга посвящается Антеку — Ицхаку
Цукерману, Цивье Любеткин, д-ру
Израилю Блюменфельду и всем другим
участникам бессмертной борьбы за
человеческое достоинство и свободу

Л. Юрис

СОДЕРЖАНИЕ

I

От издательства	IX
От автора	XVII
Часть первая. Закат	I
Часть вторая. Сумерки	113
Примечания	299

От издательства

Автор этой книги, Леон Юрис родился в 1924 г. в Балтиморе (США). Его литературная карьера началась в 1950 г., когда ему впервые удалось опубликовать большую статью в журнале "Эскавайр". Это событие так вдохновило молодого автора, что он тут же взялся писать роман. В результате появилась первая книга Л. Юриса — "Боевой клич" (1953), очень скоро ставшая бестселлером. Как это часто бывает, первая книга Юриса базировалась на личном опыте: в свое время он служил на флоте, участвовал в военных кампаниях на Тихом океане, и "Боевой клич", собственно, и представляет собой правдиво описанную историю взвода американских морских пехотинцев.

После первого опыта в области художественной прозы Л. Юрис стал писать в среднем по книге в 2-3 года. Сегодня он считается одним из крупнейших американских мастеров остросюжетного романа. Его произведения популярны во всем мире, по многим из них поставлены кинофильмы.

Едва ли не самой знаменитой книгой Л. Юриса является "Эксокус" (1957). Она переведена почти на все языки мира и постоянно переиздается. На русском языке в издательстве "Библиотека-Алия" этот роман выходил четырежды, последний раз — в 1989 г. В предисловии ко второму английскому изданию "Эксокуса" автор писал: "Это рассказ о величайшем чуде нашего времени, о

события, не знающем себе равных в истории человечества: о возрождении нации, рассеянной по свету две тысячи лет тому назад. Это рассказ о евреях, возвращающихся после столетий гонений, унижений, пыток и истреблений на свою родину, чтобы потом и кровью создать оазис в пустыне; рассказ о борющемся народе, о людях, которые не просят прощения за то, что они родились евреями, и за то, что они хотят жить достойно”.

На долю “Эксодауса” выпал поистине всемирный успех, и нельзя не отметить, что эта книга сыграла уникальную роль в пробуждении и становлении национального самосознания советского еврейства.

Роман “Милая, 18”, написанный Л.Юрисом в 1960г., — второй его роман, связанный с еврейской темой. Разумеется, не с еврейской темой вообще, а конкретно с темой Катастрофы европейского еврейства, еще точнее — роман посвящен истории восстания Варшавского гетто. Нет сомнения, что колоссальная популярность этой книги Л.Юриса связана прежде всего с ее темой.

Почему книга называется “Милая, 18”? Да просто потому, что на улице Милой в Варшаве, в доме №18, то есть в бункере под домом №18, находился штаб борцов Варшавского гетто. Это — исторический факт, так же, как множество других бытовых и событийных подробностей, описанных Л.Юрисом. Подобно “Эксодаусу”, “Милая, 18” написана на основе тщательного изучения исторических реалий: автор работал в израильских и польских архивах, глубоко изучил топографию Варшавы, прочитал массу документов и книг о Второй мировой войне и, конечно, встречался с оставшимися в живых участниками восстания в Варшавском гетто.

Все это, безусловно, помогло ему создать широкое полотно с галереей характерных образов,

множеством сюжетных линий и чисто романических коллизий. Не следует забывать, что Л.Юрис прежде всего беллетрист, и эта сторона его таланта ярко и непосредственно воплощается во всех его произведениях. Нет смысла ловить Л.Юриса на фактических ошибках, иногда доходящих до курьезов. Все же он не был участником описываемых событий, и сила его романа не в буквальном следовании документам, а в том, что с помощью художественного воображения ему удалось создать героев, за судьбами которых читатель следит с волнением и тревогой.

Поразительные слова говорит один из героев романа, Александр Брандель, прототипом которого, несомненно, был Эммануэль Рингельблюм.* Текст романа очень часто прерывается отрывками из дневника Александра, и благодаря этим отрывкам роман приобретает звучание документа, хотя, конечно, как уже говорилось, он не является таковым в строгом смысле слова. Так вот, Александр Брандель говорит: "Помогать евреям выжить — это и есть сионизм". Трудно представить себе более точное определение сионизма.

Один из тех, кому Л.Юрис посвятил свой роман, Тувия Божиковский, участник восстания в Варшавском гетто, писал впоследствии:

* Эммануэль Рингельблюм (1900 — 1944) — еврейский историк. В Варшавском гетто стал одним из руководителей подполья; инициатор создания подпольного архива гетто. Во время восстания (апрель 1943) был депортирован в лагерь Травники, откуда Еврейскому национальному комитету удалось его переправить обратно в Варшаву, где он скрывался у садовника-поляка М. Вольского и продолжал собирать материалы о гибели польского еврейства. 7 марта 1944г. в результате доноса Э. Рингельблюм был схвачен немцами и расстрелян вместе с женой и маленьким сыном.

”Большая часть узников Варшавского гетто лишилась семейных связей и у них атрофировались почти все человеческие чувства. Исключение составляли обитатели дома по улице Милой — члены еврейских организаций, участники еврейского подполья. Их, так же, как и всех узников гетто, могли отправить в газовые камеры, но они решили встретить смерть достойно, оказав активное сопротивление палачам. Все они жили единой общиной. Только они одни в гетто жили духовной жизнью. Их интересовала судьба *всех* евреев. В общине читали книги, пели еврейские песни. Только в этом кругу сохранились нравственные принципы. И единое нравственное чувство пробудило в задавленных людях самоуважение — нравственные принципы организовали их для борьбы против нацистских палачей.

Среди нас исчез эгоизм. Идея восстания, самая мысль о смерти с оружием в руках, освободила евреев от унижавшего их чувства подавленности и безнадежности. Глядя на немцев, мы уже не чувствовали себя жертвами: в каждом враге мы видели противника. И к нам присоединились даже те евреи, которые пассивно ждали смерти”.*

Л.Юрис дает нам увидеть как медленно, как далеко не сразу ”мысль о смерти с оружием в руках” проникает в сознание будущих защитников гетто. Несколько десятков почти безоружных людей, и им, обреченным, вступить в единоборство с сильнейшей в мире армией? И все же слова Андрея Андровского, одного из цент-

* См.: Т. Божиковский. Героическая борьба еврейских повстанцев в Варшаве. (Рассказ участника боев в Варшавском гетто) — в журн. ”Возрождение”, №4-5, 1975, Иерусалим. См. также книгу Т. Божиковского ”Среди падающих стен” (пер. с иврита), изданную изд-вом ”Библиотека-Алия” в 1975 г.

ральных героев романа: "Совсем скоро настанет такой момент, когда вы поймете, что иного выхода у нас нет — только борьба" — оказываются пророческими.

Неравная борьба продолжалась недолго, но она *была!* Восстание в Варшавском гетто было самым крупным вооруженным выступлением против немецких войск в оккупированной Европе (кроме Югославии) вплоть до 1943 года. Когда 17 января 1945 года советские войска вошли в Варшаву, в живых там осталось лишь около 200 евреев, скрывавшихся в развалинах, а ведь перед началом оккупации евреи составляли приблизительно одну треть населения города — около 400 000 человек...

В последние годы стало появляться все больше книг о Катастрофе европейского еврейства, в частности, о восстании в Варшавском гетто. Огромный интерес вызвала в мире книга польской писательницы Ганны Кралль "Опередить Господа Бога"* (ее книга переведена уже на 12 языков). Герой этой повести, Марек Эдельман, всячески избегает патетики, очень сдержан, почти бесстрастен, чего не скажешь о многих героях романа "Милая, 18". Но переводчица повести Ганны Кралль в своем предисловии справедливо замечает: "...слышимые нами скупые, негромкие слова — лишь оболочка, скрывающая напряжение неустанного состязания с Господом Богом, состязания, победить в котором — значит спасти по крайней мере еще одну человеческую жизнь". Как перекликаются эти слова с уже цитированными словами Александра Бранделя, од-

* Ганна Кралль. Опередить Господа Бога. -- Журнал "Иностранная литература", 4, 1988. Пер. с польского К. Старосельской.

ного из героев Юриса: "Помогать евреям выжить — это и есть сионизм".

Нельзя не обратить внимания и на одну из последних публикаций на эту тему на русском языке в Израиле — удивительной силы документальную прозу Аба Мише "Черновой вариант" (Главы из книги).* Он приводит цитаты из последнего, предсмертного письма Шмуэля Зигельбойма (в романе Л.Юриса он назван Цигельбоймом). Ш.Зигельбойм был представителем Бунда в польском эмигрантском правительстве в Лондоне. Еврейское восстание в Варшавском гетто стремительно приближалось к концу, а "свободный мир" оставался безучастным. Перед тем, как открыть газ в своей лондонской квартире (Аб Мише пишет о самоубийстве Зигельбойма: "Он вернулся в Варшаву, к своим вернулся, к себе..."), Шмуэль Зигельбойм написал письмо, где сказано следующее:

"...В стенах гетто разыгрывается последний акт трагедии, которой не знала история. Ответственность... падает в первую очередь на самих убийц, но косвенно отягощает она также все человечество, народы и правительства союзных стран, которые до сих пор не предприняли конкретных действий, чтобы воспрепятствовать этому преступлению. Равнодушно взирая на уничтожение безоружных измученных детей, женщин и мужчин, эти страны стали соучастниками преступников.

...Мои товарищи в Варшавском гетто погибли с оружием в руках в последнем героическом бою. Мне не было суждено погибнуть так, как они, вместе с ними. Но я принадлежу к ним и к их братским могилам."

* Журнал "22", №65, 1989.

Вот в этом все дело. Мы, оставшиеся в живых, родившиеся после Катастрофы, мы не должны и не можем предать забвению память о бесчисленных жертвах. Мы принадлежим к ним так же, как они принадлежат к нам, мы — *единый народ*.

Забвение — синоним смерти. Предать забвению — в каком-то смысле предать смерти. Очевидно, Леон Юрис разделяет эту точку зрения, и именно поэтому он написал свой роман "Милая, 18".

От автора

Из своего литературного и жизненного опыта я знал, что в разысканиях, необходимых для написания этой книги, я буду зависеть от содействия многих десятков людей и организаций. И, как уже не раз бывало прежде, мне посчастливилось воспользоваться бескорыстной помощью людей, готовых часами рассказывать мне о том, что они знали и пережили.

Без самоотверженной помощи сотрудников Израильского Музея борцов гетто и членов киббуца того же названия, а также их товарищей из Международной Ассоциации Переживших Катастрофу эти страницы вряд ли могли бы быть написаны.

Всех содействовавших мне в процессе создания этой книги слишком много, чтобы я мог поблагодарить тут каждого в отдельности, но я не могу не отметить помощь, оказанную мне в Архиве Мемориального Института памяти Катастрофы и героизма (Иерусалим) и в Библиотеке Университета Южной Калифорнии.

В основе "Милой, 18" лежат факты, перемешанные с художественным вымыслом, но описанные в ней события имели место в действительности. Все персонажи книги вымышлены, но я никогда не позволил бы себе утверждать, что не было живых людей, похожих на тех, кто здесь изображен.

Леон Юрис

Часть первая

ЗАКАТ

Глава первая

Из дневника

Август 1939 г.

Сегодня я начинаю вести дневник. Не могу избавиться от предчувствия, что вот-вот начнется война. Судя по опыту последних трех лет, если немцы вторгнутся в Польшу, с тремя с половиной миллионами польских евреев случится нечто ужасное. А может, у страха глаза велики, может, на меня просто действует напряженная обстановка и дневник окажется ни к чему. Нет, как историк я все-таки должен записывать все, что происходит.

Александр Брандель

* * *

Кончается лето. Капли дождя стучат по высокому, от пола до потолка, окну.

У окна в углу стояла выдавшая виды пишущая машинка, рядом — переполненная пепельница и пачка бумаги. Спальной служила просторная ниша с раздвижными плюшевыми порттьерами. Около широкой кровати на ночном столике стоял старомодный немецкий приемник, из него неслись печальные и тревожные звуки шопеновского ноктюрна.

В последнее время только и передавали что ноктюрны Шопена в исполнении Падеревского.

Похоже было, что ночь опять опускается на Польшу.

Крис что-то сонно пробормотал и протянул мускулистую руку к Деборе. Пусто. Он открыл глаза, обвел тревожным взглядом нишу, но услышав, что Дебора в комнате, успокоился. Машинально пошарил на ночном столике, нашел пачку сигарет, закурил и устался на поднимающиеся вверх кольца дыма. Ноктюрн приближался к крещендо.

Крис перевернулся на другой бок и посмотрел через раздвинутые портьеры на Дебору. Он любил смотреть, как она одевается. Собрав в тугий узел волосы, она начала закалывать их перед зеркалом, и он вспомнил, как первый раз вынимал из них шпильки, как пряди, одна за другой, падали вниз, словно черные шелковые ленты. Она надела плащ и решительно пошла к дверям, не подавая виду, что чувствует на себе взгляд Криса.

— Дебора!

Она остановилась и прижалась лбом к двери.

— Дебора!

Она вернулась в нишу и села на край кровати. Крис погасил сигарету, подвинулся к ней и положил голову ей на колени. Она погладила его по щеке. Какая же она красавица, подумал он. Из Библии: два цвета — оливковый и черный. Библейская Дебора. Она встала, но Крис удержал ее, и она почувствовала, как дрожит его рука.

— Дальше так продолжаться не может. Разреши мне поговорить с ним.

— Это убьет его.

— Но ведь и меня это убивает.

— Перестань, пожалуйста.

— Сегодня же с ним поговорю.

— Господи, ну почему каждая встреча кончается одним и тем же?

— И всегда так будет, пока ты не станешь моей женой.

— Я не хочу, чтобы ты с ним встречался, Крис.

— Иди, — он выпустил ее руку и отвернулся.

— Крис.

Из гордости он не ответил.

— Я тебе позвоню, — сказала она. — Ты ведь захочешь меня увидеть?

— Ты же знаешь, что да.

Он накинул халат, прислушиваясь к ее шагам на мраморной лестнице, потом подошел к окну и отодвинул занавеску. Дождь почти перестал — так, водяная пыль. Через несколько минут на Иерусалимских аллеях показалась Дебора. Она взглянула на его окна, едва заметно махнула рукой и быстро перешла на другую сторону к стоянке извозчиков. Еще несколько минут — и дрожки, отъехав от тротуара, скрылись за углом.

Крис отпустил занавеску, и в комнате стало полутемно. Он вышел в кухню, налил себе чашку кофе, приготовленного Деборой, но тут же рухнул на стул и уронил голову на руки.

По радио диктор, нервничая, рассказывал о провале очередной попытки уладить политическую ситуацию дипломатическим путем.

Глава вторая

Из дневника

В новостях передали, что Россия и Германия готовы заключить договор о ненападении. Просто невероятно! Два злейших врага пришли к соглашению! Тактика Гитлера представляется логичной. Он хочет нейтрализовать Россию, чтобы на какое-то время избежать войны на двух фронтах

(если, конечно, Англия и Франция намерены соблюсти свои обязательства перед Польшей). Держу пари, что от Сталина он откупится половиной Польши. Думаю, что в эту минуту нас уже делят на каком-нибудь московском столе.

Александр Брандель

* * *

В посольствах и в канцеляриях глав правительств, в министерствах иностранных дел и в консульствах, в шифровальных комнатах и пресс-центрах доведенные до иступления люди заседали всю ночь, строили военные планы, орали в телефонные трубки через забитые коммутаторы, ругались, молились, пытались что-то доказывать.

Все договоры оказались пустыми бумажками.

Люди доброй воли были ошеломлены: повинуюсь извращенной логике, восемьдесят миллионов цивилизованных человеческих существ уже вопили и маршировали как истерические роботы.

Гитлеровские геополитики расчертили мир на зоны рабочих рук и полезных ископаемых и представили генеральный план, который заставил бы побледнеть и Чингис-хана и любых самых страшных злодеев мировой истории. Немецкий народ с воодушевлением поддержал этот план криками: "Зиг хайль! Жизненное пространство!" Немцы готовились исполнить роль тевтонских богов войны под огненную музыку Вагнера.

"Избавим немецких граждан от иностранного ига! Германия — только немцам! Зиг хайль!"

Австрия и Чехословакия послужили пробным камнем!*. Опьяненный бескровными победами, уверенный, что Америка, Франция и Англия не захо-

* Примечания, отмеченные цифрами, смотри в конце книги.

тят ввязываться в войну, нацизм разрастался как раковая опухоль. "Данциг — немцам! Верните нам Польский коридор! Верните границы 1914 года! Прекратите издеваться над этническими немцами! Зиг хайль!"

Равнодушный мир только плечами пожимал, когда один желтый человечек схватился с другим желтым человечком в какой-то Маньчжурии; потом Франция что-то промямлила, когда Германия, нарушив Версальский договор, вошла в Рейнскую зону; в следующий раз уже только вздыхали, когда черные люди, живущие в глинобитных хижинах и вооруженные копьями, стали воевать за свою землю под названием Абиссиния.

Загипнотизированный мир корчился, но оставался верен демократическому бездействию, когда итальянские, марокканские и немецкие орды терзали Испанию.

И вот теперь — Австрия и Чехословакия. Но праведники испугались, а зло обнаглело.

Вестники мира уже объявили своим народам, что подписан мирный договор в городе под названием Мюнхен. Но когда пробил час Польши, стало ясно, что ни сказать нечего, ни делать нечего, и укрыться негде, и бежать некуда.

Хитрый игрок в Москве знал, как союзники мечтают, чтобы Россия и Германия уничтожили друг друга. Его недоверие к Англии и Франции основывалось на десятилетиях бойкота, на печальном уроке брошенной на произвол судьбы Испании... А главное — Россию не пригласили на мюнхенские торги.

Гитлер был уверен, что союзники опять струсят и Польша станет новым звеном в цепи предательств. Он протрубил военный сигнал — ему ответил барабанный бой и грохот сапог.

Иосиф Сталин, также не сомневаясь в предательстве союзников, поспешил вступить в пере-

говору со своим злейшим врагом. В расчете на легкую победу Гитлер вступил с ним в сделку, а союзники завопили: "Нечестно! Это нечестно!"

Оказавшись между молотом и наковальней, одинаково ненавидя Россию и Германию, Польша положила конец надеждам на объединение союзников, отказавшись обратиться за помощью к России.

* * *

Крис проехал по отполированному дождем бульвару и свернул к торговому центру на Новосвятскую. Смеркалось. Запоздалые покупатели торопливо проходили мимо нарядных витрин. На следующем углу Новосвятская почему-то меняла свое название на Краковскую аллею. Крис подъехал к несколько старомодной, но все еще фешенебельной гостинице "Бристоль". Идеальное место для хорошего журналиста: круглосуточная телефонная связь, да и находится на том же пяточке, где гостиница "Европейская", министерство иностранных дел, дворец президента и варшавская ратуша.

Крис передал машину привратнику и поднялся на второй этаж, в комнату, на дверях которой висела табличка "Швейцарское Агентство Новостей".

Ирвин Розенблюм, фотокорреспондент и правая рука Криса, стоял у стола, заваленного снимками, телеграммами, корреспонденциями.

Крис молча подошел сзади и взял пачку последних сообщений. Ирвин Розенблюм, невзрачный маленький человек, который почти ничего не видел, когда снимал очки, шарил по карманам читающего Криса в поисках сигарет.

— Черт возьми, — пробурчал Крис, — они уверены, что вот-вот начнут стрелять.

— Помяни мое слово, — сказал Ирвин, так и не

обнаруживший курева, — Польша будет драться.

— Может, ей лучше было бы не драться?

— Где же Сусанна? — Ирвин беспокойно посмотрел на часы. — Мне нужно нести материалы в лабораторию. Как ты думаешь, Крис, Англия и Франция нам помогут?

— Когда же вы с Сусанной поженитесь? — спросил Крис, не отрываясь от чтения.

— Никак не удастся спросить у нее об этом: то она на заседании попечительского совета, то на сионистском собрании. Вы когда-нибудь слышали, чтобы у человека было шесть собраний в неделю? Только евреи способны так много говорить. Чтобы иметь возможность встречаться с ней, мне пришлось войти в исполнительный комитет. Крис, мама спрашивала, придете ли вы сегодня ужинать; она специально для вас сделала латкес².

— Латкес? Приду обязательно.

В дверях показалась Сусанна Геллер. Такая же низенькая и невзрачная, как Ирвин. Прямые волосы зачесаны назад и собраны в узел под шапочкой медсестры, большие натруженные руки, которыми она поднимает больных, меняя им постель. Но когда она начинает говорить, ее невзрачность как ветром сдувает: Сусанна Геллер — добрейшее существо на свете.

— Ты опоздала на полчаса, — упрекнул ее Ирвин.

— Привет, дорогая, — сказал Крис.

— Вот вы — прелесть, — ответила она Крису.

Зазвонил телефон.

— Алло, — снял трубку Ирвин. — Минутку. — Подожди меня на улице, я сейчас, — сказал он Сусанне, прикрыв рукой трубку.

Сусанна и Крис послали друг другу воздушный поцелуй и она вышла.

— Кто это, Роза? — спросил Крис.

— Деборин муж, — ответил он, передавая трубку Крису, и тоже вышел.

— Привет, Пауль. Как поживаете?

— Спасибо, а вы? Я уже говорил Деборе, что мы с детьми соскучились по вас.

— Дел выше головы.

— Представляю!

— Извините, что долго не звонил. Как Дебора?

— Хорошо, спасибо. Приходите завтра к нам ужинать.

Крис терпеть не мог притворяться. Всякий раз, когда он видел Пауля и Дебору вместе, он представлял их в постели, и у него все внутри переворачивалось.

— Никак не могу. Мне нужно послать Розы в Краков и ...

— Это очень важно, — Пауль Бронский понизил голос, — я должен с вами встретиться по неотложному делу. Приходите часов в семь.

Крис испугался. Пауль говорил категорическим тоном. Может, он сам хочет разговора начистоту, чего всячески избегает Дебора? А может, все это фантазия? Они же хорошие друзья, почему бы Паулю не пригласить его на ужин?

— Приду, — сказал Крис.

Глава третья

Из дневника

Я внимательно слежу за поведением этнических немцев в Австрии и Чехословакии. Они проделали огромную подрывную работу, ожидая прихода немецких войск. В Данциге они тоже не сидели сложа руки. А перед самым австрийским "аншлюсом" они как-то странно присмирели. Здесь на прошлой неделе они вообще прекратили всякую дея-

тельность. Неужели по приказу? Затишье перед бурей? История повторяется?

Всех, кого я знаю, призвали в запас. Рыдз-Смиглы³ намерен бороться. Пожалуй, так и будет, учитывая опыт истории и польский гонор.

Александр Брандель

* * *

— К сожалению, мы, поляки, находимся между Россией и Германией, а связи между ними усиливаются, — говорил декан медицинского факультета доктор Пауль Бронский, выступая перед битком набитым студентами и преподавателями залом. — Нас совсем сдавили, мы уже и дышать не можем, нас как бы и не стало. Но польская национальная гордость воодушевляет патриотов, и поэтому Польша всегда возрождается. — Раздались бурные аплодисменты. — И вот теперь Польша снова в опасности. Оба наших "друга" чрезвычайно оживились, и положение оказалось настолько серьезным, что стали призывать людей даже такого почтенного возраста, как ваш покорный слуга...

Критическое замечание оратора в адрес собственной персоны зал встретил вежливым смехом. Пауль, хоть и начал лысеть и сутулиться, был еще очень красив.

— Несмотря на то, что командование допускает оплошность, призывая меня в армию, я предсказываю, что Польша выживет.

У стены за последними рядами стоял доктор Франц Кениг и смотрел на собравшихся. Уход Бронского из университета наполнял его радостью, какой он еще никогда не испытывал. Кончится наконец его долгое, терпеливое ожидание!

— Я покидаю университет с тяжелым сердцем, но и с чувством удовлетворения. Меня огорчает

вероятность войны, но радуется, что многого мы с вами достигли тут вместе, и я счастлив, что у меня остается здесь много друзей.

Кениг перестал слушать. Он знал, что все будут плакать. Бронский умел подпустить дрожь в голос, и слушатели всегда таяли от его сладких речей.

Вот они уже встали: слезы текут не только по морщинам расчувствовавшихся старых профессоров, но и по молодым щекам, когда затягивают студенческий гимн, похожий на все прочие гимны, что поют студенты во всем мире.

Посмотрите-ка на этого Бронского! Любящие коллеги так и прилипли к нему. Со всех сторон несутся аплодисменты: "Дорогой Бронский", "Варшавский университет без Бронского — не Варшавский университет", "Ваш кабинет будет вас ждать", "Возвращайтесь к нам".

"Ваш кабинет", — подумал Кениг. Как бы не так!

Доктор Бронский, "дорогой" Пауль Бронский отдал последние распоряжения, продиктовал последние письма и отпустил свою плачущую секретаршу, дружески поцеловавшись с ней на прощание.

Теперь он остался один.

Оглядел кабинет. Стены увешаны всеми символами успеха, какие может собрать человек, возглавляющий большой медицинский факультет. Дипломы, награды, картины, групповые фотографии — словом, стенд славы.

Он сунул последние бумаги в портфель. На столе остались только фотографии Деборы и детей. Он смахнул их в верхний ящик и запер его на ключ. Ну, вот и все.

В дверь тихонько, почти робко, постучали.

— Войдите.

Доктор Франц Кениг. Маленький, седой, и уси-

ки седые. Он застенчиво подошел к столу.

— Мы много лет работали вместе, Пауль. У меня нет слов...

Пауль в душе улыбнулся: очень тонкая недомолвка.

— Франц, я собираюсь рекомендовать вас на мое место...

— Никто не может занять...

— Ерунда...

Ну, и прочие неискренние слова.

У себя в кабинете Франц Кениг дождался ухода Пауля и вернулся в его кабинет. Не отрывая глаз от кожаного кресла Бронского, он подошел к нему и дотронулся до спинки.

Да, завтра он в него усядется, отсюда мир будет выглядеть прекрасным.

Мое кресло... Декан медицинского факультета! Мое кресло! Бронский ушел. Бронский с его хорошо подвешенным языком и вышибающим слезу голосом. Десять лет Кениг ждал. Дирекция была ослеплена Бронским. Так обрадовались, что впервые за шестьдесят лет можно назначить деканом медицинского факультета человека с университетским дипломом, что даже закрыли глаза на то, что он еврей. А против меня подняли целую кампанию, потому что я — немец.

Франц вернулся к себе в кабинет, взял шляпу, трость и засеменил по коридору. Студенты снимали фуражки и кланялись ему, когда он проходил мимо.

В последнее время они себя ведут совсем иначе, подумал он. Теперь они должны его уважать и даже бояться. Бояться? Бояться меня? Одна мысль об этом доставляла ему наслаждение.

Даже его толстая ворчливая жена-полька теперь иначе будет себя вести.

Он быстро шел к площади Пилсудского, постукивая тростью в такт своим шагам. Сегодня он

был счастлив. Даже пытался насвистывать. Вот он, конец долгого пути.

Как и большинство здешнего миллионного немецкого населения, Франц Кениг родился в Западной Польше, на оккупированной в прошлом немцами территории, которая снова отошла к Польше после Первой мировой войны. Когда он был еще совсем молодым, семья переехала в Данциг, расположенный, так сказать, в географической аномалии, известной под названием "Польский коридор". Узкая полоса земли, отсекая от Германии Восточную Пруссию, чтобы дать Польше выход к морю. Ненормальный раздел! Данциг и Польский коридор, населенные этническими немцами и поляками, острыми иглами кололи немецкую гордость и с самого начала стали источником распрей и угроз.

Выходец из добропорядочной семьи коммерсантов, Франц Кениг получил классическое медицинское образование в Гейдельберге и в Швейцарии, был человеком умеренным во всех отношениях и, хотя вырос в Данциге, где кипели национальные страсти, не считал себя ни немцем, ни поляком, а просто хорошим врачом и преподавателем — профессия, по его понятиям, выводящая его за пределы национальных рамок.

Жизнь, которую вел Франц Кениг, была по нему, как и должность в Варшавском университете, как и польская девушка, на которой он женился. И никому Кениг не мешал, наслаждаясь у себя в кабинете хорошей музыкой и хорошими книгами. Честолюбивые устремления жены-польки несколько его не интересовали, и она плюнула на все, опустилась и разжирела.

Когда нацисты пришли к власти, Франца Кенига очень смутило их поведение. С несвойственной ему запальчивостью называл он этих коричневорубашечников "толстокожими, безмозглыми громи-

лами”, радуясь тому, что живет в Варшаве и не имеет отношения ко всей этой смуте в Германии.

Но все изменилось. Наступил тот месяц, та неделя, тот день и час... Освободилось место декана медицинского факультета. По всем статьям получить его должен был Кениг — и по возрасту, и по опыту, и по преданности делу. Он даже подготовил свою инаугурационную речь⁴, но так никогда ее и не произнес: на должность декана назначили Бронского, который был на пятнадцать лет моложе.

Он хорошо помнил, как тогда Курт Лидендорф, глава этнических немцев Варшавы, шептал ему на ухо:

— Доктор Кениг, это пощечина всем нам, немцам. Это страшное оскорбление.

— Чепуха... чепуха...

— Может, теперь вы поймете, что Версальский договор — позор для немецкого народа. Взять хотя бы вас. Гейдельберг... Женева... Человек большой культуры, а вас сделали никем. Вы тоже жертва еврейских козней, как и все немцы. Гитлер говорит...

Еврейские козни... Бронский... еврейские козни...

Единственное, чего хотел Франц Кениг от этого мира, которому он честно служил, — стать деканом медицинского факультета Варшавского университета.

— Заходите вечерком к нам, герр доктор, побудьте со своими! Из Берлина специально человек приехал потолковать с нами.

А толковал берлинский гость вот о чем:

— Нацистские методы, может, и грубы, но чтобы восстановить справедливость, нужны волевые, сильные люди. Наши действия оправданы потому, что оправдана сама цель вернуть немецкий народ на его настоящий путь.

— А, герр доктор, — сказал Лидендорф, — рад

видеть вас здесь. Садитесь, садитесь поближе.

— Гитлер понял, что немцы больше не желают быть пешками. Если вы считаете себя немцами, вы больше не пешки.

Кениг возвращался домой с четвертого, с пятого, с шестого собрания, смотрел на свою толстую жену-польку, на все, что его окружало, и думал: "Феодалы, сплошное невежество, а я — немец, я-то — немец".

— Доктор Кениг, вы бы только посмотрели, что творится в Данциге. Тысячи немцев борются за фюрера, заявляя миру, что не позволят себя угнетать.

Как он гордился освобождением немцев в Австрии и Чехословакии!

— По зрелом размышлении, Лидендорф, я решил присоединиться к вашему движению.

Он шел по боковой аллее Саксонского парка, мимо правительственных зданий, дворцов и музеев. Весь этот гранит и мрамор был ему чужд. Другое дело — пивные или уютные дома немцев, его соплеменников, тут он чувствовал себя в своей тарелке, тут доктор Франц Кениг был уважаемым человеком. И говорили тут о великих делах, никого не стесняясь и не боясь.

Он остановился на площади Железных ворот, как раз за Саксонским парком.

Тошнотворный запах подгнивших овощей, неопрятные крестьяне, кудахтанье кур, крики менял, нищие, тысячи лотошников, торгующихся за злотый.

— Прекрасный галстук, совсем как новый!

— Карандаши! Карандаши! Карандаши!

— Покупайте у меня! Покупайте у меня!

Старухи сидят на краю тротуара, продают яйца — у кого пяток, у кого три; воры и карманники так и шныряют вокруг; на ручных тележках горы поношенных туфель и засаленных пиджаков.

— Покупайте у меня! У меня!

Бородатые евреи, бородатые Паули Бронские, ссорятся, торгуются за ползлотого на идише, на этом исковерканном немецком языке.

Пьяный солдат, которого вытолкали в шею из кафе, повалился прямо под ноги Кенигу. "Недаром говорят: "Пьян, как поляк", — подумал Кениг, — точнее не скажешь".

Две небольшие площади, а вся Польша перед ним, как на ладони. Так ли уж несправедливо отвращение Гитлера к славянам? Тридцать миллионов поляков, и только два миллиона читают газеты. Народ феодалов и батраков, и это в двадцатом веке. Народ, который молится Черной мадонне, — ни дать ни взять африканские зулусы, поклоняющиеся богу солнца.

Для Франца Кенига это и была Польша: на пять процентов Париж за мраморными стенами особняков, на девяносто пять процентов — Украина. Ужасающее невежество!

А что бы сделал добрый, трудолюбивый немецкий народ на плодородных, богатых полезными ископаемыми землях Силезии!

— Покупайте у меня!

Грязный, отсталый сброд! Им ли остановить немецкий народ, обогативший мировую цивилизацию больше, чем любая другая раса! Пусть даже нацисты и совершают мелкие несправедливости, но конечная цель великой Германии оправдывает средства.

Кениг выбрался из базарной толчи и вошел в бар Ганса Шульца.

— Гутен таг, герр доктор, гутен таг, -- улыбнулся Шульц.

— Привет, Шульц. Есть новости?

— Да. Герр Лидендорф не сможет некоторое время появляться на людях. Он сказал, что мы свою работу сделали, и вам тоже следует оставаться

дома и ждать.

Доктор Кениг выпил пива, кивнул Шульцу, и тот улыбнулся ему в ответ, вытирая стойку.

Придя домой, Кениг положил шляпу на вешалку, поставил трость и посмотрел через открытую дверь на свою толстую жену-польку. Что она говорит, он не слышал, поэтому получалось, что она беззвучно открывает и закрывает рот, словно рыба. И когда она встала с места, она вся заколыхалась, как желе.

Кениг закрылся в своем кабинете. Включил приемник, который теперь всегда был настроен на немецкую волну. Митинг в Гамбурге! "Мы, немцы, не можем мириться с нетерпимым отношением к нашим гражданам в Польше, где немецкие женщины и дети беззащитны перед польскими вандалами, где немецких мужчин избивают и убивают!"

"Зиг хайль! Зиг хайль! Зиг хайль!"

Тут же десять тысяч голосов огласили эфир песней "Германия, Германия превыше всего", и доктор Франц Кениг закрыл глаза. По щекам его покатились слезы, и он начал молиться, чтобы поскорее пришли его освободители.

Глава четвертая

Из дневника

Замечательные новости! Неожиданно приехал в гости Андрей. На исполнительном комитете сионистов-бетарцев⁵ нам предстоит решить много вопросов, а поскольку и Андрей здесь, мы, значит, соберемся в полном составе.

Александр Брандель

Армейский грузовик остановился перед самым северным мостом через Вислу, соединявшим Вар-

шаву с Прагой⁶. Капитан Андрей Андровский прыгнул на землю, поблагодарил водителя и пошел вдоль реки дальше на север, к новому предместью Жолибож. Сдвинув на затылок уланскую конфедератку, он шагал, насвистывая, и ему улыбались кокетливые девушки, и он улыбался им в ответ. Капитан Андрей Андровский выглядел, как хрестоматийный улан с картинки: ремни сияют, стилет сверкает на солнце.

Он свернул с набережной на обсаженную деревьями улицу с новыми красивыми домами, где жили люди зажиточные. Заметив на тротуаре камень, стал подкидывать его ногой с ловкостью хорошего футболиста. Когда он отправил его в воображаемые ворота в конце улицы, он как раз подошел к дому Пауля Бронского.

— Дядя Андрей! — закричал десятилетний Стефан, прыгая ему на спину.

Две короткие "схватки" — и высокий кавалерийский офицер повержен на землю своим племянником. Тут же признав себя побежденным, Андрей поднялся и посадил победителя себе на плечи.

— Как поживает Баторий? — спросил Стефан.

— Ну, Баторий! Самый красивый и быстрый конь во всей Польше.

— Расскажи, чем он опять отличился, дядя Андрей?

— Чем? Значит, так. На этой неделе... погоди, дай вспомнить. Да, да. Взял я его в Англию на Большие скачки, и он так быстро бежал, что рассек воздух и грянул гром. А эти англичане, решив, что сейчас польет дождь, побежали прятаться и скачек не видели. Баторий успел четыре раза обежать трек и пошел по пятому заходу, когда вторая по скорости лошадь только еще по первому заходу пришла к финишу, и эти дураки-англичане, попрятавшиеся под навесами, подумали, что Баторий пришел последним.

— А кто ухаживает за Баторием, когда тебя нет?

— Старый сержант Стика, самолично!

— А я смогу еще раз покататься на Батории? — спросил Стефан, вспоминая самое яркое событие своей молодой жизни.

— Непременно, как только мы тут кое-что уладим.

— А перепрыгивать препятствия?

— Думаю, да, если у тебя не кружится голова от высоты. Когда Баторий прыгает, мир под ним кажется крошечным. Я, пожалуй, не дам ему больше участвовать в скачках с препятствиями. Когда он их берет, он подскакивает так высоко, что другие лошади успевают обежать трек, пока он опустится на землю.

Андрей вошел в дом.

— Дядя Андрей! — воскликнула Рахель. На сей раз обошлось без сражения: изящная черноглазая барышня четырнадцати лет ограничилась крепким поцелуем.

— Андрей! — закричала Дебора, выбегая из кухни и на ходу вытирая руки. — Ах ты, чертенок, ты почему не предупредил, что приедешь? — обняла она брата.

— Я и сам только вчера вечером об этом узнал. К тому же хочу скрыться от Александра Бранделя, иначе он немедленно созовет какое-нибудь чертово собрание.

— На сколько ты приехал?

— На целых четыре дня.

— Замечательно!

Андрей спустил Стефана на пол, словно перышко снял.

— Что ты мне привез? — спросил тот.

— Как тебе не стыдно, Стефан, — сделала ему замечание сестра.

Андрей, подмигнув, поднял руки вверх. Стефан принялся шарить по дядиным карманам, которые,

сколько он себя помнил, всегда были набиты подарками. И вытащил позолоченного орла, который в качестве эмблемы прикреплялся спереди к конфедератке.

— Мне? — не веря своим глазам спросил он.

— Тебе.

— Ура! — и Стефан помчался оповещать соседей, что приехал его изумительный дядя Андрей.

— А это для моей племянницы.

— Ты их балуешь, Андрей, — сказала Дебора.

— А ты приготовь мне что-нибудь поесть.

— Ой, какая прелесть! — девочка развязала ленточку, быстро обняла дядю и побежала к зеркалу прилаживать гребни из слоновой кости к густым, черным, как у матери, волосам.

— Красавица! — сказал Андрей.

— Мальчики уже на нее заглядываются.

— Что ты говоришь! Какие мальчики?

— Она не останется без кавалеров, как ее мама, — засмеялась Дебора.

— Спасибо, дядя Андрей, — Рахель подошла к Андрею, которого обожала, и поцеловала в щеку.

— "Спасибом" не отделаешься, — сказал Андрей, показывая на рояль.

Рахель с удовольствием заиграла какой-то сложный этюд. Андрей внимательно слушал, потом Дебора взяла его за руку и повела в кухню. На пороге он остановился.

— Она замечательно играет, точно как ты когда-то.

Дебора отпустила прислугу Зосю и сама поставила чайник. Андрей уселся, расстегнул мундир. В кухне вкусно пахло. Сестра печет печенье — совсем как в старой квартире на Слисской в канун субботы. Она сняла с Андрея конфедератку и запустила пальцы в его густую светлую шевелюру.

— Мой маленький братик, — сказала она и поставила перед ним блюдо с печеньем; когда она

стала разливать чай, блюдо уже наполовину опустело.

— Вот это чай! — восхитился Андрей. — А сержант Стика заваривает не чай, а помой.

— Что происходит на границе, Андрей?

— Откуда мне знать, — пожал он плечами. — Со мной не советуются. Спроси у Рыдз-Смиглы.

— Нет, серьезно.

— Вполне серьезно. Я приехал домой на четыре дня...

— Мы очень волнуемся.

— Концентрация немецких сил огромная. Я тебе скажу, что я думаю. Пока Гитлер получает все, что хочет, шантажом, это еще куда ни шло. Но Польша на шантаж не поддастся, так что, возможно, ему придется отступить.

— Пауля призвали.

— Ну? — Андрей напрягся, в его отношениях с Паулем не все шло гладко. — Мне очень жаль. Я не думал...

— Никто не думал, — перебила Дебора, раскатывая тесто для следующей порции печенья. — Ты уже видел Габриэлу?

— Нет, я пришел прямо сюда. Она, наверное, еще на работе.

— Приходи с ней вечером ужинать.

— Если меня не перехватит Брандель.

— А ты постарайся. И Кристофер де Монти придет.

— О, как поживает мой друг Крис?

— Завален работой, обстановка ведь напряженная. Мы его уже больше месяца не видели, — сказала она, нажимая на скалку с особым усердием.

Андрей встал, подошел сзади к сестре, повернул ее за плечи к себе и попытался приподнять за подбородок ее лицо. Дебора тряхнула головой.

— Ты, пожалуйста, не думай, между нами ничего нет, — сказала она.

— Просто старые друзья?
— Просто старые друзья.
— Пауль знает?
— А нечего знать!
— Ты что, считаешь меня дураком?
— Андрей, перестань, пожалуйста... нам и так волнений хватает. И, ради Бога, не спорь ты с Паулем.

— Да кто с ним спорит! Это же он всегда...

— Честное слово, если вы опять заведетесь...

Андрей допил чай, набил карманы печеньем и застегнул мундир.

— Ну, пожалуйста, Андрей, обещай мне, что сегодня все пройдет мирно. Он же уходит в армию. Ну, ради меня.

Андрей что-то буркнул и шлепнул сестру на прощанье.

— Пока, — сказал он ей, уходя.

* * *

Андрей развалился на садовой скамейке парка на Лазенках напротив Американского посольства.

Над ним высилась статуя Фредерика Шопена, облюбованная местными голубями, а позади сквозь листву виднелся Бельведерский дворец маршала Пилсудского. Приятное место для отдыха. Андрей нашел в кармане последнее печенье, проглотил его и приступил к своему любимому занятию: мысленно раздевать проходящих женщин.

Вскоре открылась парадная дверь посольства, из нее вышла Габриэла Рок и пошла по Уяздовской аллее. Он догнал ее на первом перекрестке. Чувствуя, что за ней кто-то увязался, Габриэла быстро сошла на мостовую.

— Пани, — сказал сзади Андрей, — будьте любезны назвать мне имя той счастливицы, которая завладела сердцем самого лихого офицера среди

улан польской армии.

— Андрей? Андрей! — она остановилась посреди мостовой и бросилась к нему в объятия.

Полицейский-регулировщик поднял руку, и поток машин ринулся вперед. Водители нетерпеливо гудели, объезжая их, сердясь, но в то же время понимая, что солдат имеет право целовать свою подружку посреди мостовой. Наконец какой-то уж совсем непатриотичный таксист обозвал их идиотами и отогнал на садовую скамейку.

— Андрей, — сказала она и всхлипнула, положив голову ему на грудь.

— Ну, ну! Знай я, что ты так расчувствуешься, я не приехал бы.

— Ты на сколько? — утерла она слезы.

— На четыре дня.

— Ой, как я рада!

— Я чуть было не нашел себе другую, думал, ты уже никогда не выйдешь из посольства.

— А я задержалась на совещании, — Габриэла взяла его большую руку в обе свои. — В этом году мы не открываем американскую школу при посольстве. Детей вывезли в Краков. Даже часть основного персонала туда переезжает.

Андрей что-то процедил сквозь зубы насчет всем известной американской трусости.

— Не будем сейчас об этом говорить, — перебила она, — у нас есть только девяносто шесть часов, а мы вот сколько из них уже потеряли. Ко мне идти нельзя, я сделала ремонт, и в квартире жутко воняет краской. Я же не знала, что ты приедешь.

— А у меня перед дверью наверняка уже расположился Брандель со всем своим исполнительным комитетом.

— Рискнем, — сказала Габриэла таким голосом, что он тут же пошел за извозчиком.

Квартира Андрея была на улице Лешно, в райо-

не для людей среднего достатка, который отделял богатые южные кварталы от северных трущоб. Они поднимались по лестнице обнявшись. На четвертом этаже Габриэла остановилась перевести дух.

— Мой следующий любовник будет жить на первом этаже, — сказала она.

Андрей схватил ее на руки и перекинул через плечо, как мешок с сахаром.

— Пусти, дурень!

Издав кавалерийский боевой клич, он припустил через две ступеньки и на последнем этаже пинком ноги открыл никогда не запиравшуюся дверь. От изумления он остановился, как вкопанный, с Габриэлой на плече, хотя она и пыталась спуститься на пол. Андрей окинул взглядом квартиру, удивился, заглянул в кухню, осмотрелся кругом: не ошибся ли он дверью. Безукоризненная чистота и порядок. Годами он старательно разбрасывал повсюду свои книги и бумаги, письменный стол был вечно погребен под грудой рапортов — и вот тебе на! Весь чудесный беспорядок, вся бережно накопленная пыль — все, что составляет образ жизни холостяка, исчезло без следа.

Андрей открыл ногой платяной шкаф — все выглажено и аккуратно повешено.

А кухня... вся грязная посуда вымыта. Но этого мало, на окнах — занавески! Кружевные занавески!

— Меня выселили! — закричал Андрей. — Нет, хуже! Здесь побывала женщина!

— Андрей, спусти меня на пол, иначе я подниму крик.

— Я жду объяснений, — грозно сказал Андрей, опуская ее на пол.

— Сидела я, сидела дома, ждала, ждала, когда Баторий примчит на себе моего доблестного ула-

на... Одна-одинешенька со своими кошками да воспоминаниями. И надумала пойти посидеть здесь, чтоб не так одиноко было. А как сидеть в таком беспорядке!

— Ох, знаю я, что это значит, Габриэла Рок! Ты хочешь меня перевоспитать!

— Ах, так ты это знаешь? — обняла она его.

Он ее приподнял и приник губами к ее губам. И тут зазвонил телефон. Нож в спину! Они замерли. Нет, не смолкает.

— Чертов Брандель!

— Пусть себе звонит, — начиная сердиться, сказала она.

Звонит... и звонит... и звонит.

— Это же зрячий телефон, у него есть глаза, — завопила Габриэла, чуть не плача. — Пока тебя не было, он не звонил ни разу.

— Может, ответить?

— Ничего не поделаешь, все бетарцы Варшавы знают, что Андрей Андровский приехал в отпуск.

— Это ты, Брандель, сукин ты сын? — снял трубку Андрей.

— Конечно, — ответил мягкий голос. — Вот уже три часа и двадцать минут, как ты в городе, а у друзей еще не был. Как же так? Старых друзей забываешь?

— Слушай, Алекс, пошел бы ты к черту, — пробормотал Андрей и повесил трубку, но тут же снял ее снова и набрал номер Бранделя.

— Андрей? — немедленно отозвался Брандель.

— Я тебе позвоню попозже. Передай нашим, что я сгораю от нетерпения повидаться с ними.

— Надеюсь, я не очень помешал. Счастливо. Гут шабес⁷.

— Не сердись, Габи, — Андрей подошел к окну, опустил занавеси, потом запер дверь. — Не сердись.

— А я и не сержусь, — выдохнула она. — Как я

по тебе соскучилась! — вдруг не выдержала Габриэла.

Снова зазвонил телефон.

На сей раз безответно.

Глава пятая

Из дневника

Кажется, я не вовремя позвонил Андрею. Еще хорошо, что при его вспыльчивости он быстро отходит.

Сегодня говорил с приятелями из банка. Все спешат продавать недвижимость за американские доллары или швейцарские и южноамериканские бонны. Продаются целые поместья.

Теперь, когда заключен союз между Германией и Россией, немецкая пропаганда совсем распоясалась: обвиняет Польшу в нарушении границ и в угнетении немецких меньшинств.

А мы и не думаем прислушаться к Англии и Франции, которые умоляют нас попросить помощи у России. Неужели наше командование действительно полагает, что мы можем победить немцев?

Александр Брандель

* * *

Пауль положил в большой коричневый пакет документы, ценные бумаги, завещание, страховые полисы, крупную сумму наличными, ключи от сейфа в банке, туда же вложил запечатанное письмо, написав на конверте: "Вскрыть в случае моей смерти". И заклеил пакет.

В столовой Рахель хлопотала вокруг стола, помогая толстой, стареющей Зосе наводить последний лоск. Блестит столовое серебро, беле-

ет фарфор с позолотой, Рахель поправляет вазу с цветами, чтобы она стояла точно посредине стола.

Пауль слушал у себя в кабинете Би-Би-Си. "Маршал Рыдз-Смиглы дал интервью специальному корреспонденту Швейцарского Агентства Новостей в Варшаве Кристоферу де Монти, в котором сказал, что Польша по-прежнему не собирается заключать договор о взаимопомощи с Советским Союзом. Недавно Би-Би-Си получила подтверждение этой жесткой политики в ходе пресс-конференции с министром иностранных дел Польши Бекком. Обозреватели считают, что такая политика Польши — еще один шаг к войне".

Закончив приводить себя в порядок, Дебора вошла в кабинет. Пауль перевернул конверт надписью вниз, выключил приемник и улыбнулся жене. За все шестнадцать лет их супружеской жизни не было случая, чтобы она не постаралась выглядеть привлекательной. Лучшей жены для карьеры и придумать нельзя.

— Ты чудно выглядишь, — сказал он.

— Спасибо, дорогой, — ответила она. — Пауль, пожалуйста, постарайся сегодня вечером не спорить с Андреем.

— С ним трудно не спорить.

— Ну, пожалуйста.

— Я-то тебе обещаю, пусть тебе пообещает твой брат.

— Ради детей... И ужин ведь сегодня особенный.

В дверь позвонили.

— Здравствуйте, Крис, заходите, пожалуйста, — пригласила Рахель.

— Ты с каждым днем становишься все больше похожей на свою маму, — сказал Крис.

— Мама и папа в кабинете, — покраснела Рахель, — проходите к ним.

Пауль и Дебора стояли уже возле двери.

— Давненько вас не видели, Крис, — сказала Дебора, тщательно избегая его взгляда.

Он кивнул. Пауль пожал ему руку, но страх перед первым моментом встречи еще сковывал Криса.

— Извините, — сказала Дебора, — мне нужно взглянуть, как там ужин. Сейчас принесу коктейли.

Пауль предложил Крису сесть и вернулся к письменному столу.

— Я слушал последние известия, — сказал он, набивая трубку, — передавали ваше интервью со стариком.

— При столь стремительном развитии событий странно, что он придерживается прежней позиции.

— И Россия, и Германия веками теснят нас, а теперь мы и выбирать-то между ними не можем. Ладно, черт с ними. Крис, мы соскучились по вас. Как вы?

— Замотан.

У Криса отлегло от сердца: радушный прием, светские разговоры. Либо Пауль решительно ничего не знает, либо его это устраивает. А может, он ведет какую-то хитрую игру. Как бы то ни было, безобразных сцен он не хочет, и это уже само по себе утешительно.

— Завтра я уезжаю, --- вдруг сказал Пауль. — Меня призвали. Скорее всего направят в Краков штабным хирургом. Сплошная канцелярщина. Сколько я занимаюсь медициной, я всегда просил не призывать меня в действующую армию, ради ее же интересов. Не в действующую — пожалуйста, им же нужна административная помощь.

Эта новость и обрадовала, и огорчила Криса. Его так и подмывало сказать: "Послушайте, Пауль, мы с Деборой любим друг друга. Так случи-

лось... мы не виноваты. Я хочу, чтобы вы дали ей развод". Но он промолчал. Ну, как скажешь человеку, который уходит на войну: "Я хочу увести от вас жену, а заодно и пожелать вам приятного времяпрепровождения на фронте"? И почему этот Пауль Бронский такой порядочный парень?

— Крис, мы с вами не так давно знакомы, чтобы считаться близкими друзьями. Но вы же знаете, как в жизни бывает, с одним человеком можно проработать сто лет, вот как я с доктором Кенигом, и так и не распознать его, а с другим — через десять минут становятся друзьями, вот как мы с вами, хочу надеяться.

— Я тоже, Пауль.

— Мне выпало большое счастье. Не говоря уже о моем положении и семье, я получил от отца значительное состояние, которое сумел приумножить, — Пауль передвинул коричневый пакет на другой конец стола. — Если со мной что-нибудь случится...

— Ну, вот еще...

— Разговор между друзьями — не светская болтовня, Крис. У Польши нет ни малейшей надежды, верно?

— Пожалуй, действительно нет.

— Даже если я уцелею, чего я, конечно, очень хочу, они нас сильно прижмут. При ваших связях и свободе передвижения вы окажетесь в самом лучшем положении в случае оккупации Польши. Из всех, кого я знаю, только вы можете перевести мое состояние в швейцарский или американский банк.

Крис кивнул и взял конверт.

— Тут все в ажуре.

— Я этим сразу же займусь. На следующей неделе мой приятель едет в Берн. Ему вполне можно доверять. Какой вид инвестиций вы предпочитаете?

— Германское военное снабжение, вероятно?

Они рассмеялись.

— На мой банк можно положиться, он сам выберет, куда вложить деньги.

— Прекрасно. Итак, все мое состояние в ваших руках. И еще. Что бы со мной ни случилось, я знаю, вы приложите все усилия, чтобы отправить Дебору с детьми из Польши.

У Криса пересохло во рту. До сих пор все было в порядке вещей, как положено между друзьями. Но теперь получается, что Пауль оставляет Дебору на его попечение. Крис посмотрел Паулю в глаза. Бесплезно. Как непрозрачное стекло. Знает? Не знает? Если знает, то переносит стойко, гложущую боль скрывает. Но Паулю так и подбавляет себя вести, человек он не только воспитанный, но и практичный. Возможно, он уже все взвесил и простил Дебору и его, Криса? А может, Крис все преувеличивает, может, Пауль считает его достаточно близким другом, чтобы протосить позаботиться о жене?

Пауль не сделал ни малейшего намека — как нужно понимать его просьбу.

Крис положил конверт во внутренний карман.

Вошла Дебора с двумя бокалами шерри для себя и Пауля и с мартини для Криса.

— У вас у обоих мрачный вид.

— Крис объяснил мне истинный смысл последних известий, дорогая.

— Идемте в гостиную. Рахель играет на рояле.

Они стали вокруг инструмента. Пауль явно гордился незаурядными способностями дочери. Она играла ту же вещь, что на днях передавали по радио, и Крис вернулся мысленно к себе в квартиру, снова увидел Дебору перед зеркалом... Падеревский... Шопен... Пальцы Рахель летали по клавишам. Дебора опустила глаза. Крис тоже. Пауль переводил взгляд с нее на него и снова на нее...

— А ты почему не играешь, дорогая? — обратился он к жене.

Она глубоко вздохнула, села рядом с Рахель, заиграла в нижнем регистре. Дебора и Рахель, мать и дочь, две красавицы.

Громкий голос у дверей нарушил идиллию. Пришел дядя Андрей. Он провел второй раунд борьбы со Стефаном и, приподняв толстую Зосю, прошелся с ней в туре вальса по прихожей.

— Крис! — крикнул он, хлопнув де Монти по спине так, что тот расплескал половину мартини.

Габриэла, сияя от радости, вошла почти незамеченной вслед за своим шумным уланом.

— Играйте, играйте! — скомандовал капитан Андровский.

Он никогда не слыл человеком, умеющим скрывать свои чувства, и поздоровался с Паулем так, что сразу стало ясно, какие у них натянутые отношения. Видно было, что оба изо всех сил стараются сдержать себя ради Деборы.

— Я слышал, вас призвали, Пауль.

— Да, они действительно подгребают последние крохи.

— Нет, — возразил Андрей, — вы им еще сослужите хорошую службу. Работаете вы всегда хорошо.

— Ну, спасибо, шурин.

Когда всех пригласили к столу, Габриэла, Крис и Пауль начали наперебой восхищаться сервировкой. Андрей внимательно осмотрел стол, ища глазами, чего не хватает. И только уловив сердитый взгляд сестры, успокоился и тоже уселся.

Это был великолепный обед, специально для Андрея, чтобы его порадовать любимыми блюдами. Когда приступили к фаршированной рыбе с хреном, разговор зашел о грустном положении Варшавского театра. Из-за политического кризиса

лучшие пьесы, как всегда французские, запаздывали. Габриэла полагала, что и в опере дела обстоят не лучше. Рахель надеялась, что концертная программа не слишком пострадает, да и Дебора тоже, потому что в консерватории решили, что в этом сезоне состоится первое выступление Рахель с оркестром — если все будет хорошо.

Подали куриный бульон с лапшой. Разговор зашел об Олимпийских играх. Стефан знал наизусть чуть ли не все спортивные рекорды этих игр. Джесси Оуэнс⁸ был, конечно, что надо, но дядя Андрей как нападающий сборной Польши его переплюнул, а заодно и всех американцев. Где будет играть Андрей в этом году?

Куриное жаркое, мясной рулет с крутыми яйцами, кугл⁹ с изюмом. Крис сказал, что давно уже не ел вкусных еврейских блюд, Пауль хорошо сделал, что пригласил его на ужин. Габриэла попросила несколько рецептов, и Дебора обещала завтра продиктовать их ей по телефону. Стефан уже начал ерзать на стуле.

К чаю была сладкая рисовая запеканка. Заговорили об университетских делах. Кениг будет заведовать кафедрой? Он, кажется, связан с нацистами? Ну, пусть немец — как бы то ни было, эта должность принадлежит ему по праву.

Принесли коньяк. Рахель помогла Зосе убрать со стола. Стефан, которого кроме Олимпийских игр никакие темы не интересовали, убежал.

Когда дети ушли, заговорили о политике. За все это время Андрей не проронил ни слова.

— Крис, Габриэла, — сказал Пауль, — все мы чувствуем с трудом скрываемую ярость моего шурина капитана Андровского. Хорошо еще, что ему не удалось испортить впечатление от кулинарных шедевров моей жены. Прошу прощения за его невоспитанность.

— Вы совершенно правы, доктор Бронский, — поспешно сказала Габриэла. — Андрей, ты себя ужасно ведешь.

— Я обещал сестре не затевать споров и, как мне это ни трудно, держу слово, — проговорил Андрей негромко, но таким тоном, что ясно было, что у него внутри все кипит.

— По-моему, уж лучше поспорить и выложить все начистоту, чем дуться, как Стефан, и всем портить настроение, — парировал Пауль.

— Пауль, ты же мне обещал, не дразни его, — попросила Дебора.

— Пусть капитан выскажется, иначе он взорвется.

— Пауль, ты же утром уезжаешь, не нужно сегодня спорить, — взмолилась Дебора.

— Почему же, дорогая, разве ты не хочешь, чтобы я запомнил свой дом таким, каким он был всегда?

— Я, конечно, человек слова, — начал Андрей, — но не могу удержаться, чтобы не сказать, что и я помню свой дом таким, каким он был всегда. А тут в канун субботы я сижу за столом у сестры — и ни свечей, ни благословений.

— И это все, что вас смущает, шурин?

— Да. Это же суббота.

— Вот уже год, как мы перестали обращать лицо к востоку, Андрей.

— Я знал, что этим кончится, но не думал, что вам удастся ее уломать так скоро. Помню как мы жили в трущобах на Ставках — Господи, в какой нищете! Но мы были евреями. И когда после маминой смерти мы переехали в более приличный район, на Слискую, моя сестра была хозяйкой еврейского дома.

— Андрей, сейчас же перестань, — не выдержала Дебора.

Крис и Габриэла вдруг оказались в эпицентре

семейного раздора. Они растерянно смотрели друг на друга, когда Андрей вскочил, швырнув на пол салфетку.

— Начал доктор Бронский, а не я. Дебора, я разговаривал со Стефаном. Он даже не знает, что он еврей. Что же будет, когда ему исполнится тринадцать лет? Твоему единственному сыну не устроят бар-мицву¹⁰? Счастье, что мама с папой не дожили до этого дня.

Пауль был явно доволен тем, что ему удалось "расколоть" Андрея.

— Мы с Деборой женаты шестнадцать лет. Не пора ли вам понять, что мы хотим жить своей жизнью, без ваших советов?

— Послушайте, Пауль, вот я, Андрей Андровский, — единственный офицер-еврей в уланском полку, но каждый знает, кто я.

— А я доктор Бронский, и тоже всем известно, кто я. Минуточку, Андрей. Я ознакомился с идеями сионизма. Этот путь спасения не для меня. Ничего он не говорит моему сердцу.

— А ваша фамилия тоже ничего не говорит вашему сердцу? Самуил Гольдфарб. Сын лотошника с Парисовской площади.

— Вы правы, Андрей. Парисовская площадь тоже ничего не говорит моему сердцу. Ни ее нищета, ни ее вонь, ни слезы и причитания, ни ожидания Мессии. Польские евреи сами виноваты в своих невзгодах, а я хочу жить в своей стране равноправным гражданином, а не врагом или чужеземцем.

— И это оправдывает ваше участие в Совете Союза студентов вместе с фашистскими выкорышками, которые бросают камни в окна еврейских книготорговцев?

— Я не одобряю их действия.

— Но и не стараетесь их пресечь. И знаете почему? Так и быть, я вам скажу. По трусости.

— Как ты смеешь?! — возмутилась Дебора.

— Трус вы, Андрей, а не я, потому что у меня хватает смелости сказать, что для меня еврейство — пустой звук и я к нему не имею отношения. А вы в погоне за призрачным спасением ходите на ваши сионистские собрания, не веря в эту болтовню.

Слова обрушивались на Андрея, как удары. Пауль бил по самому чувствительному месту. Андрей побледнел и задрожал, а остальные, не смея дышать, ждали взрыва. Но Андрей ответил нарочито проникновенным тоном:

— Вы просто болван, Пауль. Еврейство — не вопрос выбора. В один прекрасный день, который, боюсь, не за горами, оно свалится на вас и раздавит вместе со всей вашей софистикой. Ох, и тяжелое будет у вас пробуждение! Потому что вы еврей — хотите вы того или нет.

— Довольно! — закричала Дебора. — В моем доме не смей устраивать такие сцены, если хочешь здесь бывать и видеть Стефана и Рахель. Пауль — мой муж, так что изволь его уважать.

— Мне действительно следует научиться держать себя в руках, — тихо сказал Андрей, опустив голову. — Устроил сцену в присутствии гостей, да и чего мне, в самом деле, беспокоиться, раз ты счастлива...

— Я счастлива, — отрезала Дебора.

— Да, только по глазам этого что-то не видно, — Андрей быстро пошел к дверям.

— Куда ты? — прошептала его сестра.

— Пойду напьюсь. Буду пить за здоровье доктора Пауля Бронского — короля вероотступников.

Дебора хотела побежать за Андреем, но Габриэла ее остановила:

— Пусть идет. Он взвинчен из-за положения на границе. Вы же знаете Андрея, он завтра вернется просить прощения. Пусть идет.

Стук парадной двери прогремел, как пушечный выстрел.

— Крис, последите за ним, пожалуйста, — попросила Габриэла.

Крис молча кивнул и вышел.

Когда Крис ушел, Дебора опустилась на стул. Лицо у нее стало совсем серым.

— Не стоит так расстраиваться из-за него, дорогая, — попытался успокоить ее Пауль, страшно довольный своим поведением.

— Он догадался, он понял, вот что больно, — подняла она глаза, полные слез. — Мой муж уезжает, и я хотела сегодня зажечь свечи, как еврейская мать, и Андрей это понял.

Вся ссора, подстроенная Паулем, обернулась против него. Он сник и поплелся к дверям.

— Пауль, — резко окликнула его Дебора, — проводи Габриэлу домой.

— Нет, Дебора, не нужно. Давайте выпьем с вами еще по стаканчику чая. Через часок-другой я отыщу своего буйного кавалера. Не волнуйтесь за Андрея. Я его люблю, а иногда, видит Бог, стоит и потерпеть его выходки.

Глава шестая

Фридерiku Року из-за его революционной деятельности становилось все опаснее жить в Польше, поделенной между Россией, Германией и Австрией. Как и многие патриоты, он отправился в добровольное изгнание. Поселился во Франции, стал одним из ведущих инженеров-гидротехников Европы.

После войны, в 1918 году, когда Польша снова стала независимым государством, он вернулся в Варшаву с женой и дочерьми — Региной и Габриэлой.

Новая Польша нуждалась буквально во всем. После ста лет оккупации она жила как во времена средневековья. Гидроэнергетике придавалось первостепенное значение. Фридерик Рок был одним из немногих поляков со значительным опытом в этой области. Он не стяжал большой славы и не скопил большого богатства, но он был вполне обеспечен и достаточно известен. Его фирма внесла существенный вклад в строительство Гдыни. По Версальскому договору Польша получила выход к морю через Польский коридор. В то время единственный ее портовый город Данциг, так называемый "открытый город", раздираемый политическими конфликтами, был густо населен враждебно настроенными немцами. Необходимость строительства польского морского порта не вызывала сомнений. Так появилась Гдыня.

В изгнании Рок стал страстным лыжником и каждую зиму с первым снегом отправлялся с семьей в Альпы. Польская гордость мешала ему прислушиваться к советам врача; он выбирал маршруты не по возрасту и пятидесяти лет скончался от сердечного приступа, преодолев очередной опасный спуск. Он оставил после себя хорошо обеспеченную вдову и двух дочерей.

Овдовевшая госпожа Рок уехала к своему единственному брату в Чикаго. Польшу она не любила и возвращаться туда не захотела. Старшая дочь, Регина, толстененькая и некрасивая, вышла замуж за молодого поляка из семьи импортеров польской ветчины, стала американской домашней хозяйкой и владелицей собственного дома неподалеку от матери.

Младшая дочь, Габриэла, пошла в отца: независимая, упрямая, эгоцентричная. Фридерик Рок был широким человеком и снисходительным отцом, а дядя, занявший после его смерти место главы семьи, слишком строго опекал овдовевшую сестру

и ее дочерей. Габриэла взбунтовалась. Жизнь в Варшаве с отцом оставила у нее самые лучшие воспоминания. Она получила отличное образование в дорогой католической школе для девочек, где она каждый вечер молилась, чтобы Святая Дева помогла ей вернуться в Варшаву. Достигнув совершеннолетия и получив право распоряжаться своей долей наследства, она немедленно туда вернулась. Блестящее знание английского, французского, немецкого и польского языков, а также американское воспитание способствовали тому, что она получила место учительницы в школе при Американском посольстве. Вскоре она стала там незаменимой и, единственная из всех поляков, получила доступ к секретным документам.

Рента от ее доли отцовского состояния и работа в посольстве открыли перед ней двери в высшее общество Варшавы, считавшейся "Парижем" Восточной Европы. Габриэла была на редкость хороша собой, и у нее не было отбоя от кавалеров. Это была классическая польская красавица — блондинка с искрящимися глазами, но не дородная, а маленькая и изящная.

Она любила флирт и ухаживания. Каждые несколько месяцев, получив очередное предложение и взвесив все "за" и "против", она его отвергала. Габриэла наслаждалась свободой и хладнокровно ограничивала свои отношения с мужчинами до определенного предела. Ей было хорошо в Варшаве. Другого такого города нет и не было. Она понимала, что рано или поздно встретит человека, который станет незаменимым, как и Варшава, но пока что жизнь была прекрасна, и Габриэла не торопилась. Единственную неосторожность, вполне простительную для молоденькой девушки, она допустила когда-то в отношениях с учителем, который после школы учил ее неподобающим вещам.

Уйдя от Бронских, Габриэла пошла искать Андрея и Криса на Иерусалимских аллеях, зная, что они не пойдут выпивать за пределы этого района. Она успела заглянуть и к журналистам, и к сионистам, пока не напала на их след. Надо было спешить: в двух местах они уже устроили небольшой дебош и еще в одном — крошечный скандалчик.

В гостинице "Бристоль" она прошла прямо в бар. Новый южноамериканский джаз играл модное танго. Теперь все помешались на танго. Если Андрей не слишком напился, подумала Габриэла, может, удастся его затащить сюда — он так хорошо танцует, когда хочет.

— Да, мадам, — сказал бармен, — они здесь были, но ушли с полчаса назад.

— В каком они виде?

— Сильно под градусом. Господин де Монти чуть больше, чем его приятель-офицер.

"Плакало мое танго", — подумала Габриэла.

— А вы не знаете, куда они пошли?

— Господин де Монти любит заканчивать вечер в Старом городе, говорят, ему нравится пить под польские народные песни.

Габриэла заглянула в танцевальный зал. Элегантные польские офицеры в форме, изящные дамы, одетые по последней парижской моде, бородатые дипломаты с орденскими ленточками. Огромная хрустальная люстра играет всеми цветами радуги, и кавалеры кружат дам против часовой стрелки в веселом ритме польки. Кончается музыка — кавалеры кланяются дамам, целуют им ручки, те отвечают кокетливым взглядом из-за вера или, наоборот, смотрят рассеянно в сторону. После современного бара Габриэла словно очутилась в прошлом веке. Она пошла в Старый город. Любители театра и кино расходились по домам неспеша, рука об руку, проститутки шны-

ряли в поисках заработка, по мостовой катились дрожки с влюбленными парочками.

На центральном мосту она подошла к перилам и посмотрела вниз. Там грохотал пригородный поезд. Его глухой шум и мелодия польки, которую напевала про себя Габриэла, навяли на нее воспоминания.

Был такой же теплый вечер, когда она встретила Андрея в большом сверкающем зале. Господи, подумала Габриэла, неужели прошло всего два года? Даже трудно вспомнить, как она жила до встречи с ним. Всего два года... два года...

* * *

Традиционный праздник офицеров Седьмого уланского полка устраивался в гостинице "Европейская". Это было одно из главных событий сезона. В этом полку было особенно много офицеров, чья родословная восходила к средневековью, к первому королю Казимиру Великому. Поэтому на праздник Седьмого уланского полка всегда собирались сливки варшавского общества.

Габриэла Рок, как обычно, была окружена плотным кольцом офицеров-холостяков. Танцевали они прескверно, спеси в них было предостаточно, а юмора маловато.

Кончился первый тур бурных полек, и Габриэла пошла в дамскую комнату попудриться.

Ее близкая подруга, Марта Томпсон, жена ее непосредственного начальника, вышла вместе с ней выкурить сигаретку.

Габриэла скучала. Уже восьмой бал в нынешнем сезоне — и ничего интересного, ни даже легкого флирта. Марта же, наоборот, была в восторге.

— До чего же они все красивы! И эти сапоги!

— Да что ты, Марта! В жизни не видела в одном полку столько рыбьих глаз сразу. А как про-

тивно эти офицеры целуют ручки!

— Беда с тобой, Габи, всех серьезных претендентов отвергаешь, ты слишком привередлива. Смотри, как бы тебе не остаться на бобах.

— Ладно, Марта, — улыбнулась Габриэла, — пошли еще потанцуем.

Они вернулись в зал, и обе одновременно увидели его. Собственно, все взгляды устремились к дверям, когда вошел, если можно так выразиться, "эталон польского офицера-кавалериста", лейтенант Андрей Андровский. После секунды восхищенного молчания его окружили приятели; они весело хлопали его по плечу, а он не без бахвальства рассказывал им, как занял первое место в среднем весе на чемпионате польской армии по борьбе.

— Правда, он — душка? — проворковала Марта.

— Кто это? — не отрывая взгляда от лейтенанта, спросила Габриэла.

— И думать не смей, Габи, лейтенант — неприступная крепость. Еще никому не удавалось разгрызть этот орешек.

— Но почему?

— Одни говорят, что он тибетский монах, другие — что половина Варшавы — его любовницы.

— Как его зовут?

— Лейтенант Андровский.

— Улан-Тарзан?

— Ну, ладно, — вздохнула Марта, — пошли, мой благоверный ждет.

— Пусть Томми представит меня лейтенанту Андровскому, — взяла Марту под локоть Габриэла.

— Пусть, но держу пари на шляпку от Фиби, что он даже не проводит тебя домой.

— Прекрасно, завтра в полдень у Фиби. Я точно знаю, какая шляпка мне нужна.

Когда Томми Томпсон представил Андрея Габриэла, тот не поцеловал её руку, а просто вежли-

во кивнул, ожидая обычного "Так вы и есть тот самый Андрей Андровский!"

— Простите, я не расслышала вашего имени, — произнесла Габриэла.

"Неплохой ход", — подумал Андрей.

— А мне ваше имя известно, мадемуазель Рок: как и многие, я поклонник работ вашего покойного отца. И совершенно неважно, как меня зовут — вам стоит лишь щелкнуть пальцами и сказать: "Эй, как вас там...", и я пойму, что вы обращаетесь ко мне.

"Не такой уж скучный вечер", — решила Габриэла.

"Что за дурь на меня нашла — разыгрывать викторианские игры с избалованными девицами", — удивился про себя Андрей.

— У меня свободен следующий танец, лейтенант.

"Батюшки, — подумал он, — она даже не изображает скромность. Рубит с плеча. Ну-ка посмотрим, что за птичка. Немного худовата".

— Вы умеете танцевать, лейтенант?

— Видите ли, вообще-то я блестящий танцор, но, честно говоря, танцую только в виде одолжения.

— Если вам не доставляет удовольствия танцевать, зачем же вы дали себе труд прийти сюда?

— Мне полковник приказал. Видите ли, я олицетворяю славу нашего полка.

"Ко всему еще и тщеславен!" Габриэла собралась было повернуться и уйти, но краем глаза увидела Марту. Та, хихикая, подталкивала локтем своего Томми. Заиграла музыка.

— Уверен, что недостатка в партнерах у вас не будет, мадемуазель Рок, — сказал Андрей, — тут целая очередь кавалеров вас поджидает.

Он уже отходил, когда Габриэла непроизвольно щелкнула пальцами и сказала: "Эй, как вас там..."

Андрей медленно подошел к ней, обвинил рукой и

увлек в круг танцующих. Он не хвастался, когда говорил, что отлично танцует. Женщины с завистью смотрели на них. Габриэла страшно злилась на себя за свое банальное поведение, но ей было приятно чувствовать его руку. И это ее еще больше злило, потому что он всем своим видом показывал, что для него все равно — танцевать с ней или с чучелом. Ей ужасно захотелось сбить спесь с этого гордеца, растормошить его, а потом, обнадежив настолько, чтобы он стал ее домогаться, захлопнуть у него перед носом дверь. И получить шляпку от Марты.

— Я не возражала бы, чтобы вы проводили меня домой, — сказала она, когда танец кончился.

”Хитрая и надежная уловка. Начатую игру не бросают на середине, к тому же улану неприлично отказать даме в просьбе”.

— Не будет ли огорчен тот кавалер, с которым вы пришли? — спросил он.

— Я пришла с господином Томпсоном из Американского посольства и с его женой, так что я совершенно свободна, лейтенант. Но, может быть, следует получить разрешение у вашего полковника?

— Я с удовольствием провожу вас, — слегка улыбнулся он.

У подъезда Томпсон предложил подвезти их.

— На улице так хорошо, может, пройдемся пешком, лейтенант?

— Как вам угодно.

— Всего доброго, Томми, до свидания, Марта, не забудь, завтра в полдень — у Фиби.

Было поздно и улицы уже опустели, если не считать нескольких пьяниц. Был слышен звук лишь их собственных шагов, да еще где-то далеко громыхал извозчик.

— Я вела себя с вами глупо и невоспитанно, — вдруг остановилась она. — И ни к чему было за-

ставлять вас провожать меня домой. Найдите, пожалуйста, извозчика и...

— Ерунда. Я с удовольствием провожу вас.

— Вам больше не нужно соблюдать правила вежливости: состязание окончено.

— Так и я ведь был с вами не очень-то любезен. Обычно я не веду себя, как надутый индюк. Я стал о вас лучшего мнения, когда узнал, что вы сами себе зарабатываете на жизнь.

Он подставил руку, она приняла ее, и они перешли дорогу. И пахло от нее так хорошо, и ей было хорошо, и он это знал и тихонько насвистывал, чтобы скрыть свои чувства.

— Я поняла, что вы стараетесь меня разозлить, — сказала она. — Я наблюдала за вами после танца. На самом деле вы очень застенчивы.

— Не хочу показаться хвастливым, но я же вижу, что все ждут от меня особого поведения.

— А вам это не нравится?

— Нет, не всегда. Особенно на балах...

— Почему?

— Неважно.

— Нет, скажите.

— У меня мало общего с теми, кто ходит на балы.

— У такого знаменитого офицера, как вы, которого боготворят мужчины и женщины...

— Я не принадлежу к их кругу.

— Почему?

— Не стоит портить вам вечер посторонними темами.

Они молча приближались к концу улицы. Оба растерялись, почувствовав, что их тянет друг к другу, и такая скоропалительность их пугала. Для Габриэлы игра кончилась. Он вел себя любезно, и у нее пропала всякая охота дразнить его, наоборот, ей хотелось поближе узнать человека, который то распускает павлиний хвост,

то ведет себя, как ребенок.

Квартира у нее была в большом старом особняке на аллее Трех крестов, напротив католической церкви Святого Александра. Габриэла остановилась перед парадным, нашла в сумочке ключ и протянула Андрею. Тот открыл дверь и отдал ей ключ обратно.

— Спокойной ночи, мадемуазель Рок.

Они пожали друг другу руки.

— Лейтенант Андровский, как вы знаете, я воспитывалась в Америке, где ведут себя не совсем так, как принято здесь. Не сочтете ли вы меня чересчур дерзкой, если я скажу, что хочу увидеть вас снова как можно скорее?

Он медленно высвободил свою руку из ее ладони, и лицо его снова стало по-ребячьи застенчивым.

— Да нет, мадемуазель Рок, — торопливо проговорил он, повернулся и ушел.

Габриэлу поразили ее собственные слова и еще больше — его уход. Она взбежала по лестнице смущенная, злая, уязвленная, со слезами на глазах.

* * *

Из Парижа вылетела большая группа высокопоставленных американцев: три конгрессмена с женами и промышленный советник по американскому заказу на строительство плотины на реке Варта.

— Мы хотим во что бы то ни стало протолкнуть этот заказ, — сказал Томпсон Габриэле, — а я как раз буду в Кракове, когда они прилетят, так что, пожалуйста, займитесь ими дня два, пока я вернусь.

— Что бы вы хотели, чтобы я им показала?

— Как всегда. Экскурсия по Варшаве, завтрак с послем, пресс-конференция, опера, драма. За-

ранее набросайте список приглашенных на прием.

— Все сделаю, не беспокойтесь. Но в прошлый раз, когда в делегации были жены, Министерство информации прислало для них ужасного сопровождающего. Может, попробуем кого-нибудь другого?

— Например?

— Не знаю, — пожала плечами Габриэла, — скажем, какого-нибудь уланского офицера. В Седьмом полку полно красавцев, которые говорят по-английски.

— Эге, милочка, — пробурчал Томпсон. — На шляпку я однажды уже разорился. Милдред, — сказал он по внутреннему телефону, — позвоните в Цитадель генералу. Нам нужен сопровождающий для жен членов делегации высокопоставленных лиц, которая прибывает послезавтра. Делегация имеет огромное значение, речь идет о большой ссуде для Польши. Если можно, пусть направят лейтенанта Андрея Андровского из Седьмого уланского. Да. Пусть свяжется с мадемуазель Рок. — Он положил трубку. Габриэла покраснела как рак.

— Называйте меня отныне просто Купидоном.

Андрей пришел в ярость, но ничем себя не выдал. Позвонил мадемуазель Рок, спокойно получил от нее распоряжения. Он пустил в ход все свое польское обаяние, сопровождая трех пожилых, но еще чувствительных американок. Ему даже удалось сдержаться, когда одна из дам, узнав, что он играл за сборную Польши, стала настаивать на том, чтобы он снял сапоги и показал мускулы своих ног.

В конце третьего дня он доставил дам в гостиницу, о чем и доложил в посольство мадемуазель Рок.

— Признаться, меня похвалили за умение налаживать связи. Вы внесли большой вклад в строительство плотины на Варте.

— Спасибо, — промямлил Андрей.

— Знаете, лейтенант, американские дамы так довольны вашим обществом, что спросили, не согласитесь ли вы их сопровождать в двухдневной поездке в Краков, пока комиссия будет рассматривать проект плотины.

— Мадемуазель Рок, — сказал Андрей, — боюсь, я отнимаю у моих приятелей-офицеров прекрасную возможность проявить себя. Пусть уж на сей раз исполнят свой долг они.

— Но дамы просят именно вас. Вы же хотите увидеть плотину на Варте?

— Мадемуазель Рок, плевать мне на плотину. В тот вечер я задел ваше самолюбие, и вы мне отомстили. Победа за вами — я посрамлен. Пока я водил этих... милых дам по Варшаве, мой полк проиграл очень важный матч, а мой дом совсем опустел. Вам придется найти кого-нибудь другого для исполнения этой приятной обязанности, потому что только через военный трибунал меня можно заставить вернуться сюда завтра.

— По-моему, вы ведете себя совсем не по-польски.

— Разрешите отбыть в полк?

— Если проводите меня домой, — улыбнулась Габриэла.

На сей раз, когда он ей отдал ключ, она вошла, не закрыв за собой двери.

— Поднимайтесь, — пригласила она.

Андрей вошел в небольшую, но со вкусом и хорошо обставленную гостиную. Это убранство, казалось, еще больше смутило его. Габриэла вышла на балкон, с которого была видна вся аллея Трех крестов. Андрей стоял у дверей, вертя в руках конфедератку.

— Входите, я не кусаюсь.

Когда он подошел к балкону, Габриэла обернулась и посмотрела на него со злостью.

— Вы совершенно правы, лейтенант, никогда

еще я так не страдала от унижения.

— Вы уже отыгрались за него.

— Нет, не отыгралась.

— Мне не хотелось бы, чтобы вы усматривали в этом дело чести.

— Я никогда в жизни не бегала за мужчинами, но и они от меня никогда не бегали. Я не скрываю, что вы мне нравитесь, и хотела бы точно знать, почему вам доставляет удовольствие обращаться со мной, как с уличной девкой.

— Я уже сказал вам, что не люблю бывать на балах, я там чужой.

— Вы же знаете, что стоит вам моргнуть — и приданое любой богатой невесты в Варшаве — ваше.

— А мне хорошо быть тем, кто я есть.

— Так кто же вы есть?

— Я еврей, и у меня нет ни малейшего желания добиваться положения, которого я не жажду. Я, конечно, отношусь к категории "хороших" еврейских парней. Могу метать копье дальше любого поляка и брать самые высокие барьеры на скачках, так что в уланских полках даже существует любовное соглашение не упоминать публично о моем позорном происхождении.

— И только поэтому вы так со мной обращаетесь?

— Мадемуазель Рок, не знаю, насколько сильно в вас американское воспитание, но в Польше принято считать, что мы используем таких милых католических девушек, как вы, для обрядовых жертвоприношений.

Габриэла прошла с балкона в комнату, присела возле столика с лампой и глубоко вздохнула.

— Что ж, я сама напросилась на этот разговор — нечего теперь обижаться. По крайней мере, мое самолюбие удовлетворено. Я думала, я вам не нравлюсь.

— Напротив, вы мне очень нравитесь.

— Вы только напускаете на себя браваду, а на самом деле вы очень ранимый человек.

— Я занят серьезной деятельностью, армия у меня отнимает лишь половину времени.

— Какой деятельностью?

— Вам это не будет интересно.

— Как раз интересно.

— Я сионист.

— О сионизме я слышала. Выкупить Палестину или что-то в таком роде.

— Вот именно, что-то в таком роде. Я член исполнительного комитета организации, которая называется "Бетар".

— "Бетар"? Какое странное название!

— Во времена римского владычества в Иудее, во времена восстания Бар-Кохбы¹¹... В общем, вам это не интересно.

— Очень интересно. Что же бетарцы делают?

— Мы придерживаемся сионистских принципов, согласно которым нам следует возродить нашу древнюю родину в Палестине. Мы содержим сиротский дом, у нас есть ферма под Варшавой, где молодежь приучается работать на земле. Когда у нас накапливается достаточно денег, мы покупаем земли в Палестине и посылаем туда очередную группу молодежи основывать там колонии.

— А зачем вам все это нужно?

— Затем, мадемуазель Рок, — у Андрея уже лопалось терпение, — что польский народ не разрешает нам иметь землю и обрабатывать ее. — Он резко оборвал себя и, понизив голос, добавил: — Хватит об этом. Вам на сионизм плевать, и я себя чувствую круглым идиотом.

— Я стараюсь разговаривать с вами по-дружески.

— Мадемуазель Рок, на территории Варшавы, между Иерусалимскими аллеями и Ставками живет

более трехсот тысяч человек. Это целый мир, о котором вы ничего не знаете. Ваши знаменитые писатели называют его "Черным континентом". Это и есть мой мир.

Андрей медленно пошел к дверям.

— Но почему это значит, что мы не можем быть друзьями, лейтенант?

— Что вам от меня нужно? — Андрей вернулся и подошел к ней. — Я не заинтересован заводить флирт.

— Ну, знаете...

— Кончайте эту дурацкую игру. Я беден, но мне это не мешает, поскольку я счастлив своим делом. В ваших глазах я ничего не значу и значить не буду. Если даже между нами и есть что-то общее, мы все равно живем на разных планетах.

— Не понимаю, почему я разрешаю вам доводить меня до такого состояния, — голос Габриэлы дрожал. — Вы очень предубеждены. Стоит постараться отнестись к человеку по-дружески, как он тут же возомнит о себе невесть что.

— Я точно знаю, что у вас на уме, и сейчас покажу вам, насколько я предубежден. Если вы ко мне снова пристанете, я вас раздену и устрою вам такую любовь, какую умею делать только я, а в моем умении вы, надеюсь, не сомневаетесь?

Она была изящного сложения, но пощечину он получил увесистую.

— Попробуйте только пикнуть, и я наставлю вам синяков, — прогремел он, схватив ее на руки.

Габриэла пришла в такой ужас, что не могла понять, шутит он или говорит серьезно. Андрей ринулся в спальню.

— Поразмыслив, я решил, что вам нужно прибавить в весе. Вы для меня слишком тощая, не стоит и заводится, — сказал он, бросая ее на кровать, и вышел.

— Бросил и вышел? — воскликнула Марта.

Габриэла кивнула, налила чай и стала нарезать яблочный пирог.

— А ты что?

— Ничего. Не могла прийти в себя, как ты догадываешься, — Габриэла вдруг вынула носовой платок, отвернулась и заплакала.

— Вот тебе и раз! Габриэла, я тебя никогда не видела плачущей!

— Сама не понимаю, что со мной творится в последнее время. С тех пор, как я его встретила, я стала просто истеричкой. Стоит кому-нибудь не так на меня посмотреть — я начинаю плакать. Нет! — закричала она. — Меня никто так не выводил из себя! Никогда! — она зарыдала. — Такой негодяй! Я его ненавижу!

— Да, да, конечно, ненавидишь, — Марта села рядом и обняла ее за плечи.

— Я веду себя, как дура, — отстранилась Габриэла, беря себя в руки. — Но он совсем не такой, как все, кого я встречала до сих пор. Как будто с другой планеты.

— Ну, конечно, я всегда говорю: все стоящие мужчины либо сто раз уже женаты, либо с выкрутасами.

— Еще с какими! Самое ужасное, что я до смерти боюсь новых унижений. Я уже и так только что не бросилась к его ногам. Но этого не будет никогда! Могла ли я подумать, что такая ерунда может причинить такую боль, — Габриэла гневно дернула головой. — Я так хочу его видеть, что не могу выдержать. Просто не знаю, что делать.

— Вот что, дорогая, кем бы ни был этот лейтенант Андровский, ясно одно: это мужчина.

Андрей лежал на кровати, положив ноги на железную спинку, и тупо смотрел в потолок, не обращая внимания на Александра Бранделя, который рылся в бумагах на старом столе посреди комнаты.

— Я против назначения Брайлова редактором, он по своим взглядам слишком близок к сионистам-ревизионистам¹². А ты как думаешь, Андрей?

Андрей что-то буркнул.

— Больше всех подходит Ирвин Розенблюм, но мы не можем платить ему столько, сколько он получает сейчас. Может, взять его консультантом... Поговорю с ним. Теперь, Андрей, относительно Лодзинского отделения. Тебе нужно немедленно заняться им. — Александр замолчал. — Я что, со стенкой разговариваю? Ты же меня не слушаешь!

— Слушаю, слушаю, — Андрей встал с кровати, засунул руки в карманы и прислонился к стене.

— Так что же ты думаешь?

— К чертям собачьим Брайлова, Ирвина, Лодзинское отделение вместе со всем сионизмом!

— Ну, после такого убедительного заявления, может, объяснишь, что тебя мучит? Ты уже целую неделю мечешься, как зверь в клетке.

— Потому что все время обдумываю, как быть. Может, остаться в армии...

— Прекрасно, — сказал Александр, стараясь скрыть удивление. — Я всегда предсказывал, что ты станешь первым евреем в Польше, дослужившимся до генерала.

— Я не шучу, Алекс. Мне уже двадцать шесть лет, и кто я? Борец за почти безнадежное дело? Все время изображать из себя важную персону, жить в таких комнатах, как эта... Может, с моей стороны глупо упускать единственную возмож-

ность выбиться в люди. Я сегодня все ходил и думал. Забрел на Ставки, где жил в детстве, и даже страшно стало: может, там я и окажусь снова под конец жизни. Ходил я и по Маршалковской, и по Иерусалимским аллеям. Если я постраюсь, то могу оказаться и там.

— А по дороге ты прошел по площади Трех крестов и мимо Американского посольства?

Андрей резко обернулся.

— Звонил Томпсон из посольства, — продолжал Алекс, — и пригласил меня сегодня на прием. Там, кажется, есть молодая особа, такая же несчастная, как и ты.

— Господи! Теперь уже и мое разбитое сердце не мое личное дело?

— Нет, раз ты Андрей Андровский.

— Не хочу я слушать лекции о еврейских мальчиках и шиксах¹³!

— Уж если Моисею годилась шикса¹⁴, то Андрею Андровскому — тем более, — пожал плечами Алекс. — Знаю все, о чем ты сейчас думаешь. "Зачем я здесь? Зачем ломаю голову над этими делами?" Но если ты способен верить в сионизм так, как некоторые священники и монахи верят в католическую доктрину, или как хасиды — в свой хасидизм¹⁵, ты поймешь, что в конечном счете спокойная совесть стоит любых жертв.

Андрей знал, что перед ним человек, который мог бы добиться славы и материальных благ, не посвяти он себя делу сионизма. Но Алекс отнюдь не производил впечатления обездоленного. Вот если бы и он, Андрей, мог так же верить в сионизм...

— Андрей, ты для нас всех кое-что значишь. Мы тебя любим.

— А если я свяжусь с католичкой, то уроню себя в глазах своих друзей и огорчу их?

— Я же сказал, что мы тебя любим. Огорчить

настоящих друзей можно только причинив огорчение себе.

— Алекс, сделай милость, иди домой.

Александр сложил газеты, затолкал их в портфель, надел шапку и кашне, с которым не расставался даже летом, и пошел к дверям.

— Алекс!

— Что?

— Прости меня. Через неделю я освобожусь и сразу же поеду в Лодзь.

— Хорошая мысль, — сказал Алекс.

После его ухода Андрей налил себе полстакана водки, выпил залпом и стал ходить из угла в угол. Потом остановился, завел патефон, погасил везде свет, кроме настольной лампы, и подошел к полке с книгами. Взял томик Хаима Нахмана Бялика¹⁶. "Это последнее поколение евреев, которое будет жить в неволе, и оно же — первое, которое будет жить на свободе", — прочитал он. Потом отложил Бялика и взял с полки Джона Стейнбека, своего любимого писателя.

Андрей снова налил себе водки. Вот кто понимает, подумал он. Стейнбек знает, что такое сражаться за гиблое дело в неравной битве...

В дверь почти неслышно постучали.

— Входите, открыто.

Габриэла остановилась в дверях. Андрей схватился за край стола, не в силах двинуться и вымолвить слово. Она прошла в комнату.

— Я решила прогуляться по району к северу от Иерусалимских аллей. Меня очень заинтересовали эти триста пятьдесят тысяч обитателей "Черного континента".

Она провела пальцами по книжным корешкам.

— А вы, я вижу, читаете не только по-польски, но и по-русски, и по-английски. А это что за странный шрифт? Наверное, идиш или, может быть, иврит? "А.Д. Гордон"¹⁷. В библиотеке по-

сольства стоит один его том. Ну-ка, посмотрим. "Физический труд есть основа человеческого бытия... Он необходим духовно, а природа есть основа культуры — высшего творения человека. Однако во избежание эксплуатации человека человеком земля не должна оставаться частной собственностью". Ну, как мой первый урок по сионизму?

— Что вам здесь нужно? — воскликнул Андрей.

Закрыв глаза и стиснув зубы, она прислонилась к книгам и смолкла. По щекам ее катились слезы.

— Лейтенант, — сказала она, — мне двадцать три года, я не девушка, отец оставил мне значительное состояние. Что еще вы хотели бы обо мне узнать?

Андрей беспомощно провел рукой по столу, но тут же рука его сжалась в кулак.

— Ну чего вы прицепились ко мне?

— Сама не знаю, что со мной. Да мне и наплевать. Как видите, я у ваших ног. Умоляю, не прогоняйте меня.

Она отвернулась и зарыдала. И тут она почувствовала у себя на плече его руку, и ей стало удивительно хорошо...

— Габриэла... Габриэла...

* * *

С того момента, как на нее распространилась его огромная и завораживающая власть, все, чем она дорожила прежде, потеряло значение. Габриэла поняла, что такого человека, как Андрей, она никогда не встречала и никогда не встретит. Рухнули все преграды: религия, разница в мировоззрении и материальном положении. Габриэла была эгоисткой; оказалось, что она способна не только брать и не только думать о себе. Для

нее Андрей был библейским Давидом. В нем сочетались вся сила и вся слабость одинокого человека. В приступе гнева он мог убить, но таким нежным, как он, с ней не был никто. Великан, одержимый одним-единственным идеалом, из-за пустяка превращался в беспомощного ребенка — конфузился, дулся, злился... Человек, считавшийся воплощением воли и отваги, он напивался в стельку, когда ему становилось невмоготу. Ни с кем, никогда, с самой смерти отца, она не испытывала такой боли и душевных мук, но и такой радости от физической близости она тоже никогда не знала. Приятели Габриэлы считали, что с ней случилось несчастье — ведь она стала любовницей нищего еврея. Она же считала, что не приносит никакой жертвы, живя с человеком, который делает ее такой счастливой, какой она никогда не была. Постепенно она отошла от прежней жизни, смирилась с мыслью, что, видимо, никогда не станет женой Андрея, поняла, что ни в коем случае не должна быть помехой в его деятельности, что он ни за что не согласится подгонять себя ни под одну из ее мерок. Андрей — это Андрей, и ей следует принимать его таким, каков он есть.

Андрей же нашел наконец в Габриэле женщину, которая была ему под стать во всем — и в страсти, и в гневe. На нее часто нападали приступы гордости, которые проходили только после того, как он просил прощенья. Он смиренно принимал ее упреки наутро после неумеренных попок, инстинктивно чувствуя, когда следует избегать ссоры. Она же сразу угадывала, когда у него начались срывы из-за неприятностей, связанных с его делом, и дарила ему такое понимание, которое доходило до глубины его души. Он знал, что обуздал дикую лошадку, которая все еще не перестает брыкаться, настаивал, чтобы она не со-

всем отказывалась от прежнего образа жизни, и принимал многих ее приятелей, как своих.

Оказалось, что общих интересов у них больше, чем тех, что разъединяют. Они одинаково любили музыку, книги, театр. Иногда он соглашался признать, что любит танцевать с ней.

Габриэла ничего не делала специально для того, чтобы быть принятой его друзьями, но, войдя в его странный мир, почувствовала, что они принимают ее с чистым сердцем. Частые разъезды Андрея по всей Польше и зависимость от увольнительных из армии делали их встречи каждый раз похожими на первое свидание.

* * *

”Всего два года, — подумала Габриэла, — всего два года прошло с тех пор, как я встретила Андрея”. Она посмотрела с моста вниз на последний поезд, отправляющийся в Прагу, и пошла дальше искать Андрея с Кристофером.

Глава седьмая

В винном погребке Фукье в Старом городе было шумно и накурено, пахло сырами, вином и чем-то еще. От столика к столику ходили трое цыган-музыкантов. Они остановились перед Андреем и Крисом. Андрей опрокинул рюмку и положил на стол монету. Скрипач взял ее и подал знак аккордеонисту и чумазой певице с бубном.

— Господи, — прошептал Крис, — даже цыгане играют Шопена.

К их столику пробралась официантка и поставила перед ними две тарелки, черный хлеб, кусок окорока и водку. Цыгане заиграли ”О, соло мио”.

— Это еще хуже, чем Шопен! — не выдержал Крис.

— Давай не терять нить, — сказал Андрей. Он залпом проглотил полпинты водки и утер рот рукавом. — Значит, так: немцы идут в наступление, мы, разумеется, — в контрнаступление, и я на своем Батории первым въезжаю в Берлин.

Покачнувшись, Крис взял вилку и, нацелившись на окорок, всадил ее в самую середину.

— Вот Польша, — он взял нож и разрезал окорок пополам. — Эта часть — Германии, эта — России, и нет Польши. А ваши чертовы поэты будут писать скучные стихи о старых добрых временах, когда паны выбивали дух из крестьян, а крестьяне — из евреев. И какой-нибудь дурак-пианист будет играть для поляков в Чикаго только Шопена. И через сто лет все скажут: "Да пусть наконец Польша воссоединится, нас уже тошнит от Шопена". А через сто два года русские и немцы начнут все сначала.

Крис попытался продолжить свои рассуждения, но всякий раз, когда он хотел показать на часть Польши, отошедшую к России, у него соскальзывал локоть со стола. Рыдала скрипка. А когда у Фукье рыдает цыганская скрипка, люди тоже обливаются слезами.

— Крис, будь другом, — всхлипнул Андрей, — уведи мою сестру от этой паскуды Бронского.

— Не произноси имя дамы в кабаке, — понурил голову Крис. — Проклятые бабы!

— Проклятые бабы, — согласился Андрей, дружески хлопнув Криса по плечу, и выпил. — Гитлер блефует!

— Черта с два.

— Он боится нашего контррудара.

— Как моей задницы! — Крис стукнул кулаком по столу и сдвинул в сторону всю посуду. — Этот стол — Польша.

— Я думал, окорок — это Польша.

— Окорок — тоже Польша. Видишь стол, дурак? Смотри, какой он ровный, плоский. Красота — для танков. А у немцев они есть. Большие, маленькие, тяжелые, быстроходные. Испытаны в Испании. Если бы у вашего командования была хоть капля ума, вы отступили бы сейчас.

— Отступить! — в ужасе закричал улан.

— Да. Сдержат первый немецкий натиск у реки Варты, потом отступить за Вислу и там закрепиться.

— За Вислу?! Ты смеешь намекать на то, что мы отдадим Силезию и Варшаву?

— Смею. Они все равно их отберут. И Шопен не поможет. Если вам удастся продержаться за Вислой месяца три-четыре, англичанам и французам придется начать что-нибудь на западной границе.

— Великий стратег де Монти! Видали великого стратега?

— Просто немного здравого смысла плюс пинта водки.

* * *

Габриэла вошла в заведение Фукье и осмотрелась. Вон они оба, и Андрей, и Крис. Валяются на полу — индийская борьба. Оба хохотали.

— Какого черта ты тут валяешься? — спросила она Андрея.

— Я? Пытаюсь увести этого пьяного недотепу домой.

* * *

Габриэла внесла в комнату дымящийся кофе. Андрей смущенно опустил голову.

— Я — дрянь, — сказал он.

— Не болтай, вот, выпей кофе.

— Габи, — бросил он на нее виноватый взгляд, — пожалуйста, не ругай меня... пожалуйста...

Она сняла с него конфедератку, расстегнула мундир, стянула сапоги. У Андрея язык еще заплетался, но мысли уже прояснились. Кофе ему сразу помог. Он посмотрел на свою маленькую Габриэлу. До чего она прелестна...

— И зачем ты только мучаешься со мной, — проговорил он.

— Ну, как, пришел в себя? Мы можем поговорить? — спросила она.

— Да.

— Раньше, когда ты уезжал на недельку-другую в Краков или в Белосток, или на маневры, я жила той минутой, когда ты вернешься, взлетишь по лестнице и бросишься меня обнимать. Но теперь ты на действительной службе, тебя не было два месяца. Я чуть не умерла, Андрей! Мы в посольстве ведь знаем, как скверно обстоят дела. Андрей, пожалуйста... женись на мне.

Он вскочил на ноги.

— Может, ты возненавидишь меня, — продолжала она, — как Пауля, за измену своей вере, но ты для меня значишь больше, чем мое католичество, я поступлюсь им, я буду зажигать для тебя свечи по субботам и постараюсь делать все...

— Нет, Габи, нет. Да я и не потребовал бы от тебя ничего подобного, но...

— Что, Андрей?

— Я никогда тебе об этом не говорил, но если бы я мог на тебе жениться, большей чести для меня в жизни не было бы. Но... хоть я сто раз в день твержу себе, что такого случиться не может, Крис прав: Польшу захватят. И один Бог знает, что они сделают с нами. Тебе сейчас никак не нужен муж-еврей.

— Понимаю, — грустно сказала она, осознав смысл его слов.

— Пропади все пропадом.

У Андрея был такой удрученный вид, что она забыла о себе.

— Чем тебя так расстроил сегодня Бронский?

— Сволочь он, — Андрей, глубоко вздохнув, отвернулся к окну и уставился в темноту. — Он назвал меня лжессионистом, и он прав.

— Как ты можешь так говорить?!

— Прав, прав, он прав, — Андрей старался собраться с мыслями и смотрел на Габриэлу; она была далеко и не в фокусе. — Ты никогда не бывала на Ставках, где живут бедные евреи. А у меня перед глазами кучи мусора и в ушах — скрип тележек. Вонь и унижения заставили Бронского бежать оттуда. Разве можно его за это осуждать?

Габриэла с ужасом слушала его пьяные излияния. Сколько она знала Андрея, он ни разу ни словом не обмолвился о своем детстве.

— Как и все евреи, мы вынуждены были жить обособленно, и нас вечно громили те самые студенты, которыми сейчас руководит Пауль. Мой отец — ты видела его портрет?

— Да.

— Отец — один из тех бородатых религиозных евреев, которых никто не понимает, он торговал курами. Он никогда не злился, даже когда ему в окна бросали камни, и только повторял: "Зло само себя разрушит". Ты не знаешь Красинский сад, приличные польские девушки туда не ходят. Туда отправляются по субботам бедняки — на деревья посмотреть, крутые яйца с луком поесть, посудачить, пока дети плещутся в пруду. Отец посылал меня относить кур в "Бристоль" и "Европейскую", и мне нужно было проходить через этот сад. Там нас, маленьких еврейских мальчиков, подстерегали банды гойских¹⁸ мальчишек, и всякий раз, когда они били меня и отнимали кур, нам потом всю неделю приходилось сидеть на од-

ной картошке, и я вечно спрашивал: "Папа, когда же уже зло себя разрушит?" А он твердил: "Беги от гоев, беги от гоев" — вот и весь ответ.

Однажды, когда я нес кур, со мной был приятель по хедеру. Хедер — это у нас как приходская школа. Даже не помню, как звали того приятеля, но удивительно, что он у меня стоит перед глазами, будто это было вчера. Худенькое лицо, и сам тощий, вдвое меньше меня. Гои напали на нас как раз напротив их собора. Я хотел бежать, а этот заморыш, как же его звали... нет, не помню, — удержал меня и заставил положить кур на землю позади нас.

Странно было не бежать. Когда первый подошел ко мне, я его ударил. На нашей улице я мог одолеть всех ребят, но стукнуть гою мне и в голову не приходило. А этого я стукнул так, что он упал. Он тут же поднялся с расквашенным носом и совсем озверел от злости. Я снова стукнул его, на этот раз так, что он остался лежать. Я посмотрел на остальных, и они начали пятиться назад. Я — на них, они — бежать, я — за ними. Догнал одного и тоже побил. Я, Андрей Андровский со Ставок, побил двух гоев! — Тут его воодушевление, навеянное воспоминаниями, улеглось, и он снова помрачнел. — Вот почему я — дутый сионист, Габи. Я ненавижу эту чертову сионистскую ферму, не хочу всю жизнь проводить в задних комнатухах, и Бронский это знает. Я не поеду в Палестину, не буду строить поселения на болотах...

— Но в таком случае, почему же ты...

— Потому что с бетарцами я не один, я там с друзьями, и пока мы вместе, никто не отнимет у нас кур. Все, чего я хочу, Габи, — иметь возможность жить, не убегая. Я заставил их сделать меня уланским офицером, я, Андрей Андров-

ский, сионистский вожак. Но я чувствую на спине их взгляды. Еврей, думают они, хотя в глаза этого не скажут...

— Успокойся, дорогой, ты же сейчас не борешься за...

— Габи, я так устал бороться за всех, так устал быть "тем самым" Андреем Андровским.

— Ну, успокойся, отдохни.

Она погасила свет, примостилась рядом и гладила его, пока он не забылся тяжелым сном.

* * *

Мамина песня. Мамина колыбельная. Андрей открыл глаза и заморгал. Нащупал подушку. Во рту стоял противный вкус. Он сел. Тряхнул курчавой головой. В ту же минуту проснулась и Габриэла, но она, не шевелясь, смотрела, как он спускает ноги на пол, как натягивает мундир и выходит на балкон. Внизу лежала спокойная, спящая Варшава.

"Папа", — сказал про себя Андрей и увидел, как живого, Израиля Андровского. Обшарпанный черный сюртук, неухоженная борода с проседью, полузакрытые глаза, на лице, на всей фигуре печать усталости и жизненных тягот.

Запах бедности вновь ударил Андрею в нос.

"В хедере ты научишься находить утешение в Торе, в Талмуде, в Мидраше¹⁹. С завтрашнего дня начнешь ходить в школу, отправишься в плавание по необъятному морю, которое называется Талмудом, наберешься мудрости, и она поможет тебе всю жизнь оставаться хорошим, верующим человеком".

Маленький Андрей пролепетал на идише, как он рад, как хочет он учиться в одной из шестисот еврейских школ Варшавы.

Рабби Гевирц, грея руки у остывшей печки в

темной и грязной комнате, говорил горстке дрожащих от холода учеников: "Понимаете, киндер²⁰, мы, евреи, живем в изгнании со времен разрушения Второго Храма²¹ вот уже почти две тысячи лет... Инквизиция... Крестonosцы... Реки крови. Евреи бежали из Богемии в только что образовавшееся королевство Польское. Здесь их приняли радушно, и для них началась новая жизнь — тогда же, когда началась Польша. Евреи были ей нужны, потому что не было у нее среднего класса — только помещики и крестьяне. Евреи принесли с собой ремесла, искусства и умение торговать..."

"Ну, Андрей, как сегодня было в хедере? — Мальчики меня дразнят, говорят, Андровский — не еврейское имя. — Новости какие! Очень даже еврейское. В нашей семье с незапамятных времен все были Андровскими, а семья наша очень древняя, она долго жила во Франции, пока во время крестовых походов не перебралась в Польшу. — Папа, почему и ты, и рабби Гевирц так много рассказываете про историю? Я хочу знать, что сейчас происходит, зачем столько говорить о прошлом? — Зачем? Чтобы знать, откуда ты пришел. Прежде чем узнаешь, кто ты и куда идешь, нужно знать, откуда пришел", — ответил Израиль Андровский, подняв палец к небу.

Так Андрей узнал, что один за другим польские короли выпускали эдикты, гарантировавшие евреям свободу вероисповедания и защиту закона. Но уже вскоре начались преследования, которые длятся почти тысячу лет, иногда затихая, а иногда усиливаясь. Это началось с тех пор, как окрепла католическая церковь. Иезуиты распространяли слухи о ритуальных убийствах; немецкие иммигранты, недовольные конкуренцией в торговле, с помощью церкви добились, чтобы евреев обложили налогами. Паны отняли у евреев

собственные или арендованные земли. Польше принадлежит честь создания одного из первых в мире гетто: евреев согнали в одно место, это место обнесли стеной и так отделили их от прочих граждан. Отторгнутые от национальной и экономической жизни государства, евреи замкнулись в своей общине. В гетто жилось очень трудно, и тут зародились еврейские традиции самоуправления и взаимопомощи. И тогда же евреи стали усиленно изучать свои священные книги в поисках ответа на бесчисленные вопросы. "Мы, как птицы, — говорил рабби Гевирц. — Путь домой такой долгий, что нам в один прием его не одолеть, вот мы и кружим по дороге, и опускаемся отдохнуть, но пока мы успеваем свить гнездо, нас снова прогоняют, и мы снова кружим в воздухе".

Польские евреи испытывали горькое чувство по отношению к своей новой родине. Вынуждая их жить обособленно, поляки тем самым доказывали, что евреи не такие, как все, и вообще не имеют ничего общего с поляками: и разговаривают на идише, на языке, вывезенном из Богемии, и культуру, и литературу создали себе особую, не похожую на ту, что у поляков...

"Папа, я не хочу быть портным и кур продавать не хочу! — кричал Андрей. — И хасидом быть не хочу! Я хочу быть, как все люди в Варшаве". Лицо Израиля Андровского становилось печальным. Он гладил курчавую голову сына. "Конечно, мой мальчик не будет торговать курами. Ты будешь большим знатоком Талмуда. — Нет, папа, я больше не хочу ходить в хедер!" Отец в гневе поднял на него руку, но не ударил, потому что Израиль Андровский был человеком очень мягким. Он с удивлением смотрел в горящие глаза сына. "Я хочу быть солдатом, как Берек Иоселевич²²", — выдохнул Андрей.

”Андрей! Это еще что такое! Ты носишь в карманах камни и дерешься в Красинском саду с гоями? — Папа, они первые лезут ко мне. Они на меня нападали, еще когда мы носили кур. — Я же тебе говорил: всегда беги от гоев. — Не буду я от них бегать. — Господи, что за сына ты мне послал! Слушай, что я тебе говорю: ты будешь ходить в синагогу, будешь молиться и будешь хорошим евреем!”

С Андреем считались не только в еврейском районе, потому что он мог вступить в драку и победить. Но он знал, что за глаза его называли ”этот еврей”. Только ”этот еврей” — чего бы он не достиг. Между ним и ими вечная стена. И никогда они его не признают своим, никогда он не добьется того, чего больше всего хочет.

”Папа, я решил присоединиться к сионистам. — К этим бунтарям? Сын мой, сыночек, вот уже полгода, как ты не ходишь в синагогу. Тебе уже двадцать лет, а ты все еще не понял, что быть евреем — значит терпеть, молиться и мириться со своим положением. — Я никогда с ним не смирюсь. Папа, я не нахожу в Талмуде того, что ищу. Мне нужно искать свой путь самому”.

”Мы, как птицы вдали от дома, все кружимся и кружимся, все ищем, где бы свить гнездо. Но стоит нам пикнуть, и нас сгоняют с места, и мы снова кружимся и кружимся...”

* * *

Рассвет окрасил Варшаву в грязно-серые тона. Из-под отяжелевших век смотрел Андрей, как постепенно вырисовываются крыши домов. Он почувствовал, что кто-то стоит за его спиной.

— Очень холодно. Вернись в комнату, — сказала Габриэла.

Глава восьмая

Из дневника

Война на носу.

Польская делегация срочно прибыла в Берлин для неофициальных переговоров — для других у нее не было полномочий. Все считают, что Гитлер в действительности не хочет вести переговоры. Пакт с Россией пока избавляет его от советской армии, а насчет того, что в случае нападения на нас вмешаются Англия и Франция, ни у кого даже иллюзий нет.

Наконец мне удалось заполучить Андрея, и из Кракова приехала Анна Гриншпан, так что сегодня можно собрать правление.

Александр Брандель

По всей Варшаве звонили колокола. В больших церквах и малых, в соборах и в монастырях, у Святого Антония и Святой Анны, у кармелитов и у Святой Богородицы, у доминиканцев и у францисканцев, у иезуитов и у Святого Казимира, и в церкви Святого Креста, где возле алтаря в маленьком черном ящике хранится сердце Шопена.

В Варшаве много церквей, и во всех звонили колокола. Потому что было воскресенье.

По Висле плыли белые паруса, надутые легким бризом позднего лета, а на пражском пляже купались и загорали.

Понятовский и Кербедзский мосты были перегружены: варшавяне ехали навещать своих родственников в предместья, а жители предместий — с той же целью — в Варшаву.

Под Понятовским мостом растянулся район Сольц. Там пахло конским навозом, потому что большинство извозчиков жили в Сольце и держали лошадей у себя во дворе.

Внизу, у подножья винтовой лестницы, ведущей в Сольц, собрались полицейские: тут закололи известную всем проститутку. Правда, сегодня грабежи, взломы, карманные кражи, азартные игры — словом, все, что делает Сольц Сольцем, временно прекратились, потому что большинство проституток, хулиганов и воров были в церкви.

Вся христианская Варшава — две трети ее жителей — благочестиво отправилась в церковь. А накануне вся еврейская Варшава — одна треть ее жителей — благочестиво отправилась в синагогу.

Стоял погожий день. Одеваясь, чтобы идти к мессе, Габриэла поглядывала на нарядную публику, прогуливающуюся по площади и по Уяздовской аллее. Мужчины в котелках, с тросточками, в гетрах, при орденах, brave офицеры, элегантные дамы в парижских шляпках, в парижских платьях и в мехах.

Нувориши прохаживались по Иерусалимским аллеям и по Маршалковской. Солдаты со своими подружками гуляли по Новосвятской, с вождением поглядывая на витрины закрытых магазинов. Провинциалы заполняли площадь Старого города, желая немедленно, тут же, приобщиться к величию польской истории.

Саксонский сад был полон людьми среднего достатка. После смерти супернационалиста, маршала Пилсудского, толпам посетителей разрешалось осматривать его личный ботанический сад вокруг Бельведерского дворца на Лазенках.

На площади Старого города парни фотографировали своих девушек, позировавших им на фоне средневековых стен.

А бедный люд, как всегда, шел в Красинский сад — поваляться на траве, поесть крутых яиц с луком и дать возможность детям поплескаться в пруду.

Варшава гуляла среди фонтанов и дворцов под

колокольный звон, и девочки в белых носках до колен, с бантами и косичками чинно шли впереди своих родителей, исполненных благости после посещения богоугодных мест; мальчики бегали за девочками и дергали их за косички.

На тротуарах народ толпился возле круглых тумб, оклеенных афишами, объявлениями о торговых предложениях, рекламами фильмов. На цоколях конных статуй Пилсудского, короля Стефана и Понятовского, как и на пьедестале памятника Шопену, лежали свежие цветы — в соответствии с польской традицией чтить своих героев.

Побыв часок с Богом во время мессы, богатые отправляются в фешенебельное заведение Брюля есть мороженое и пить чай, а бедные смотрят на них с улицы через большие низкие окна, и богатые не возражают.

Однако не вся Варшава исполнена благочестия.

Евреи отпраздновали свою субботу накануне, и пока их христианские братья очищаются от грехов, они спокойно нарушают строгие государственные законы. На Волынской вовсю торгуют контрабандой, в портняжных мастерских на Гусиной подменяют материалы заказчиков, в магазинах строительных товаров на Гжибовской площади двери открывают только на условный стук.

На фешенебельных Сенной и Злотой — там живет смешанное христианско-еврейское население — еврейские врачи, адвокаты и коммерсанты гуляют со своими семьями, дабы показать, что они тоже хорошие поляки.

А колокола звонят и звонят.

Все, как всегда в воскресной Варшаве. Если, конечно, вы не заглянете ни в министерства, где царит напряженная атмосфера, ни в гостиницы "Польская", "Бристоль" и "Европейская", где холлы гудят от слухов, как растревоженный улей; если вы не в числе тех, кто стоит перед Прези-

дентским дворцом в ожидании несбыточного чуда, или тех, кто дома ловит Би-Би-Си, Берлин, Америку или Москву. Потому что, хоть все и выглядит, как обычно, в душе каждый знает, что варшавские колокола, может статься, звонят по Польше.

* * *

Собрание бетарского исполнительного комитета проходило в квартире его председателя Александра Бранделя, как раз напротив Большой синагоги на Тломацкой, недалеко от Клуба писателей, где, кроме писателей, собирались журналисты, актеры, художники и прочие интеллектуалы, не скрывающие своего еврейского происхождения. А их собратья, не признававшие себя евреями, собирались в другом клубе, чуть подальше.

Вопросы, не решенные в свое время из-за отсутствия Андрея, обсудили быстро и перешли к разработке тактики на случай войны.

— Для нас война будет страшным бедствием, — сказал Алекс, — думаю, уже сейчас нам следует быть в боевой готовности и, возможно, решить, что делать, если, не дай Бог, придут немцы.

— Первым делом нужно еще больше сплотиться, — взяла слово Анна Гриншпан, ответственная за связь между отделениями. — В случае немецкой оккупации связь между отделениями должна работать бесперебойно.

Анна говорила минут десять. Все были согласны с ней. Единство! Единство во веки веков!

За ней выступил Толек Альтерман. Господи, подумал Андрей, только бы он не завелся. Но он завелся. Толек отличался огромной шевелюрой, кожаной курткой и левыми взглядами. Он заведовал учебной фермой бетарцев под Варшавой. Вместе с группой Поалей Цион²³ Толек побывал в Па-

лестине и, как все, кто там побывал, ужасно зазнавался. "Мы, побывавшие там", — то и дело повторял он.

— Война — не война, — завел Толек, — но нас связывают общая вера и общие принципы.

Сейчас спросит, какие это принципы, подумал Андрей.

— Какие же это принципы? — продолжил Толек. — Сионистские. Польша и Россия — два центра сионизма. После многовекового преследования наш народ хочет вновь обрести родину.

Ой, Толек, ради Бога, мы знаем, почему мы сионисты.

— Чтобы оставаться сионистами, мы должны быть сионистами, то есть действовать как сионисты... — едва выкарабкался он из коварных дебрей логики. — Ферма — это сионизм в действии. Мы должны непрерывно обучать наших людей во имя конечной цели — есть война или нет войны.

Тут Толек пересел на другого конька. "Бесспорно, заведующий учебной фермой он великолепен. До него мы и сорняков выращивать не умели, — думал Андрей. — А теперь три наши молодежные группы основали три цветущие колонии в Палестине. Вот если бы он еще не был так полон своей священной миссией..."

— Побывав там лично... — продолжал Толек.

"Ну, говори, говори..."

— В Жолибоже, — вступила Сусанна Геллер, — бетарский детский приют — один из лучших в Польше. У нас на попечении двести малышей. Все они — будущие поселенцы Палестины. Война приведет к нам много новых сирот, дороже них у нас нет ничего на свете...

"Толек ратует за свою ферму, Сусанна — за свой приют, Анна — за нерушимое единство, а Ирвин зевает. Добряк Ирвин Розенблюм, наш ответственный за информацию и воспитание, — ему,

слава Богу, нечего сказать. Он сионист-социалист²⁴. К нам примкнул в поисках интеллигентного общества, в основном в лице Сусанны Геллер. Интересно, когда они наконец поженятся? Сказал я Стике про левое переднее копыто Батория или забыл? Нет, я велел ему показать Батория ветеринару. Или все же забыл? Так неожиданно пришлось уехать...”

— Ну, а ты что думаешь, Андрей? — спросил Александр.

— Что?

— Я спрашиваю, не хочешь ли ты высказать свое мнение.

— Конечно, хочу. Если придут немцы, мы уйдем в леса и будем сражаться.

У Толека даже шевелюра как-то осела, когда он поднял палец и заявил, что Андрей никакого удержу не знает. Андрею же сегодня не хотелось спорить ни с кем — ни с Толеком, ни с Сусанной.

— Как можно заранее что-то решать? Кто знает, что может случиться? — раздраженно спросил Толек.

Брандель поспешил вмешаться и предупредить словесную перепалку. Он произнес несколько умело составленных фраз о великой мудрости сионизма, в котором есть место разным точкам зрения, и собрание кончилось на мирной ноте.

Когда все ушли, Андрей, оставшийся у Бранделя, засел за шахматы с его сыном Вольфом.

— Как кавалерийский офицер, я тебе покажу, как нужно пользоваться конем, — сказал Андрей, выдвигая своего коня против слона Вольфа.

Вольф тут же снял этого коня, и Андрей почесал в затылке: проиграть не стыдно, мальчишка в шахматах — маг и волшебник.

— Вольф говорит, — произнес Алекс со своего места, — что ты ввел в бой коня без надежной защиты. Какой же ты, с позволения сказать, офи-

цер, Андрей!

— Ну, шмендрик, сегодня я тебе покажу! — шуточно пригрозил Андрей Вольфу.

Добродушный Брандель улыбнулся и снова погрузился в свои бумаги. Председатель организации бетарцев, насчитывающей двадцать тысяч действительных членов и еще сотни тысяч сторонников, он был занят день и ночь. Он был и администратором, и основателем фонда, и пропагандистом, и ответственным за приюты, и за учебную ферму, и за издание газеты "Голос бетарца". Но прежде всего он был теоретиком "чистого" сионизма. Течений в сионизме было много. Брандель говорил, что у каждого еврея — свой сионизм. Самым распространенным был рабочий сионизм, возникший в Польше и в России после чудовищных погромов начала века. Рабочие сионисты считали, что ключ к возрождению Палестины — самоотверженный труд евреев на ее земле.

Были ревизионисты, буйные головы, признававшие один ответ на антисемитизм: "око за око". Из их рядов вышли многие подпольщики-террористы, боровшиеся против англичан во времена мандата²⁵.

Была маленькая группа Бранделя — интеллектуалы, стремившиеся к чистоте идеалов сионизма. Они твердо верили: возрождение еврейской родины — историческая необходимость, доказанная двумя тысячелетиями преследований.

Брандель не принимал тех ограничений потребностей индивидуума, которых требовал рабочий сионизм, и не верил, что проблему можно решить силой, как считали ревизионисты.

Когда он оставил должность преподавателя истории в университете ради руководства бетарской организацией, в ней царил полный разброд. Он навел порядок, выработал концепцию, и организацию стали уважать.

В быту он был рассеян, витал в облаках, как положено ученому; доходы имел крайне скромные. Свет в его квартире всегда горел до поздней ночи — кроме всего прочего, Брандель был видным польским историком.

Вольф "съел" у Андрея второго коня, когда жена Алекса Сильвия принесла чай с печеньем. Она была на шестом месяце беременности. Бетарцы шутили, что за шестнадцать лет жизни в браке Алекс дважды приходил домой, и оба раза Сильвия беременела.

Сильвия была олицетворением "настоящей еврейки". Миловидная, пухленькая, смуглая, очень умная, она прекрасно вела дом и создавала Алексу все условия для занятий. В глазах Сильвии, убежденной, с пеленок, сионистки, Алекс как еврей достиг вершин совершенства — он был писателем, учителем и историком; выше ничего не бывает. На первом в ее жизни собрании рабочих сионистов она сидела на руках своей матери, потому что еще не умела ходить. Сильвия была всецело предана делу мужа и никогда ни на что не жаловалась — ни на скудость доходов, ни на то, что Алекс так мало бывает дома. Алекс любил Сильвию не меньше, чем она его.

Работая, Алекс расцветал. Мир кружился вокруг него, беснуясь, а он никогда не торопился, не повышал голоса, не впадал в панику, не мучился, как другие, внутренними противоречиями. Он достиг того состояния земного блаженства, которое называется душевным покоем.

Казалось странным и даже смешным, что организацией бетарцев руководят в одной упряжке Брандель и Андровский. Андрей, будучи на пятнадцать лет младше Алекса, был полной его противоположностью, что не мешало обоим признавать друг за другом достоинства, которых не хватало каждому из них.

— Оставайтесь на ужин, и Габриэла пусть приходит, — пригласила Сильвия.

— Если для вас это не слишком хлопотно.

— Ну, что вы! Вольф, как только кончите партию, берись за флейту. Деньги за уроки музыки на дереве не растут.

— Хорошо, мама.

— Еще счастье, что ваша племянница, Андрей, собирается поступать в консерваторию, а то он и не притронулся бы к инструменту.

Андрей глянул на Вольфа, и тот покраснел.

— "Ах, вот оно что, — подумал Андрей, — значит, ты один из тех шмендриков, которые заглядываются на Рахель". Вольф опустил глаза. Андрей внимательно смотрел на мальчика. Угловатый, на подбородке пух пробивается между прыщами... И что только Рахель в нем нашла? Конечно, он еще не мужчина. Хороший мальчик.

— Ваш ход.

Андрей сделал нелепый ход.

— Шах и мат, — сказал Вольф.

Минуты три Андрей тупо смотрел на доску, а потом заорал:

— Марш за флейту!

Андрей потянулся, зевнул и обернулся к Алексу, который что-то писал в толстой тетради.

— Что это? — спросил Андрей, беря тетрадь в руки.

— Дневник. Дурная привычка все заносить на бумагу.

— Зачем тебе дневник в твоем возрасте?

— Не знаю. Просто в голове вертится странная мысль: вдруг он когда-нибудь пригодится.

— Не заменит же он Седьмой уланский полк, — пожал плечами Андрей, кладя дневник на стол.

— Как сказать, не уверен, — возразил Алекс. — Вовремя сказанная правда может оказаться сильнее сотни армий.

— Мечтатель ты, Алекс.

Алекс уловил в Андрее какое-то беспокойство. Он отложил бумаги в сторону, вынул из тумбочки письменного стола бутылку водки и разлил по стаканам: в маленький — себе, в большой — Андрею. Андрей поднял стакан и произнес: "Лехаим!"²⁶

— Ты сегодня почти все собрание молчал, — начал Алекс.

— Другие за меня достаточно говорили.

— Послушай, Андрей, таким мрачным я тебя видел только однажды, два года назад, еще до Габриэлы. Вы с ней поспорили?

— Я с ней всегда спорю.

— Ты мрачный из-за того, что надвигается война?

— Да. И из-за Габриэлы тоже. Есть вещи, которые человек хочет выяснить перед тем, как уходит в бой.

— Мы о них сегодня говорили часа три. Где ты был в это время?

— Плохой я еврей, Алекс, — тряхнул головой Андрей и выпил. — Не тот я еврей, которым мог бы гордиться мой отец, да будет благословенна его память. Мой отец находил утешение в Торе на все случаи жизни, — Андрей подошел к окну, раздвинул гардины и махнул рукой в сторону Тломацкой синагоги.

— Но, Андрей, потому-то мы и бетарцы, и рабочие сионисты, и ревизионисты, что не нашли утешения в Торе.

— В том-то и дело, Алекс, что сионист я тоже плохой.

— Господи, кто тебе все это наговорил?

— Пауль Бронский. Он меня видит насквозь. Нет, не настоящий я сионист. Слушай, что я тебе скажу. Я вовсе не последователь А.Д. Гордона, и любви к земле у меня нет, хоть тресни. Я не хочу ехать в Палестину ни сейчас, ни по-

том — никогда. Мой город — Варшава, а не Тель-Авив или Иерусалим. Я — польский офицер, и это моя страна.

— Однажды ты мне очень образно объяснил, что не хочешь, чтобы у тебя отнимали кур. Разве это не сионизм? Разве мы не боремся за свое достоинство?

— Гиблое дело, — пробурчал Андрей, сел и тихо добавил: — Я хочу жить в Польше, хочу быть частью этой страны, коль скоро я ее подданный. Но вместе с тем я хочу оставаться самим собой и не отказываться от своего, как Бронский. Когда-то я хотел ходить в синагогу и верить, как мой отец; теперь я хочу верить в сионизм, как ты.

Александр потуже затянул кашне, приподнял стакан, и Андрей увидел у него на локте заплату.

— Тщетно желать быть поляком в своей стране, тщетно желать быть евреем на своей исторической родине, — продолжал Андрей. — То и другое — роскошь, для меня недоступная.

Он посмотрел в окно и увидел, что к дому подходит Габриэла.

”По крайней мере, еще одна ночь с ней перед отъездом, — подумал Андрей. — По крайней мере, хоть это”.

Глава девятая

Благостное настроение воскресной Варшавы, к несчастью, не могло замедлить движения стрелок судьбы, приближающихся к полудню. Министерства, военные учреждения и пресс-центры работали, как в будни.

Крис оставил бюро на Розе, а сам пошел в министерство иностранных дел узнать, нет ли новостей.

Нет. Пока все тихо.

Из министерства Крис пошел дальше, мимо массивных колонн у вечного огня на площади Пилсудского, в Саксонский парк. Воскресная публика гуляла по дорожкам, сидела на скамейках. Он миновал большой деревянный театр с афишами последних спектаклей летнего сезона. "На следующей неделе может пойти уже совсем другой спектакль, с немецкими артистами", — подумал Крис. Он остановился у пруда, посмотрел на часы и выбрал пустую скамейку. Теплое солнце, лебеди на воде — полный покой. Крис потерял виски — после вчерашней попойки с Андреем у него побаливала голова.

В конце аллеи показалась Дебора. Она искала его глазами, но он не подал ей знака, ему хотелось подольше смотреть на нее. Сколько бы раз он ее не видел, все было, как в первый раз. Она подошла, села рядом, и он тихонько взял ее руку. Они долго сидели молча, не слыша ни шагов вокруг, ни смеха, доносившегося с пруда, где какой-то солдат чуть не перевернул лодку, слишком резко повернувшись к своей подружке, ни хлопанья крыльев встревоженных лебедей.

— Я пришла, как только мне удалось вырваться, — сказала она наконец.

— А почему ты не захотела прийти ко мне домой?

— Крис, — вздохнула Дебора, опустив голову, — мы и раньше-то поступали дурно, а теперь, когда Пауль уехал, это еще хуже.

— Ждать так мучительно. Каждую минуту прислушиваться, не идешь ли ты.

— Но ты же знаешь, что я хотела прийти, — сказала она, убирая руку, потому что дрожь в пальцах выдавала, как сильно она волнуется.

— Завтра я уезжаю, — сказал Крис.

Она вздрогнула.

— Всего на несколько дней. Еду на границу.

— Я так рада, что ты мне позвонил.

— С того вечера я не нахожу покоя. Дебора, вот мы сейчас сидим здесь, при солнечном свете, можем спокойно подумать, обсудить, как быть с Паулем.

— Нет, Крис, не сейчас, когда он в армии.

— А раньше еще что-то мешало, а раньше — еще что-то. Ей богу, я хочу, чтобы он не вернулся.

— Крис!

— Я знаю, он порядочный человек.

— Я тоже о нас много думала, Крис. Когда я с тобой... мне раньше и в голову не приходило, что... я могу так... Но я же поступаю против всех моих убеждений. Я не уйду от Пауля.

— Вы связаны чувством?

— Не тем, которое ты имеешь в виду. Того никогда не было, ты же знаешь. Но муж и жена много значат друг для друга и по другим причинам.

— Дебора, я тебя не оставлю, пока ты сама меня не прогонишь.

— В том-то все и дело. А я не могу, встречаясь с тобой, сохранять хоть каплю уважения к себе.

Он провел рукой по ее щеке, и она закрыла глаза.

— Не нужно, Крис, ты же знаешь, что со мной начинает твориться. Господи, я только усложняю тебе жизнь, зачем я тебе?

— Пойдем ко мне, — прошептал он, касаясь губами ее лица.

* * *

Деборе было одиннадцать лет, когда умерла ее мать, и она осталась хозяйкой дома для отца и маленького брата. Дел у нее было выше головы и до, и после школы: варить, убирать, ходить на

базар, стирать. Андровские были так бедны, как могут быть бедны только польские евреи. Деборе приходилось часами торговаться на базаре, чтобы сэкономить злотый. Мать в ее памяти осталась больной и усталой, человеком, ожидавшим смерти как избавления.

Отец находил отдушину в глубокой вере, в неистовых молитвах, доходящих до экстаза. В синагоге он забывал обо всем: и о бедности, и о повседневной борьбе за существование. У мамы и такой отдушины не было: ежедневная молитва — привилегия мужчин.

Быть "хорошей еврейской женой" значит скрупулезно соблюдать все обычаи. Когда Дебора подросла, всякие мелочи, казавшиеся ей лишними смысла, начали приобретать значение. Почему мама особенно жаловалась на здоровье в канун субботы, когда папа приходил из синагоги? Потому что хорошая еврейская жена должна исполнять супружеские обязанности в канун субботы. А маме это было тяжело и неприятно. У нее было три выкидыша, еще один ребенок заболел и умер, когда ему был год. После рождения Андрея у мамы появилось еще больше болезней. "С мальчиками будь осторожна, — говорила мама Деборе, — а то забеременеешь и будешь всю жизнь мыть полы, стирать белье, варить и рожать детей. Ничего хорошего от мальчиков не бывает, Дебора". Так мама и сошла в могилу, оплакивая страдания, которые выпали на ее долю потому, что она женщина.

Мамины предсказания начали сбываться: Дебора мыла полы, стирала белье, и в ушах у нее звучали мамины слова, будто та продолжала их говорить из могилы.

Когда Деборе исполнилось пятнадцать лет, отец смог наконец переехать из трущоб в приличный район, на Слискую, где жили обеспеченные ортодоксальные евреи.

Хоть отец был человеком мягким, в глубине души Дебора считала его виновником маминой смерти. И когда она уже настолько подросла, что понимала, зачем отец ходит к женщинам с дурной славой, она еще больше укрепилась в своем представлении о том, какие гадости делают мужчины и женщины в постели. Семейные обязанности задавили ее, сделали пассивной. Сколько Дебора себя помнила, она всегда была одинока, не считая дружбы с братом Андреем. Единственным ее утешением было пианино. Когда, переехав на Слискую, Дебора перестала заниматься хозяйством, она с головой ушла в музыку и достигла в игре больших успехов. Но тогда отец стал требовать, чтобы она чуть ли не все время упражнялась, и она бросила музыку так же решительно, как прежде занялась ею.

С ней творилось что-то странное, пугавшее ее больше ночных кошмаров. Ей хотелось свободы, хотелось узнать поближе загадочный мир вокруг. Инстинкт самосохранения подсказывал ей, что она тонет в каком-то духовном гетто, и она бросила первый вызов: перестала даже подходить к пианино и заявила, что поступает на медицинский факультет университета. Там она сразу обрела настоящую подругу — Сусанну Геллер, готовившуюся стать медсестрой.

Деборе было восемнадцать лет, когда она познакомилась с доктором Паулем Бронским, блестящим молодым лектором, в которого были тайно влюблены все студентки. Дебора была удивительно хороша собой и столь же удивительно наивна.

Пауль Бронский, тщательно взвешивавший каждый свой шаг в жизни, захотел, чтобы она стала его женой. В ней сочетались все ценимые им качества: умна, красива, будет прекрасной матерью и замечательной хозяйкой — словом, она его устраивала и в смысле жизни, и в смысле карьеры.

Дебора вступила в большой мир слишком поспешно, не имея никакого опыта в отношениях между молодыми людьми и девушками. Она увлеклась Бронским, и мамины предсказания тут же сбылись — она забеременела.

— Я тебя очень люблю и хочу, чтобы ты стала госпожой Бронской, — сказал Пауль.

— Я умерла бы, если бы ты этого не хотел.

— Ну, как можно этого не хотеть?! Дебора, дорогая... но пока нужно как-то избавиться от беременности.

— Что-о-о?

— Я знаю, тебе тяжело, но все наше будущее поставлено на карту. Тебе придется сделать аборт.

— Пауль... взять нашего ребенка и...

— Дорогая, тебе восемнадцать лет, ты моя студентка, подумай, какой будет скандал, если ты выйдешь за меня замуж уже беременной. Это не только позор для тебя и твоей семьи, но и гибель всей моей карьеры.

Она почувствовала себя виноватой. Мама была права, жить с мужчиной противно и больно. В силу своего религиозного воспитания она восприняла потерю ребенка как наказание за грех... Выйдя замуж за Бронского, она стала для него тем кладом, который он искал: прекрасной матерью, замечательной хозяйкой, исправной исполнительницей супружеских обязанностей.

* * *

Что это было — то странное и замечательное, что потянуло ее к Кристоферу де Монти? Он, как маленькую девочку, взял ее за руку и повел через темный, пугающий лес в золотой заоблачный дворец.

Тот страшный первый раз, когда они очутились

наедине у Криса в квартире, случился потому, что между ними уже сложились такие отношения, при которых у мужчины с женщиной ничего другого случиться не может.

* * *

Дебора открыла глаза. В камине тлели угли. Крис возился в кухне. Она посмотрела на часы. Ой, как поздно! Он вошел, взъерошенный, улыбающийся, с двумя чашками кофе, и увидел перед собой совсем другое существо: от нежной и страстной женщины не осталось и следа. Она нащупала телефонную трубку и поспешно набрала номер.

— Алло, Рахель, это мама. Я была занята и никак не могла позвонить раньше. Зося хорошо вас покормила? Поупражняйся на пианино. Стефану скажи, что я скоро приду.

Она медленно положила трубку. Крис подал ей чашку. Она отрицательно покачала головой и быстро стала одеваться.

— Опять будет сцена с угрызениями совести?

— Не нужно. Я сейчас проснулась в ужасе, совершенно ясно увидев, что мы живем в грехе. Я знаю, что мы будем наказаны...

Зазвонил телефон.

--- Это я, Роза.

— Слушаю вас, Роза.

Немедленно приходите в бюро.

.. Что случилось?

— Прекратились все сообщения из Берлина. Я позвонил в Швейцарию — там отвечают, что все линии из Германии на границе с Польшей прерваны.

Глава десятая

31 августа 1939 г.

Командиру роты А.

От командира 7-го уланского кавалерийского полка. Груденз.

В 7.00 выведите роту на Тшевскую дорогу и двигайтесь на север. В ваше распоряжение выделяется специальное подразделение разведчиков для выяснения наличия или отсутствия внеочередных передислокаций или подкреплений в Третьей немецкой армии. Донесение шлите, как обычно, с нарочным. На Тшевской дороге соединитесь со своим батальоном и следуйте вместе с ним на Гдыню. Не позднее 6.00 завтрашнего дня вы встретите роту Б, патрулирующую в противоположном направлении. Донесение отправьте с ней. Учтите, что мы не находимся в состоянии войны с Германией, и немотивированный инцидент может повлечь за собой серьезные последствия. Но в исключительных обстоятельствах вы полномочны действовать по своему усмотрению.

Подпись: Зигмунд Божаковский,
командир 7-го уланского эскадрона.

Капитан Андровский вывел роту А из Груденза в 7.00 на обычное двухдневное патрулирование вдоль восточной границы Польского коридора по дороге, идущей параллельно немецкой Восточной Пруссии. Уже несколько недель они патрулировали участок от Гдыни до Груденза без всяких происшествий.

Последний день лета в Померании выдался теплым, и когда рота А шла галопом на север, солдатам и в голову не приходило, что за много сотен километров от них, в далеком Берлине затевается что-то страшное. Перед ними рассти-

лался тихий зеленый край, и, как все солдаты, они с нетерпением ждали, когда наконец попадут в ближайший город и сумеют повеселиться.

К вечеру 31 августа рота капитана Андровского заканчивала обычный объезд польско-прусской границы. Сделали привал напротив немецкого города Мариенвердер, разбили бивуак в роще неподалеку от дороги. Поужинали. Когда стемнело, выставили, как положено, караул, и Андрей собрал присланное в его распоряжение специальное подразделение разведчиков. Кроме обычных предписаний, Андрей получил от командира разведчиков устное донесение о концентрации немецких войск в районе Польского коридора, так что, кроме всего, патрулю Андрея надлежало еще и собрать сведения на этот счет. Особое подразделение разведчиков в составе десяти человек в штатском и без оружия получило задание проникнуть на немецкую территорию в районе Мариенвердера и вернуться до рассвета. Добытые сведения следовало передать с ротой Б.

* * *

31 августа 1939 г.

Совершенно секретно.

Командующему вооруженными силами.

Приказ 1.

...Принимая во внимание невозможность решить мирным путем нетерпимое положение на восточной границе... наступление на Польшу развить согласно "Белому плану"...

Дата наступления: 1 сентября 1939 г.

Время наступления: 4.45.

Подпись: Адольф Гитлер.

* * *

Пока рота А спала в роще в Польском коридоре, южнее на несколько сотен километров, там, где немецкий город Глевиц и польский город Катовицы смотрят друг на друга, миру был положен конец.

Немецкие войска СС, переодетые в польских солдат, перебравшись на польскую территорию, перешли границу с Германией и взорвали свою же радиостанцию в Глевице. Так, по нацистской логике, появилась причина "легализовать" войну.

* * *

Когда младший сержант Стика произвел побудку в роте А, солдаты не подозревали о существовании "Белого плана". Для них начинался очередной скучный день несения службы. Вставали неохотно, ворчали, переругивались.

Капитан Андровский и младший сержант Стика спали в эту ночь в полглаза, ожидая возвращения разведчиков. Получив от них сведения, Андрей составил следующее донесение:

1 сентября 1939 г.

Командиру 7-го уланского кавалерийского полка. Груденз.

Из роты А, патрулирующей вдоль границы.

Минувшей ночью рота А расположилась на позиции Л-14, напротив Мариенвердера. В соответствии с устным приказом местность была прочесана специальным подразделением.

В районе наблюдается необычное скопление немецких сил. Кроме боевых единиц, обнаруженных нами ранее, имеется еще два полка бронепехоты и, по крайней мере, часть танковой дивизии.

В 3.00 два батальона этой танковой дивизии вышли из Мариенвердера в южном направлении, видимо, для передислокации.

Рота А сегодня продолжит движение дальше на север. Мы надеемся встретиться с ротой Б вечером в Тшеве.

Подпись: капитан Андрей Андровский. Рота А.

Андрей сложил донесение, но тут же снова развернул его, словно кто-то толкнул его в руку, и внизу приписал: "Да здравствует Польша!"

Подъехал младший сержант Стика и отдал Андрею честь.

— Рота завтракает, господин офицер. Через полчаса можно выступать.

— О роте Б еще ничего не слышно?

— Никак нет, господин офицер.

Андрей посмотрел на часы и удивился: половина шестого, а крайний срок встречи 6.00.

— Роте оседлать коней и приготовиться.

— Есть, господин офицер.

Выйдя на опушку роши, Андрей долго и тщетно всматривался в пустынную дорогу, надеясь увидеть клубы пыли или услышать долгожданный конский топот. 6.00. Последний срок миновал, а рота Б не появилась. Андрей вернулся к бивуаку.

— Стика! Пошли ко мне капрала Тировича.

— Есть, господин офицер.

Лучший нарочный роты доложил.

— Быстро отправляйся в Груденз и к полудню — обратно. Скачи полями, на главную дорогу не выезжай. Донесение отдай командиру Божаконскому в руки. Скажи, что рота Б не появилась и мы продолжаем двигаться на север.

— Слушаюсь, господин офицер.

Андрей посмотрел, как Тирович пришпорил коня, и обернулся к Стике.

— Через пять минут всем быть на дороге.

— Есть, господин офицер.

В предраассветном холодном воздухе у солдат

изо рта шел пар, и они хлопали себя по бокам, чтобы согреться. Первые лучи уже пронизывали рощу, рассеивая неприятную серую мглу. "По коням!" — пронеслась команда вдоль всей колонны. Ни ворчания, ни перебранки. Всех охватила тревога. Самые набожные опустились на колени и быстро прошептали молитву. Странно, подумал Андрей, в этой роте обычно не молятся. Он снова взглянул на часы. Минут через сорок окончательно рассветет. Куда, черт возьми, подевалась рота Б? У Андрея свело живот, как бывало перед футбольным матчем. Может, это из-за скверного чая?

— Рота выстроена, — доложил Стика.

Андрей кивнул, и Стика поскакал назад к дороге. Роща опустела. Андрей проверил седло и посмотрел на своего великолепного черного коня. Баторий был беспокоен. Андрей прижался лбом к его загривку. "Благодарю тебя, Господи, за то, что Ты дал нам жизнь, которая в Твоих руках, и души наши Ты сохраняешь". Почему я молюсь? Последний раз я молился еще мальчишкой. Баторий заржал и встал на дыбы. "И ты что-то чувствуешь, мой хороший? Спокойно, дружище". Андрей вскочил на коня и пустил его рысцой к дороге.

— В путь! — гаркнул Стика.

Ехали на север час, два, три, и с каждым километром нарастало беспокойство: роты Б не было и в помине. Это уже не простое опоздание. Либо был получен другой приказ, либо что-то случилось.

Первым услышал Стика. Колонна остановилась без всякой команды, и все посмотрели на небо: оттуда доносился неясный гул. Потом высоко-высоко появились десять почти неразличимых черных точек.

— Съехать с дороги, — спокойно приказал Андрей.

Спустились в ров у дороги, спешили и взяли коней под уздцы, чтобы успокоить их. Двести пар глаз, не отрываясь, смотрели на небо.

— ... Шестьдесят, шестьдесят один, шестьдесят два...

Гул над головой нарастал. Вскоре все небо покрылось черными точками, движущимися в идеальном порядке и, как казалось, крайне медленно. Ошеломленный полк молчал, и только Стика продолжал монотонно считать:

— ... Двести тридцать четыре, двести тридцать пять...

Никогда они еще не видели столько самолетов сразу. Жуткий парад скрылся из виду, и все стихло. Триста пятьдесят самолетов. Еще долго никто не мог проронить ни звука.

— Капитан, — наконец проговорил осевшим голосом Стика, — они полетели над нашей территорией?

— На юго-восток, — ответил Андрей.

— Куда же они направляются?

— На Варшаву.

Все перевели взгляд с неба на капитана Андровского.

— Итак, — сказал он, — представление началось. — У него вырвался нервный смешок. — Стика, собери офицеров и пришли ко мне рядового Траску из первого взвода.

Они сгрудились над картой.

— Траска, ты был фермером в этих местах, где можно здесь найти хорошее укрытие, чтоб возвышалось над дорогой?

— Тут есть небольшой лесок, господин офицер, — показал рядовой Траска место на карте возле дороги, — оттуда хорошо видать вокруг.

— Туда мы и отправимся, господа, — сказал Андрей. — Приведите своих людей в боевую готовность — и туда. Быстро проехать весь путь.

— По коням!

— Приготовиться к бою!

Тронулись. На сей раз капитан Андровский был впереди.

— Ну как, сержант? — спросил Андрей.

— Так страшно — вот-вот в штаны наложу, — пышные усы Стики совсем обвисли.

— Держись возле меня. Сегодня выдюжим, а потом, говорят, уже не так страшно.

Через час нашли лесок, о котором говорил рядовой Траска. Андрей был доволен: и укрытие есть, и прекрасно видна дорога. Он послал четырех солдат обследовать местность в радиусе километра, одного солдата — на север разыскивать роту Б и одного — обратно на юг на Грудензскую базу.

Андрей сел в сторонке и попытался оценить обстановку. Скопление немецких танков, которое они обнаружили, самолеты и исчезновение роты Б — все свидетельствовало о том, что война началась. Что же предпринять? Двигаться дальше на север? Остаться на месте и ждать появления немцев? А если они появятся, что делать? Дождаться темноты и вернуться на центральную базу? Нет, невозможно. Душе улана претила сама мысль бежать и прятаться.

Как это часто бывает на войне, решение пришло само собой.

— Капитан, — доложил Стика, — связные возвращаются с севера.

Андрей направил на них полевой бинокль. Одного он узнал: связной, которого он посылал на север, а второй незнакомый. Они въехали в лесок на взмыленных конях. Незнакомый был весь в крови и почти без сознания.

— Он из роты Б, капитан, — сказал связной.

— Говорить можешь, солдат?

Тот кивнул, тяжело дыша.

— Святая Богоматерь... Святая Богоматерь... — Андрей дал ему попить. — Мы так и не поняли, что стряслось. Немцы... идут на юг... по дороге...

— Позаботьтесь об этом солдате. Лейтенант, установите миномет, направьте его на дорогу, четыре пулемета установите вокруг. Используйте рвы по обеим сторонам дороги для укрытия. С такого расстояния мы можем обстреливать?

— Думаю, да, капитан.

— Держите расчет в лесочке, а не на открытой местности. Если нам повезет, мы можем заманить их авангард в засаду.

Через несколько минут все было готово.

— Они подходят, капитан.

С севера приближалось облако пыли. Андрей смотрел в бинокль, как оно растет и ширится, потом, когда его увидели все, послышался гул моторов. Андрей пересчитал их, когда они вывернули из-за поворота прямо напротив них километра за полтора. Двадцать два грузовика. Видимо, две роты. Затем он разглядел на каждом грузовике свастику. Грузовики неслись с бешеной скоростью, и Андрей подумал, что немцы не ожидают встретить сопротивление, после того как они разбили роту Б.

— Держать линию!

Он поднес бинокль к глазам и увидел лица врагов. Первый грузовик вел совсем мальчишка, и тут по какой-то нелепой ассоциации Андрей вспомнил лицо Вольфа Бранделя. Баторий встал на дыбы.

— Приготовиться!

Первый грузовик — он был бронированный — наскочил на мину и, взлетев вместе со столбом земли в воздух, раскололся на части. Второй грузовик с солдатами сначала резко затормозил, а потом свалился в ров и загорелся. Третий и четвертый врезались друг в друга. И тогда за-

строчили пулеметы, поливая немцев перекрестным огнем. Те повыскакивали из грузовиков, пытаясь выстроиться под дикие крики своих офицеров.

— Огонь! Огонь! — взмахивал рукой Андрей. — Бей этих сволочей! Огонь!

Рота А ответила ревом и бросилась за своим капитаном с пригорка на дорогу. Всадники ворвались в смешавшиеся ряды противника, превращая их в кровавое месиво. Так и не сумев выстроиться, немцы бросились бежать, но были затоптаны, смяты, уничтожены. Последним пяти грузовикам удалось развернуться, они покатали обратно на север. Огонь миномета поджег один из них. Остальным удалось уйти.

За десять минут все было кончено. Сотня убитых и раненых немцев осталась лежать на дороге и в канавах, воздух раскалился от пылающих обломков машин. Андрей отвел своих людей обратно в лесок.

Воодушевленные победой, солдаты радостно шумели.

— Стика, еще рано устраивать парад победы. Уйми людей, впереди еще много работы.

Победа в значительной степени сняла первоначальный страх встречи с врагом. Они ждали, что будет дальше.

Бах! — раздался взрыв у подножья пригорка, совсем близко от дороги. Потом второй, потом еще и еще...

— Стика!

Стреляли дальнобойные орудия. Андрей посмотрел на часы. Всего сорок пять минут прошло с тех пор, как кончился бой.

— Оттуда, — сказал Андрей, показывая рукой в сторону Восточной Пруссии.

Десять бронированных чудовищ пересекали поле, направив дула на лесок. Радиосвязь и дальнобойные орудия за несколько минут превратили

удобную позицию в ловушку. Похоже, он заплатит с процентами за подстроенную немцам западню. Может, отступить? Нет, ни за что!

Снаряды начали ложиться на опушке. Ряды кавалеристов дрогнули.

— Ни шагу назад!

Два танка вышли на дорогу.

— Огонь!

Мины запрыгали вокруг танков, одна попала прямо в цель, но они не могли сдержать немецкий огонь. Все танки теперь вышли на боевые позиции и стреляли с трехсот метров.

— Спешиться! Отвести и привязать коней! Выстроиться в шахматном порядке, открыть огонь!

Тонкие деревца занялись пламенем. С десятков лошадей с диким ржанием сорвались с привязи.

Немецкие танки с грохотом двигались к подножью пригорка.

— Огонь по орудийным башням!

Пулеметчики открыли огонь, но пули отскакивали от брони.

— Капитан! Самолеты!

Черные ястребы прочертили небо над вершинами деревьев. Они шли на бреющем полете, сбрасывая зажигательные бомбы, и деревья вспыхивали, как факелы. Танки снова начали обстрел. Теперь за ними шла пехота.

— В атаку! — крикнул Андрей и понесся впереди жалких остатков своих людей. В гневе своем он видел только немецкую пехоту, которая шла за танками.

Его люди были выбиты из седел метров за пятьдесят до танков. Андрей поскакал назад к ним, попытался перестроить их для новой атаки, но все уже было напрасно.

Теперь танки медленно ползли на холм, а между ними шла пехота. Роща наполнилась запахом горящего дерева, паленого мяса, криками людей

и конским ржанием. Сплошной хаос. Облако дыма ударило Андрею в лицо, он пошатнулся и упал, а когда открыл глаза, почувствовал, будто у него раздавлена грудь. Над собой он увидел голубое небо и верхушки горящих деревьев, которые сильно кружились. Андрей приподнялся на четвереньках и, уже теряя сознание, закричал: "Баторий, вставай!"

— Капитан, все кончено! — младший сержант Стика наклонился над Андреем и сильно встряхнул его. — Вставайте, капитан! Есть две лошади. Бежим! Ваш конь убит, и людей почти не осталось. Бежим!

— Баторий, вставай! — кричал Андрей, пытаюсь поднять мертвую голову лошади.

Стика ударил своего офицера так, что тот потерял сознание. После этого он сумел оттащить его в сторону, где прятались оставшиеся в живых люди и лошади.

Глава одиннадцатая

Под Влоцлавом вся бригада была разгромлена. По приказу генерала немногие уцелевшие сдались в плен.

В ночь на седьмое сентября, прежде чем немцы успели устроить лагеря для военнопленных и закончить разоружение поляков, Андрей, Стика и еще четверо улан, воспользовавшись темнотой, переплыли через Вислу. Двое утонули. Оставшиеся добрались до берега и весь следующий день прятались в лесу, а вечером поползли вдоль рвов у дорог, по которым ходил немецкий патруль. Девятого сентября на заре они нашли убежище в крестьянской избе на окраине Плоцка. Тут, обессилевший от голода, жажды и потери крови, капитан Андровский позволил себе рос-

кошь свалиться с ног.

Стика послал остальных двух беглецов в Плоцк за доктором, а сам ходил вокруг Андрея, который лежал, как мертвый. Последние остатки сил он потерял, когда тащил Стику через быструю реку.

* * *

Крестьянин принес хлеб и чечевичный суп. Стика приложил ухо к груди Андрея. Да, сердце еще бьется. У самого Стики глаза слипались. Э, нет, нельзя ему засыпать, пока не придет доктор, никак нельзя.

— Кто это? — спросил доктор.

— Мой капитан, — пробормотал Стика сквозь полудрему.

Только когда доктор обещал не отходить от Андрея, Стика повалился на пол и заснул. Когда через двадцать часов Андрей открыл глаза, Стика стоял, склонившись над ним, и улыбался. Доктор из Плоцка успел уйти и вернуться. Андрей приподнялся на локтях, осмотрелся, но тут же снова упал на кровать.

— Ну, как мои дела, доктор? — спросил Андрей.

— Раны теперь в порядке. Вам необходим отдых, вы очень обессилены. Не представляю себе, как с такими ранениями вы переплыли реку.

— Где мы?

— В Плоцке.

— Какие новости?

— Хуже некуда. Мы разбиты на всех направлениях, — ответил доктор.

— Как Варшава?

— Варшаву еще не взяли. Польское радио передало, что Варшава будет сопротивляться.

— Стика, а где двое остальных? Они же переплыли реку вместе с нами. Где они? Нам нужно

вернуться в Варшаву, драться.

Доктор и Стика переглянулись.

— Они сдались.

— То есть как сдались?

— Немцы форсировали реку и перекрыли все дороги на Варшаву. Я остался здесь, чтобы дожидаться, когда вы выкарабкаетесь с того света, капитан. А добраться до Варшавы никак нельзя. И здесь оставаться тоже. Эти добрые люди рискуют жизнью — немцы убивают всех, кто укрывает беглых солдат.

— Я поляк, — сказал крестьянин, — мой дом всегда открыт для польского солдата.

— Ваш сержант прав, — обратился доктор к Андрею. — Теперь, когда он знает, что вы поправляетесь, пусть лучше добровольно сдастся. Вам я найду надежное место на несколько дней, пока вы не окрепнете, а потом и вам придется сдать.

Андрей посмотрел вокруг. Женщина крестилась и шептала молитвы.

— Если хотите мне помочь, дайте, пожалуйста, буханку хлеба, воды и, пожалуй, немного сыру, я буду пробиваться на Варшаву.

— Капитан, — беспомощно развел руками Стика, — мы не сможем добраться до Варшавы.

Андрей с трудом подошел к сержанту и положил ему руку на плечо. Тот опустил глаза.

— Посмотри на меня, Стика. На меня смотри, говорю. Пойдешь сдаваться?

— Капитан, мы сражались, как львы, на нас нет позора, — сказал Стика и заплакал. Его слез Андрей никогда не видал.

— Разрешаю тебе сдать, сержант, если хочешь.

— А вы, капитан?

Андрей мотнул головой.

— Вы безумец, — поразился доктор.

— Ну, и я, значит, псих, — сказал Стика.

— Ты идешь с ним? Ты же знаешь, что он не доберется, почему же ты идешь?

Стика задумался, а для него это была тяжелая работа.

— Потому что он — мой капитан, — пожав плечами, ответил Стика.

Глава двенадцатая

Отработав четырнадцать часов, Габриэла ушла из посольства. Томпсон настоял, чтобы она пошла отдыхать. Вместо этого она попросила одного из охранников отвезти ее в Жолибож к Бронским, которых она не видела уже несколько дней. Там Зося сказала, что Дебора и Рахель в бетарском сиротском приюте, и она отправилась туда.

С тех пор, как немецкие войска двинулись на Варшаву, бомбежки усилились. Город решил сражаться. Сусанна Геллер попросила срочно помочь ей перенести все, что было в приюте, в подвальное помещение. Габриэла вместе со всеми перетаскивала вещи всю ночь и весь следующий день, изредка присаживаясь, чтобы прикорнуть. Так же работали и другие — Дебора, Сусанна, Рахель, Алекс, Сильвия... Когда Габриэла вернулась в посольство, оказалось, что срочных дел нет, и Томпсон снова отослал ее домой.

Она едва держалась на ногах. Посмотрела снизу на свои окна. Там, в ее квартире, так одиноко. Много соседних домов разрушено бомбами, и площадь тоже. Машинально, как всегда, когда ей бывало одиноко, она пошла на Лешно, поднялась на пятый этаж и вошла в никогда не запиравшуюся квартиру Андрея. Именно в этот момент завывала сирена. Габриэла застыла у окна, глядя на занявшийся пламенем соседний квартал, где жила беднота.

Сулицы доносился неясный шум; пожарники торопились в район трущоб, где прижатые друг к другу развалюхи так легко загорались, что, если быстро не погасить огонь, он мог спалить всю Варшаву.

Бухает над Прагой. Там нет ни польских орудий, ни польских самолетов, которые могли бы оказать немцам сопротивление, но налеты не прекращаются, чтобы подавить у людей последнюю волю.

Она закрыла окно, опустила маскировочную шторку, зажгла лампу над кроватью и взяла "Листья травы" Уитмена. Внезапно в дверь постучали.

— Войдите.

Брандель. Она ему обрадовалась.

— Простите, я не хотел вас испугать, — сказал он, — я был в посольстве, потом у вас...

— В приюте все в порядке?

— Да, да. Дети прекрасно себя ведут. Мы делаем вид, будто это такая игра, но, думаю, они сообразительнее нас.

— Что в городе?

— Горит вся северная часть. В Праге сплошной ад. Но мэр Старжинский приказал бороться и мы боремся. Нет ли у вас коньяку?

Габриэла достала из шкафа бутылку и тревожно посмотрела на Алекса: без Андрея он в основном пил чай. Алекс проглотил коньяк и закашлялся. "Может, это из-за налета, — подумала Габриэла. — Нет, он о чем-то молчит".

— В чем дело? — спросила она.

— Андрей в Варшаве.

Она схватилась за живот, словно ее ударили.

— Во-первых, он цел и невредим. Он был ранен, но все обошлось. Сядьте, сядьте, пожалуйста.

— Как ранен?

— Я же говорю, ничего страшного, успокойтесь, возьмите себя в руки, прошу вас.

-- Где он? — ей действительно удалось взять себя в руки. — Рассказывайте.

--- Один Бог знает, как ему удалось вернуться в Варшаву. Просто чудом.

Алекс, пожалуйста, скажите мне правду, он тяжело ранен?

-- Нет, но он сломлен, Габриэла.

— Где он?

--- Внизу на лестнице.

Она бросилась к дверям, но Алекс схватил ее.

— Послушайте меня, Габриэла, он совершенно подавлен. Вы должны держаться. Он сначала пришел ко мне, попросил пойти к вам, потому что... не хочет, чтобы вы его видели в таком состоянии. Понимаете?

Она кивнула.

--- Тогда погасите свет, и я пошлю его наверх.

Она оставила дверь открытой и выключила свет. Она слышала, как Александр спустился вниз, что-то сказал. Ожидание казалось бесконечным. Наконец раздались медленные шаги, потом он вошел.

— Андрей, — выдохнула она.

Он наощупь подошел к кровати, свалился и застонал от боли. Габриэла склонилась над ним, провела рукой по лицу. Глаза, уши, нос, губы — все цело. Руки, пальцы, ноги — тоже. Она успокоилась. Сев на край кровати, она начала нежно гладить его по голове. Его лихорадило, он судорожно хватался за одеяло.

-- Теперь уже все хорошо, дорогой, все хорошо.

--- Габи... Габи...

— Я здесь, дорогой.

— Они убили моего коня! Моего Батория!

По всей Варшаве выли сирены.

Глава тринадцатая

Из дневника

17 сентября 1939 г.

Пирог поделен. Несчастливая Польша снова сыграла свою давнишнюю роль, навязанную ей мачехой-историей. Гитлер расплатился ею со Сталиным. Советские войска напали на нас с тыла и двинулись к заранее, разумеется, обусловленным границам.

Немецкое вторжение внушило почтительный страх самым передовым военным мыслителям. Рыдз-Смиглы, правительство, иностранные дипломатические миссии — все бежали. Говорят, каким-то частям нашей армии удалось спастись. Варшава еще держится, но боюсь, как бы поляки своей храбростью не доказали, что разумнее сдаваться без боя, как Австрия и Чехословакия.

Александр Брандель

* * *

Крис вытащил из машинки последний лист, толстым зеленым карандашом наскоро исправил опечатки и вложил свою статью в большой конверт.

Когда неделю назад перестала работать телефонная связь, Крис стал пользоваться телеграфной; потом прекратилась и она, и радиосвязь тоже. Теперь Варшава была полностью отрезана от внешнего мира, работала только польская радиосеть, передававшая срочные сообщения.

Неожиданная возможность открылась перед Крисом, когда после переговоров вышел приказ о двухчасовом прекращении огня, чтобы работники Американского посольства эвакуировались в Краков, и Томпсон согласился отправить дипломати-

ческой почтой его корреспонденции вместе с фотографиями Розы.

Розы дал Крису кучу фотоснимков, тот их просмотрел, рассортировал и проверил подписи к ним. Разбомбленные дома, покореженные балки, словно руки гигантских чудовищ; окаменевшие матери на коленях перед своими убитыми детьми и обезумевшие дети на коленях перед своими убитыми матерями — вот он, урожай, который каждый день собирает фотограф с полей войны. Мертвые животные смотрят стеклянными глазами, будто спрашивают, за что они угодили в гущу человеческого безумия, старые дамы возносят молитвы Богу и Святой Деве, которые их не слышат, рабочие роют траншеи, изнемогают пожарники. Камера Ирвина Розенблюма вершит суд над войной.

— Тяжело будет завтра смотреть, как уезжают последние американцы, — сказал Розы, привычно распахивая по карманам фотопринадлежности. — Еще тяжелее, чем видеть бомбежки. Вы же знаете, у каждого поляка есть брат в Милуоки или дядя в Гери.

— Да, — согласился Крис, — действительно будет тяжело.

— А вы почему не эвакуируетесь?

— О, Господи, вы же знаете, почему!

Розы положил камеру на стол, подошел сзади к Крису и дружески похлопал его по плечу.

— Я ведь не то что не хочу, чтобы вы остались, Крис. Мне придется туго, если бюро закроется. Но когда друга ожидают неприятности, меньше думаешь о своих. Вот почему я вам говорю: собирайтесь и уезжайте завтра с американцами.

— Я не могу ее оставить, Розы.

Позвонили в дверь. Розы открыл. Пришел Андрей. За неделю он заметно оправился. Хотя боли

и усталость еще не прошли, он был подтянут и готов к предстоящему последнему бою. Через два дня после возвращения в Варшаву он представился коменданту Цитадели, был тут же произведен в майоры и назначен командиром батальона на южной линии обороны. Прекращение огня с целью дать возможность американцам эвакуироваться намечалось как раз в его секторе.

— Что нового? — спросил Крис.

— Ничего. Сволочи, не хотят наступать!

— А зачем? — возразил Крис. — Им и так неплохо: сидят себе спокойно и бомбят город, и будут бомбить до второго пришествия.

— Я должен еще раз встретиться с ними лицом к лицу, — сказал Андрей.

— Нам предстоит встречаться с ними лицом к лицу еще долго, очень долго, — ответил Рози. — А как вы себя чувствуете, Андрей?

— Как нельзя лучше, — ответил Андрей, поднимая стакан с виски, которое ему налил Крис. — В город я всего на несколько часов, потом должен вернуться. Кое-что представит для вас интерес во время завтрашнего прекращения огня по случаю эвакуации работников Американского посольства. Только что немцы связались по радио с одним из наших офицеров, и переговоры уже закончились. Они хотят приурочить к эвакуации американцев обмен пленными.

— Сколько немцев вы держите здесь?

— Несколько сотен. Большинство — этнические немцы.

— Что ж, это в порядке вещей, — сказал Крис.

— Нет, тут есть какой-то подвох, — возразил Андрей. — Немцы предлагают нам пятерых за одного.

— Интересно, что бы это могло значить? — заметил Рози.

— Не знаю, но тут дело не чисто.

— Во всяком случае, мы отправимся туда наблюдать за прекращением огня, — сказал Крис. — Напишем корреспонденцию, правда, только Бог знает, когда мы сможем ее отправить из Польши.

Глава четырнадцатая

Варшава задышалась. От земли поднимались черные клубы дыма, застилая небо и снова спускаясь на землю дождем пыли, песка и осколков кирпичей. Стояла нездешняя тишина, пропитанная запахом войны.

Кристофер де Монти с Ирвином Розенблюмом уже собрались взять интервью у эвакуируемых американцев, когда на машине подъехал майор Андоровский.

— Где Габи? — первым подошел к нему Томпсон.

— Она не захотела прийти, — сказал Андрей, похлопывая себя по плечам, чтобы отогнать пред-рассветный холод. — Видит Бог, Томми, я старался.

— А я и не думал, что она придет. Возьмите эти документы, они ей могут потом пригодиться.

— Спасибо, Томми, спасибо за все. Габи передавала привет Марте.

— Берегите ее...

К ним подошел капитан, подчиненный Андрея, и тот выпрямился по-военному.

— Вы проверили документы всего вашего персонала? — обратился он к Томпсону.

— Да.

— Сколько человек?

— Двадцать американцев, пятнадцать — из посольств других нейтральных стран и двенадцать обслуживающего персонала.

— Возвращайтесь к ним, — сказал Андрей, глядя на часы. — Минут через пятнадцать рассве-

тет. Будьте готовы к отъезду, если все пойдет по плану.

Томпсон кивнул, они пожали друг другу руки, и американец вернулся во двор разрушенной фермы, где собрались эвакуируемые.

— Сколько их, немцев? — обратился Андрей к капитану.

— Нам удалось собрать восемьдесят человек.

— Немцам сообщили по радио это число?

— Да, господин майор. Они ответили, что вернут нам триста девяносто наших.

Андрей пошел к дороге, где стояли пленные немцы. Хмурые, злые, они топали ногами, стараясь согреться. Андрей посмотрел на них: похожи на обыкновенных людей, каких он знал всю жизнь. Пекарь... почтенный отец семейства... учитель... Что привело их сюда?

Он повернулся на каблуках и быстро направился к первой траншее. Капитан следовал за ним.

Вдали не прекращалась артиллерийская стрельба. Было еще довольно темно, чтобы разглядеть, что происходит на другом конце поля. Прошло еще восемь минут. Андрей отдал дополнительные распоряжения по соблюдению предосторожностей.

В траншею спрыгнул Крис и стал рядом с Андреем.

— Что-нибудь прояснилось относительно обмена военнопленными?

— Они продолжают утверждать, что отдают нам пятерых за одного. Мы ожидаем какого-то подвоха. Один Бог знает, на что они способны.

Стрельба прекратилась.

Все начали всматриваться в серый туман. Андрей поднес к глазам бинокль. Там! От деревьев отделилась тень. Плохо видно. Нет, точно. Идет по полю. Андрей подождал еще минут пять. Теперь лучше видно. Один человек.

Сволочь проклятая, так бы и разбил твою пар-

шивую голову, подумал Андрей. Человек остановился. В руках у него был белый флаг.

Андрей выскочил из траншеи и пошел по бывшему картофельному полю, сплошь изрытому воронками. Множество глаз с обеих сторон смотрели на него и на немца. Андрей остановился в нескольких шагах от него. Полковник. Довольно безликий, никак не назовешь белокурый арийцем — ему было, видимо, не по себе стояние у всех на виду.

Они довольно долго молча смотрели друг на друга.

— Вы ответственный? — спросил наконец немец.

— Да.

— Что у вас?

— Сорок семь человек из нейтральных стран, работники Американского посольства, и восемьдесят ваших людей. Документы проверены, — ответил Андрей, глядя ему прямо в глаза. Ответил на идише, хотя хорошо говорил по-немецки.

— Приведите их сюда, я провожу их через наши линии.

— Вы нам должны триста девяносто поляков. Я приведу сюда и эвакуируемых, и ваших людей, когда вы приведете моих соотечественников.

Андрей ясно дал понять, что не доверяет парламентару. В глазах Андрея светилось желание задушить его, а взгляд немца говорил: "Смотри, не попадись мне, когда мы войдем в Варшаву, еврейское отродье!"

— Я уполномочен передать, что наш командующий предлагает сдать Варшаву во избежание ненужного кровопролития.

— Я уполномочен передать ответ нашего мэра, если ваш командующий сделает подобное предложение. Нет.

Немец посмотрел на часы.

— У меня займет минут шесть привести сюда ва-

ших людей. Они собраны в том лесочке.

— Я подожду.

Немец щелкнул каблуками, слегка поклонился и пошел назад через поле.

Прошло ровно шесть минут. Немец был точен. Группы людей медленно выходили из леса и направлялись через поле к Андрею. Андрей повернулся к своим и поднял руку. По этому знаку одну группу повел к нему Томпсон, другую — немецкий офицер из пленных. Обе группы быстро подошли и стали рядом с Андреем. Андрей снова посмотрел в сторону леса, обеспокоенный тем, что пленные поляки так медленно приближаются.

— Что-то там неладно, — сказал Томпсон.

Андрей поднес бинокль к глазам, но тут же опустил руку и лицо его исказилось.

— Ничего удивительного, что они предложили пятерых за одного, — сказал он. — Они отдают нам только тех, кто без рук и без ног.

— О Господи! Можно идти, Андрей?

— Идите, но медленно, я хочу, чтобы эти несчастные оказались в безопасности раньше, чем вы дойдете до леса. Кто знает, что могут немцы еще выкинуть...

Американцы направились к вражеским линиям, стараясь не смотреть на страшную группу, движущуюся им навстречу.

Андрей спустился в траншею.

— Что там наверху? — спросил Крис.

— Сам посмотри.

Крис взял у Андрея бинокль. Около четырехсот безруких и безногих людей двигались к Варшаве. У кого осталась одна рука, нес носилки с теми, кто остался совсем без ног. А у кого осталась одна нога, прыгал на ней, падая на неровных местах.

— Пошлите людей помочь им, — приказал Андрей лейтенанту.

Солдаты бросились помогать и вернулись вместе с инвалидами. Вдали снова забухала артиллерия, а над головами полетели первые немецкие бомбардировщики, возвещая начало нового дня.

* * *

Кристофер добрался до Бронских в Жолибож уже вечером. Подойдя к дому, он услышал знакомые звуки. Рахель играла на рояле. Как хорошо, что Деборе удастся держать их в руках, не давать им впасть в панику и отчаяние. Стефан с облегчением вздохнул, когда Крис обнял его, потому что знал, что "мужские обязанности" по дому на время визита Криса с него снимутся.

Дебора в кухне успокаивала рыдающую Зою.

— Бедняжка, — обернулась она к Крису, — сегодня во время бомбежки погибла ее сестра.

Крис принес из комнаты коньяк и дал Зосе выпить. Они помогли ей встать, отвели в спальню Деборы, уложили и послали Рахель со Стефаном присмотреть за ней.

Зоя кричала, что хочет к сестре.

— Нет, милая, там опасно, стены совсем разрушены. Успокойтесь.

Дебора взяла в кабинете Пауля таблетку снотворного и заставила Зою принять ее. Вскоре Зосины рыдания перешли в тихий плач.

Крис отвел Дебору в другую комнату.

— Бедная женщина, — говорила Дебора, — у нее больше никого нет, кроме непутевого сына, а может, и его уже нет, от него ни звука с тех пор, как началась война.

— У нее есть ты и дети!

— Дети держатся замечательно. Сколько так может продолжаться?

— Я только что говорил с мэром. С минуты на минуту все может кончиться.

— Иногда мне кажется, что я буду даже рада, если немцы займут Варшаву, все равно хуже уже некуда. Ты видел кого-нибудь?

Крис кивнул.

— Я была в приюте, — продолжала Дебора. — Сусанна волнуется за Ирвина. Она его уже три дня не видела.

— Розы в порядке. Мы с ним только что расстались.

— Как Габриэла? Ты ей передал, что я предлагаю ей перебраться сюда? Здесь безопаснее, чем в центре города.

— Она не хочет уходить из квартиры Андрея, ты же знаешь.

— А как Андрей?

— Утром я был с ним. Отправка американцев шла через его участок обороны. Ты уже слышала?

— Да, — вздохнула она. — Они нам вернули людей без рук и без ног.

— Дебора, среди них находится... твой муж.

* * *

Длинные коридоры подвала Национального музея были сплошь заставлены койками и матрацами, положенными прямо на пол. Подвал, где не так опасны бомбежки, был наскоро превращен в госпиталь. В этом районе Варшавы подача электроэнергии уже прекратилась и не работали даже запасные генераторы. Было холодно. Сырые комнаты слабо освещались керосиновыми лампами. Пахло плесенью, гноем, лекарствами и чем-то еще. Слышались мягкие шаги медсестер, стоны, молитвы, порой — отчаянный крик.

В помещении, приспособленном для кормящих матерей, младенцы сосали пустые груди и отчаянно орали, словно возмущаясь тем безобразием, которое им уготовано на земле в первые же часы

их жизни.

Крис вел Дебору по бесконечным проходам между рядами раненых и умирающих. Они спустились еще на дюжину ступенек и вошли в длинный коридор, увешанный средневековым оружием, оставшимся от других, не столь жестоких войн. Тут лежали раненые после ампутации конечностей, а возле них стояли убитые горем родные. Медсестра поднесла лампу к лицу Пауля.

— Пауль...

— Он еще под наркозом.

— Пауль...

— Я был там, — сказал безногий сосед Бронского. — Он прооперировал человек двадцать или тридцать нашего брата... ему светили простым фонариком. И вдруг — прямо в него... Из всех врачей он единственный остался в живых. Он все время был в сознании и объяснял солдатам, как отрезать ему руку...

— Пауль...

Пауль открыл глаза. Они были стеклянными, но в углах губ появилось некое подобие улыбки, означавшее, что он видит Дебору.

Она держала его руку, пока он снова не впал в забытие.

— Вы — мадам Бронская? — спросил врач.

Она кивнула.

— Счастье, что он врач. Видимо, обойдется без заражения крови. Шок прошел. Он выкарабкается.

Дебора вышла на улицу.

Крис ждал ее у главного входа. На горизонте, словно летние молнии, вспыхивали артиллерийские выстрелы. Над головой пролетали снаряды, падая на рабочие кварталы по другую сторону реки.

— Идем отсюда, — сказал он и, взяв ее за руку, повел к своей машине, но она вырвалась.

— Ну, что ты, Дебора, дома поговорим. Упадет сюда бомба — и нас не станет.

— Уйди от меня! — закричала она.

Небо осветилось очередной вспышкой, и он увидел ее лицо. У нее были совсем безумные глаза. Он схватил ее за руку.

— Оставь меня, я хочу умереть! Это мы искалечили Пауля!

— Не мы устроили эту войну! — Крис так потрянул ее, что голова у нее замоталась из стороны в сторону.

— Это меня Бог наказал! Мы убийцы! Убийцы! — она вырвалась из его рук и убежала в темноту.

Часть вторая

СУМЕРКИ

Глава первая

Из дневника

22 сентября 1939 г.

Варшава сдалась. Польшу разделили на три части. Германия аннексировала Западную Польшу в границах до 1918 г., Советская Россия захватила Восточную Польшу, а третья часть, которую назвали "генерал-губернаторство", будет находиться под управлением немцев. Она, видимо, создана в качестве буферной зоны против России.

Улицы Варшавы дрожали под гусеницами танков, поднимавшихся по Иерусалимским аллеям к аллее Третьего мая. За танками гусиным шагом выступали десятки тысяч солдат, а прямо над крышами, звено за звеном проносились самолеты.

Парад наводил ужас. Люди стояли на тротуарах совершенно подавленные. Немецкие флаги трепыхались только на домах этнических немцев или самых отчаянных трусов.

Думаю, из трехсот тысяч варшавских евреев только мы с Андреем вышли смотреть на это зрелище. Остальные позапирались в квартирах и выглядывали из-за опущенных занавесок. Я не мог удержаться от искушения взглянуть на Гитлера. Он мрачно взирал на нас из открытого "мерседеса". Точно такой, как на портретах.

И еще мне приходилось следить за Андреем. Он был в такой ярости, что я боялся, не натворил

бы он чего-нибудь. Но он сдержался.

Итак, друзья мои, гром грянул.

Александр Брандель

* * *

Франц Кениг протер рукавом козырек фуражки, чтобы тот получше блестел. Какая жалость, что в этот момент рядом нет герра Лидендорфа, долгое время возглавлявшего общину этнических немцев Варшавы. Он попался на том, что подавал световые сигналы во время воздушного налета немцев, и поляки его расстреляли. Он умер как истинный сын Германии.

Франц Кениг, только что произведенный в начальство, подал уже заявление в нацистскую партию. Он и его предки были чистокровными немцами, и Франц не сомневался, что его примут. Полюбовавшись на себя в зеркало, он прикрепил свастику на правый рукав и пошел в спальню за своей толстой женой-полькой. Только страх помешал ей расхохотаться при виде маленького, пузатого профессора в опереточной форме. Франц очень изменился с тех пор, как несколько лет назад связался с немцами. Когда-то у нее были честолюбивые мечты, она хотела, чтобы он добивался кафедры на медицинском факультете. А теперь он вдруг стал влиятельной особой, и перед ней раскрылась другая, темная сторона его личности, которая ей не нравилась и о существовании которой она и не подозревала.

Кениг посмотрел на жену. Похожа на чересчур пышно украшенную елку или, скорее, на свинью, которую нашпиговали и вот-вот поставят в духовку. Франц обошел ее кругом (она была чуть ли не вдвое толще его), напомнил ей, как себя вести, и они вышли к служебной машине, ожидав-

шей их внизу, чтобы отвезти на бал в гостиницу "Европейская".

Когда они вошли, в зале было уже полно народу: военные в мундирах всех родов войск, дипломаты во фраках и при орденах. Франц увидел много старых приятелей тоже в новых формах, они выглядели не менее смешно, чем он, а их жены — так же, как его толстуха. Щелканье каблучков, рукопожатия, низкие поклоны, целованье ручек, звон бокалов, радостные приветствия под нежные мелодии венских вальсов в слишком браваурном исполнении немецкого военного оркестра, выстрелы пробок под громкий смех и поблескивание моноклей, а вокруг — новые подружки, польки, незамедлительно начавшие обслуживать новых хозяев Варшавы, прикидывающих на глазок цену этим красоткам.

Оркестр смолк на середине аккорда.

Забили барабаны.

Все торопливо поставили бокалы и выстроились в ряд по обеим сторонам лестницы.

На верхней ступеньке появился Адольф Гитлер, и, когда в сопровождении целой кучи черных униформ он начал спускаться, оркестр грянул: "Германия, Германия превыше всего". Спины немцев вытянулись, как аршин, а сердца возликовали от избытка чувств. Не в силах сдержать воодушевления, какой-то младший чин крикнул "Зиг хайль!"

Гитлер остановился и, улыбаясь, кивнул.

— Зиг хайль! — снова выпалил тот же офицер.

И весь зал стал скандировать "Зиг хайль!", выбросив вперед и вверх правую руку.

Слезы радости текли по щекам Франца Кенига. Он был зачарован, загипнотизирован.

* * *

В Польше, как и в Чехословакии и в Австрии,

этнические немцы рассчитывали получить вознаграждение за шпионскую и подрывную деятельность в стране, гражданами которой до прихода немцев они были. За несколько месяцев до вторжения доктор Кениг стал видной фигурой в движении этнических немцев. Теперь его назначили заместителем нового комиссара Варшавы Рудольфа Шрекера.

— К вам доктор Пауль Бронский, — сказала секретарша.

Кениг, сидевший за массивным полированным столом в своем новом кабинете в ратуше, поднял глаза:

— Введите!

Пауля ввели. Кениг, сделав вид, будто погружен в лежащие перед ним бумаги, не предложил ему сесть, не поздоровался, не выразил сочувствия по поводу того, что Пауль потерял руку, — ничего. Бронский был еще слаб, и, хотя ампутация прошла благополучно, его мучили постоянные боли. Целых пять минут простоял он перед Кенигом, пока тот поднял глаза. Пауль понял, что Кениг наслаждается моментом, а немец обвел взглядом роскошную меблировку, словно показывая, как далеко он ушел от крошечного кабинета, который прежде занимал в университете.

— Садитесь, — наконец сказал он, развалившись в кресле и зажигая трубку.

Прошло не менее пяти минут, пока он снова заговорил, всем своим видом излучая наслаждение взятым реваншем.

— Я вызвал вас сюда, Бронский, потому что мы собираемся создать новый Еврейский Совет (юденрат). Комитет общины мы распускаем с сегодняшнего дня. Назначаю вас ответственным представителем евреев свободных профессий.

— Но, Франц, моя должность в университете...

— С завтрашнего дня в университете евреев не

останется.

— У меня нет выбора?

— Нет. Смею вас заверить, что вы попадете в гораздо лучшее положение, чем многие другие варшавские евреи, если будете неукоснительно выполнять наши приказы и сотрудничать с нами.

— Просто не знаю, что ответить. Бесполезно, конечно, заявлять, что ... уже много лет, как я порвал с еврейством.

— В приказах из Берлина сказано ясно, что новые законы о евреях распространяются и на тех, кто принял католичество, и на тех, у кого один из родителей, дедов или даже прадедов был евреем. Так что исповедует еврей иудаизм или отошел от еврейства — значения не имеет.

— Франц... я своим ушам не верю...

— Времена изменились, доктор Бронский, следует с этим смириться и как можно быстрее.

— Мы столько лет были друзьями...

— Ну, нет, друзьями мы никогда не были.

— Пусть коллегами. Вы всегда были человеком чутким. Вы же сами видели, что творилось здесь в последний месяц. Не могу поверить, чтобы такой гуманный, здравомыслящий человек, как вы, потерял к нам всякое сострадание.

— Бронский, — Кениг положил трубку, — я в полном ладу с самим собой. Понимаете, мне слишком долго лгали все эти благочестивые философы, которые толкуют об истине, красоте и победе ягнят. То, что сейчас происходит, — это реальность. Побеждают львы. Германия в одну минуту дала мне больше, чем тысяча лет прозябания в поисках ложных истин. Итак, я считаю, что вы согласны войти в состав Еврейского Совета.

— Разумеется, я буду счастлив в него войти, — иронически рассмеялся Бронский.

— Вот и прекрасно. Завтра в десять утра яви-

тесь сюда за первыми приказаниями комиссара Рудольфа Шрекера.

Пауль медленно поднялся и протянул Кенигу руку. Тот ее не принял и сказал:

— С вашей стороны будет благоразумнее отказаться от манеры поведения, которая раньше создавала видимость равенства между нами. Называйте меня "доктор Кениг" и выражайте мне знаки почтения, положенные вышестоящему лицу.

— Времена действительно изменились, — ответил Пауль и пошел к двери, но Кениг его окликнул:

— Вот еще что, Бронский, отныне Жолибож предназначается исключительно для немецких офицеров и должностных лиц. Евреям там жить запрещено. Дней через десять я перееду в ваш дом; вам дается это время на устройство. Прежде чем вы начнете ахать и охать, добавлю, что, только помятуя о наших прошлых отношениях, я заплачу вам приличную сумму, а прочие евреи Жолибожа вообще ничего не получают.

Бронскому стало дурно. Он прислонился к двери, но быстро пришел в себя и сумел открыть ее.

Глава вторая

Из дневника

Варшава пестрит немецкими мундирами всех цветов. Нужно иметь табель о рангах, чтобы разобраться, кто кому подчиняется. Самая нарядная форма, пожалуй, у нового комиссара Рудольфа Шрекера. Мы о нем ничего не знаем, но ясно, что он прибыл сюда отнюдь не завоевывать наше расположение. Комитет общины, наш, можно сказать, религиозно-правительственный орган, распущен, и создан новый Еврейский Совет. Эмма-

нуил Гольдман, музыкант и настоящий сионист, попросил меня войти в исполнительный комитет. Я отказался, потому что этот Еврейский Совет мне как-то подозрителен.

Александр Брандель

* * *

Рудольф Шрекер, новый комиссар Варшавы, был родом из маленького баварского городка. Ему вовсе не хотелось провести всю жизнь за сапожным верстаком, как его отец, дед и прадед. Да и неизвестно, получился ли бы из него хороший сапожник, — способностями он не отличался. Совершеннолетия он достиг в послевоенной Германии, горько разочарованной своим поражением, потерявшей направление и цель. Это было время недовольства, и он был одним из недовольных и вся его энергия уходила на проклятия миру, которого он не мог понять и к которому не умел приспособиться. Он влачил жалкое существование, имея за плечами два развода, четырех детей, долги и постоянные запои.

В двадцатые годы Бавария зашумела, и этот шум отозвался музыкой в сердце Рудольфа Шрекера и ему подобных. Им предлагали занять в жизни такое положение, которого они никогда не добились бы сами. Шрекеру очень импонировало объяснение, которое теперь давалось всем его неудачам. Оказывается, он вовсе не был ни в чем виноват, он просто жертва всемирного заговора против его народа. Шрекер тут же стал нацистом.

Ни новое положение, ни коричневая форма, ни красивый знак отличия, ни человек, оказавшийся "спасителем" Германии, не требовали от него, чтобы он прокладывал себе дорогу трудом, уче-

нием или умом. Потребуйся эти добродетели, все шрекеры остались бы прозябать в безвестности, и голос нацизма не звучал бы так победно, не отзывался бы сладкой музыкой в сердце Рудольфа. Но от него требовалась только грубая сила, та самая, которую он пускал в ход, избивая своих жен. При всей своей незначительности он сумел понять, что нацисты — его единственная надежда на успех в жизни. Инстинктивно он уловил главное правило: слепо подчиняться. Сила и дисциплина — это немецкая традиция, он это понимал. Пьянице, избивавшему женщин, ему было не трудно отказаться от моральных устоев, ведь их у него и не было.

Единственное, чего по-настоящему хотел Рудольф Шрекер, — стать важной шишкой, и Гитлер дал ему такую возможность.

Из хулиганов и бездельников нацисты сделали героев; за это хулиганы и бездельники подчинялись им беспрекословно. Когда Шрекеру приказывали разрушить синагогу или убить противника партии, у него не возникало ни сомнений, ни угрызений совести.

И нацисты выполнили то, что обещал Гитлер: Германия стала сильной и опасной страной, а шрекеры получили вознаграждение. Рудольф служил им верой и правдой около двадцати лет, за что и был назначен комиссаром Варшавы.

Это была высокая должность для человека, который умел только слепо выполнять приказы. Конечно, Шрекер не был гигантом мысли и приказы в основном поступали из Берлина, Кракова или Люблина, где сидело начальство. Но все-таки тут требовалась административная ловкость, инициатива, авторитет, которых Шрекер за собой не знал. Поэтому он не хотел ударить лицом в грязь, чуя, что в случае успеха в Варшаве пойдет далеко. Шрекер вообще многому научился в нацис-

тской партии. Одна из простейших аксиом гласила: интеллигенты — люди слабые. Они ратуют за благородные идеи, которые ему чужды. Они защищают идеалы, но умереть за них, как он за нацизм, не готовы. Эти так называемые мыслители — полная противоположность тем, за кого они себя выдают. Они просто болтуны. Трусые. И он, Шрекер, может ими править, потому что может их запугать. Сопротивляться они не станут. Более того, их можно заставить делать за него то, чего не умеет делать он сам.

Сразу же по прибытии в Варшаву он просмотрел списки этнических немцев, поддерживавших Германию. Доктор Франц Кениг. Прекрасно. Еще не стар, физически слаб, преданность свою доказал, доктор наук, профессор, широко образован, любитель классики и философии — словом, полностью управляемый интеллигент. Рудольф Шрекер дал доктору Францу Кенигу мундир, звание и почти неограниченные полномочия.

Щенок, конечно, но добрый щенок, который поможет ему управлять его вотчиной.

* * *

Кениг провел Пауля Бронского через целую галерею смежных комнат в кабинет комиссара Варшавы. Рудольф Шрекер сидел за столом. Самодовольство придавало ему важный вид. Кряжистый брюнет с типично немецким квадратным лицом. Франц Кениг занял место справа от него.

— Все здесь, — сказал Кениг.

Бронский узнал остальных. Зильберберг — драматург. Маринский — раньше ему принадлежала большая часть кожевенных фабрик на Гусиной. Шенфельд — один из самых блестящих евреев-адвокатов Варшавы, бывший член польского парламента. Зайдман — инженер. Полковник Вайс —

один из очень немногих евреев-офицеров в польской армии. Гольдман — выдающийся музыкант, когда-то учивший Дебору и Рахель. Среди интеллигентов известен как видный сионист. И, наконец, Борис Прессер. Этот казался не на месте в таком, можно сказать, высоком обществе. Торговец. Владелец большого магазина. Никогда не участвовал в политической или общественной жизни Варшавы.

Все восемь человек, стоявшие у стола Шрекера, волновались. Комиссар медленно переводил взгляд с одного на другого, изучая каждого и демонстрируя свою власть.

— Поскольку евреи — низшая раса, — начал Шрекер, — мы считаем, что у них должно быть свое управление, не связанное с другими гражданами, но находящееся в нашем ведении. Вас восьмерых выбрали в исполнительный комитет Еврейского Совета. Каждый из вас будет отвечать за свой отдел: один за социальное обеспечение, другой за здравоохранение, третий за трудоустройство и так далее. Который тут Гольдман?

Знаменитый музыкант, идеалист и мечтатель, выступил вперед.

— Будете председателем, Гольдман. Докладывать будете непосредственно мне. Остальные будут получать приказы от доктора Кенига.

— Прямо сейчас, — сказал Кениг, — идите в дом №28 по Гжибовской и оборудуйте там кабинеты. В первую очередь займетесь переписью евреев Варшавского округа. Как только закончите перепись, каждый зарегистрированный еврей получит кенкарту²⁷, на основании которой будут выдаваться продуктовые талоны. Евреи, у которых через три недели не окажется кенкарты, будут приговорены к высшей мере наказания.

— Я хочу, чтобы перепись прошла быстро и четко, — добавил Шрекер, — иначе мы создадим дру-

гой Еврейский Совет. О дальнейших распоряжениях вам сообщат. Можете идти.

Ошеломленные, они поплелись к дверям, с трудом передвигая непослушные ноги.

— И еще, — сказал Шрекер, выходя из-за стола и расправляя плечи, чтобы продемонстрировать свою физическую силу, которая и без того бросалась в глаза. — В нашем гарнизоне тысячи молодых, здоровых солдат, которым нужны развлечения. Дайте нам список женщин, которые обеспечат им необходимые услуги. Для начала штук пятьдесят-шестьдесят. Этим повезет: они попадут в публичный дом для офицеров.

Восемь человек переглянулись между собой в тщетной надежде, что кто-нибудь из них найдет, что ответить.

— Кто тут Зильберберг? — заглянул Шрекер в список с их фамилиями.

Дрожащий Зильберберг выступил вперед.

-- Вы же драматург, должны быть знакомы с актрисами.

Хилая грудь Зильберберга сжалась от ужаса. Он глубоко вздохнул и... плюнул на пол. Шрекер подскочил к нему — драматург закрыл глаза в ожидании удара, который пришелся в переносицу. Зильберберг упал, закрыв окровавленное лицо руками. Гольдман тут же опустился на колени рядом с ним.

— Отойдите от него!

— Ну, герр Шрекер, бейте и меня тоже, раз вы такой храбрец! — вызывающе крикнул Гольдман.

Шрекер быстро обернулся и посмотрел на остальных.

— Ты, безрукий, — сказал он, показывая на Бронского, — будешь ответственным за доставку проституток.

— Боюсь, что я не смогу войти в исполнительный комитет на таких условиях, — сказал Бронский.

— Мы еще поговорим об этом, когда придет время, — поспешил вмешаться Кениг, почувствовав, что Шрекер зашел слишком далеко. — Теперь убийтесь отсюда, все!

У Шрекера чесались руки избить их всех, но он понял, что Кениг хочет удержать его от неверного шага. А неверных шагов ему делать не следует. Белый от ярости, он забегал по комнате после их ухода, изрыгая проклятия и ругань. Наконец он уселся за стол, поклявшись еще показать, кто здесь хозяин. Когда он успокоился, Кениг мягко и рассудительно сказал:

— Герр Шрекер, мы задели их самое чувствительное место.

— Но они осмелились мне возражать!

— Не обращайтесь внимания, герр комиссар. Не нужно давать им повод объединяться. Мы же выбрали их, чтобы они работали на нас, не так ли?

— Вот им и дали привилегии!

— Верно, — согласился Кениг, — но чтобы они на нас работали, им нужно занимать какое-то положение среди евреев, иметь определенный вес. Если мы заставим их делать что-нибудь, что уронит их престиж в глазах остальных евреев, они просто не смогут на нас работать.

Шрекер задумался. Да, он дал маху. Ведь в его интересах создать эту власть, зачем же ее разрушать? А Кениг хитер. Интеллигенты, они разбираются во всяких тонкостях. Нужно держать Кенига под рукой, чтоб не наделать ошибок.

— Есть и другие способы раздобыть женщин для публичных домов, — продолжал Кениг. — Я предлагаю пока не вмешиваться в дела Еврейского Совета. Тогда остальные подумают, будто они что-то значат.

— Ну, конечно, — сказал Шрекер. — Я просто прощупывал их, хотел посмотреть, хватит ли у них духу выполнять наши приказы.

Из дневника

*Итак, долго ждать не пришлось, чтобы раску-
сить Рудольфа Шрекера и понять, что он нам го-
товит.*

*Оказывается, правительство генерал-губерна-
торства находится в Кракове. Странно. Мы счи-
тали, что оно будет в Варшаве. Заправляет у
них там какой-то Ганс Франк. Он издает еже-
дневную газету на четырех страницах, которая
так и называется "Газета генерал-губернаторст-
ва". На первых трех страницах всякая всячина,
а четвертая отведена под "Проблему евреев". Мы
сейчас в центре внимания.*

Александр Брандель

Приказ.

Всем евреям надлежит незамедлительно заре-
гистрироваться в Еврейском Совете по ул. Гжи-
бовская, 28 для получения кенкарт и продоволь-
ственных талонов. Уклонившиеся от регистрации
будут приговорены к смертной казни.

Приказ.

Евреям запрещается селиться в предместье Жо-
либож. Евреи, проживающие там в настоящее вре-
мя, обязаны выехать оттуда в течение недели.

Приказ.

Разъясняется: Все дальнейшие приказы относи-
тельно евреев распространяются в равной мере и
на лиц, у которых один из родителей или дедов
был евреем. Евреи, ранее перешедшие в другую

веру, считаются евреями.

Приказ.

Евреям запрещается посещать парки и музеи.

Евреям запрещается посещать рестораны в нееврейских районах.

Евреям запрещается пользоваться общественным транспортом.

Еврейские дети должны быть исключены из государственных школ немедленно.

Приказ.

Исповедание еврейской религии запрещается. Все синагоги закрываются. Еврейское религиозное воспитание запрещается.

Приказ.

Нижеперечисленные профессии и должности разрешены евреям только среди еврейского населения: медицина, право, журналистика, музыка, все государственные и муниципальные посты.

Приказ.

Евреям запрещается ходить в театры и в кино-театры в нееврейских районах, а также госпитализироваться в нееврейских больницах.

* * *

Когда началась перепись, каждую кенкарту проштамповали большой буквой "Йот", что означало "Jude" — "Еврей". Вскоре вышел приказ о сокращении продовольственной нормы для евреев, и началась погоня за нелегально полученными и фальшивыми арийскими кенкартами. Из Жолибожа и других районов, предназначенных для проживания там немецких должностных лиц, евреев выгоняли без всякой компенсации.

Что ни день — то новый приказ.

Тем временем Рудольф Шрекер вернулся к более привычным для себя занятиям. У него был немалый опыт уличных потасовок времен Баварского путча²⁸; теперь он организовал банды польских хулиганов, поставил их на довольствие и дал приказ терроризировать еврейское население. Несколько недель после вступления немцев в Варшаву никто не мешал им бить стекла, грабить магазины и избивать бородатых стариков.

В еврейских кварталах разъезжали машины с громкоговорителями, из которых неслись последние приказы и тексты с четвертой страницы "Газеты генерал-губернаторства", а распоряжения комиссара Варшавы и Еврейского Совета были расклеены по всем улицам.

Специальное подразделение войск СС устраивало облавы на евреев и неевреев, подозревавшихся в том, что они способны оказать хоть малейшее сопротивление. Список был составлен доктором Кенигом и другими этническими немцами. Задержанных отправляли в Павяк²⁹ и там расстреливали.

По радио без умолку вдалбливали польскому населению: "Германия пришла спасти Польшу от евреев, наживающихся на войне".

Изменились и плакаты на афишных тумбах. На смену красавицам из фильмов пришли бородатые евреи: то они насильовали монахинь, то вливали кровь христианских младенцев в мацу, то просто сидели на грудах денег, то вонзали нож в спины добрых поляков.

По большей части немецкая пропаганда пользовалась успехом. Польский народ не мог восстать ни против своей аристократии, которая сбежала, ни против русских, которые его предали, ни против немцев, которые его разгромили, и поэтому охотно соглашался, что в его последнем несчас-

тье виноват все тот же вечный козел отпущения — еврей.

Глава третья

Приказ.

Все еврейские трудовые союзы, профессиональные общества и сионистские организации с сегодняшнего дня объявляются вне закона.

Из дневника

Сегодня состоялось экстренное заседание исполнительного комитета бетарцев по вопросу о переходе на нелегальное положение. Мне нужно найти какую-то лазейку, чтобы, не нарушая немецких приказов, сохранить нашу организацию. Возможно, под другой вывеской ей удастся продолжать свою деятельность.

Анна Гриншпан добилась самого большого успеха. Сообщила, что Краковский филиал объединен. Смелая девушка. В ответ на приказы, ограничивающие передвижение евреев, она раздобыла фальшивые проездные документы (на имя несуществующей Тани Тартинской). Она так не похожа на еврейку, что спокойно разъезжает повсюду. Она связалась с Томми Томпсоном из Американского посольства, которое теперь в Кракове, и он согласился получать американские доллары от наших людей за границей (главным образом, из наших американских филиалов) и передавать их ей. Томпсон настоящий друг. Анна собирается объездить все наши крупные отделения и установить разработанную нами систему подпольной связи.

Сусанна Геллер попала в чрезвычайно трудное положение. Во время вторжения немцев были убиты, по ее подсчетам, тридцать тысяч солдат-ев-

реев. (Эта цифра представляется довольно точной. По нашим подсчетам, двести тысяч польских солдат убито, много тысяч бежало за границу и еще больше очутилось в лагерях военнопленных.) Кроме того, сотни детей остались без семей во время осады Варшавы. Мы должны взять на себя заботу о них. Сусанна поместила в бетарский приют еще двести детей, что вдвое превышает наши нынешние возможности. Нет нужды говорить о том, как увеличатся расходы. И дополнительный персонал требуется. А это значит, что придется снять наших лучших людей с их работы и направить в приют. Один Бог знает, как нам это удастся. Учитывая, что для евреев продовольственные нормы сокращены, нам нужно получить от Еврейского Совета пятьдесят дополнительных талонов для детей.

Толек Альтерман после своей обычной речи о сионизме пообещал Сусанне обработать новые участки земли на ферме, чтобы восполнить сокращение продовольственных норм. Нужно нацелить его на увеличение урожая — цены на продукты могут резко подскочить. Но и для этого нужны люди.

Ирвин Розенблюм все еще работает в "Швейцарских Новостях" на том основании, что это агентство нейтральной страны, и немецкий приказ запрещает евреям работать в нееврейских газетах Польши. (Мы полагаем, что с минуты на минуту закроют еврейскую прессу, хотя Эммануил Гольдман, председатель Еврейского Совета, убеждает немцев этого не делать, мотивируя тем, что она служит средством массового распространения немецких приказов. Долго ли ему удастся пользоваться этой зацепкой?) Ирвин считает, что ни он, ни Кристофер де Монти, ни само агентство долго не продержатся. Для нас это будет большим уроном, поскольку Ирвин очень близок к

источникам информации и не раз уже сообщал нам ее за сутки до опубликования, чтобы мы успели собраться с силами. Скажу еще и о том, что меня крайне огорчило: Андрей на заседание не пришел. Я всем врал, что он поехал в Белосток. Некоторые члены нашей организации поговаривают о том, что он задумал какой-то план, который нанесет нашему делу тяжелый удар. Я должен его остановить. Пока кончаю и отправляюсь его искать.

Александр Брандель

Габриэла Рок услышала звонок и пошла открывать. В дверях стоял Александр Брандель.

— Входите, Алекс, — сказала она, закрывая за ним дверь и принимая от него пальто и шляпу.

— Он здесь?

Габриэла показала на балкон.

— Прежде чем я пойду к нему, скажите...

— Не знаю, Алекс, — покачала она головой, — бывают дни, когда он мечется, как зверь в клетке, а бывают дни, вот, как сегодня, когда сидит, насупленный, как сыч, и пьет, не произнося ни слова. Вчера и сегодня он ходил с кем-то встречаться. Зачем — не знаю, не хочет мне довериться.

— Ясно, — сказал Алекс.

— Я еще не видела, чтобы кто-нибудь так тяжело переживал поражение. При его-то гордости... Похоже, что он хочет пострадать за тридцать миллионов поляков.

Она открыла дверь на балкон. Андрей тупо смотрел на груды развалин. Ей пришлось раз пять его окликнуть, прежде чем он обернулся.

— Андрей, Брандель пришел.

Андрей вошел в комнату. Небритый, глаза мутные от запоя и недосыпания. Подошел прямо к бу-

фету и налил себе водки.

— Я вам сделаю чай, Алекс, — засуетилась Габриэла.

— Нет, — приказал Андрей, — останься. Хочу, чтобы ты выслушала великие рассуждения высокоумного сиониста. Перлы мудрости хлынут как майский дождь. Будь у нас ведро — собрали бы их.

Он выпил и налил себе второй стакан. Габриэла присела на краешек стула, а Брандель подошел к Андрею, отнял у него стакан и поставил на стол.

— Ты почему не пришел сегодня на заседание исполнительного комитета?

— А ты разве не слышал? Нет больше бетарцев. Приказ за номером двадцать два комиссара Варшавы.

— Заседание было очень важным. Нам нужно выработать тактику перехода на нелегальное положение.

— Габи, — подошел к ней Андрей, чмокнув губами и хлопнув в ладоши, — рассказать тебе слово в слово, о чем сегодня говорили? Значит, так. Сусанна Геллер кричала больше всех, потому что с войной у нее прибавилась масса сирот, а наша добрая Сузи готова их всех принять, всех до единого. А завтра герр Шрекер издаст приказ о том, что сироты объявляются вне закона. Но вы нас еще не знаете! Наш Брандель закон обойдет, хитрец такой! Он у нас из любого положения выкрутится! "Отныне, — объявляет он, — мы будем называть сирот послушниками, а бетарский приют — монастырем Святого Александра". Тут вскакивает Толек Альтерман. "Товарищи, — говорит он, — я в десять раз увеличу урожай на фермах, потому что это и есть сионизм в действии". Потом берет слово Анна, наша дорогая Аннушка. "Позвольте мне сообщить, что Краковская группа хором поет "Сплоченность на веки веков"...

— Может, хватит?

— Нет, Алекс, у меня бывают собрания поинтересней.

— Как же, слышал, знаю. Очень интересный план ты наметил.

— Какой план? — спросила Габриэла.

— Ты почему же ей не рассказываешь, Андрей? — Андрей отвернулся. — Не хочешь? Ну, тогда я расскажу. Он собирается взять с полсотни наших лучших парней и убраться из Варшавы.

— А кучка идиотов во главе с Алексом, — Андрей снова обернулся к нему, — пускай продолжает болтать на собраниях, пока немцы не спустят с них шкуру и не выпустят из них дух. Да, я возьму человек пятьдесят, перейду границу, раздобуду в России оружие, вернусь обратно и напишу несколько своих приказов о дорогах снабжения для немцев.

— Почему ты мне ничего не рассказал? — спросила Габриэла.

— Я же тебе говорил: уезжай с американцами в Краков. У меня до сих пор лежат твои документы. Вот тебе и будет от меня подарок перед моим уходом.

— Но почему же ты мне не сказал?

— А зачем? Чтобы вы между собой сговорились и уложили меня в споре на обе лопатки?

— Никто не собирается с тобой спорить, Андрей, — сказал Алекс. — Все и без спора ясно: тебе запрещается осуществлять твой план.

— Слыхали! Новый комиссар нашелся приказывать!

— Не возьмешь ты пятьдесят наших парней: они нужны нам, чтобы спасти жизнь другим.

— Пой, ласточка, пой!

— Наша — да и другие сионистские группы — это представители народа, которые будут действовать в его интересах. Если ты и сотня тебе

подобных заберете каждый по полсотни молодых мужчин и женщин, три с половиной миллиона евреев останутся без тех, кто хоть как-то может защитить их.

— Попробуй только удержать меня, Алекс.

— Андрей, мы уже давно работаем вместе, очень давно, но я, не задумываясь, вышвырну тебя из рядов бетарцев.

— Что ж, тебе придется в таком случае вышвырнуть еще пятьдесят человек, которые идут за мной.

Они вдруг замолчали, поняв, что дошли до той черты, за которой нет пути к отступлению. Ярость мешала Андрею прислушаться к здравому смыслу. Алекс был потрясен. Он обернулся к Габи, но та беспомощно развела руками.

— Я молил Бога, чтобы мой сын вырос хоть наполовину таким, как Андрей. Когда я увидел, каким ты вернулся из боя, я подумал: "Что бы ни случилось, с таким храбрецом, как Андрей, мы не пропадем". А теперь я вижу тебя насквозь. Настоящей храбрости в тебе нет.

Габриэла бросилась между ними, глядя в отчаянии то на одного, то на другого, и вдруг обрушилась на Алекса:

— Как вы смеете с ним так разговаривать!

Но Алекс отстранил ее, размахнулся и дал Андрею пощечину. Тот даже глазом не моргнул.

— Прекратите! — заорала Габриэла.

— Не беспокойся, Габи. Он же бьет, как женщина, зная, что я не отвечу.

— А немцы бьют отнюдь не как женщины, но у тебя не хватает храбрости бороться, не давая воли рукам.

— Нет, я не позволю сказать, что я разрушил Бетар. Держи людей здесь, я пойду один, — Андрей подошел к тахте. — Сто тысяч польских солдат перешли границу и готовятся к новому сра-

жению. Одним станет больше.

— Ты — тщеславный эгоист, — склонился к нему Алекс, — тебе бы только утолить жажду личной мести. Бежать к шайке Робин Гуда, в тот момент, когда мы больше всего в тебе нуждаемся. Что ж, прощайте, brave майор Седьмого уланского полка Андровский.

— Перестаньте его терзать! — закричала Габриэла.

— Алекс, ради Бога! — крикнул вслед за ней Андрей. — Не умею я воевать по-твоему. Я не предатель! Просто не умею воевать по-твоему.

— По-своему ты уже воевал, и ничего не вышло. Теперь схватка еще больше неравна. И речь не о том, что сильные выступают против сильных, а о том, что на горстке людей лежит ответственность за три с половиной миллиона беззащитных. У нас нет другого оружия, кроме веры друг в друга. Андрей, ты всегда хотел знать, что такое сионизм. Помогать евреям выжить и есть сионизм. Ради него нужно отказаться от себя. Нам без тебя не обойтись.

— Господи, — вздохнул Андрей, — да что же это за схватка? Все последние годы я сохранял позу великолепного Андровского, и знаю почему. Потому что мы вели воображаемую борьбу. Нашими врагами были все и никто. Речь шла о наших мечтах, о наших желаниях, но теперь... Нет, я больше не участвую в мнимой борьбе, я врага в лицо видел, можете вы это понять? Я хочу с ним сражаться вот так, — он поднял огромные кулаки, — хочу морды разбить этим немецким гадам.

— И это нас спасет?

— Не знаю, хватит ли у меня того мужества, о котором ты говоришь, Алекс, мужества сидеть сложа руки и смотреть, как тебя убивают.

— Не оставляй нас, Андрей.

— Алекс прав, — сказала Габриэла, — ты дол-

жен остаться со своим народом.

— Алекс всегда прав! Ты разве не знаешь? Всегда! — он перевел взгляд с нее на него. Да, война, которую он вел на свой лад, окончена, и в ней его растоптали, унизили. Теперь ему остается воевать тем способом, который предлагает Брандель. — Я попробую, — наконец пробурчал он. — Попробую.

Глава четвертая

Как член исполнительного комитета Еврейского Совета Пауль Бронский пользовался некоторыми привилегиями и послаблениями. Продовольственная норма на его семью была такой же, как у польских чиновников, то есть вдвое больше, чем у евреев. Франц Кениг убедил комиссара Шрекера, что эта щедрость к членам Еврейского Совета окупится с лихвой.

Паулю разрешили жить в прекрасной квартире на Сенной, одной из фешенебельных прежде улиц. Немецкая оккупация не так уж и ущемила Бронского. Его деньги лежали в Швейцарии, в банке, и были недоступны для немцев, да и сам он занял самое высокое положение, какое только было возможно в новых условиях. Пока Крис оставался в Варшаве, он не нуждался: Крис распоряжался его состоянием и давал ему деньги, снимая со счета Швейцарского Агентства Новостей.

И все же день переезда доставил ему массу неприятностей. Дебора явно была в восторге от того, что нужно переезжать из Жолибожа в еврейский район. Словно бы их насильственное приобщение к еврейству ощущалось ею как победа. Когда вещи уже были уложены, Пауль закрылся в кабинете, не в силах больше терпеть вопросы детей.

На столе лежали нарукавные повязки, которые отныне должна была носить его семья. Немцы все-таки ужасные педанты, подумал он. Согласно инструкции, повязка должна быть белой, с голубым маген-давидом³⁰ размером не меньше трех сантиметров. Такая дотошность вызвала у него ироническую улыбку, и он кое-как приладил повязку на левую руку, думая о том, что потеря правой позволила ему хоть в чем-то пойти наперекор властям.

В дверь постучали, и вошел Андрей.

— Ну, здравствуйте, шурин, — сказал Бронский. — Дебора где-то здесь, проверяет, все ли уложено.

— Я, собственно, пришел к вам, Пауль.

— Насладиться победой? Позлорадствовать? Сказать, как я потешно выгляжу с маген-давидом на руке? Напомнить, что ваше мрачное пророчество — "Вы — еврей, Бронский, хотите вы того или нет" — сбылось? Спросить, убедил ли я немцев, что ненавижу сионизм и что я — не настоящий еврей? Ладно, это все — к черту, а вот набить или разжечь трубку или застегнуть ширинку однорукому трудно.

— Как вы себя чувствуете, Пауль? — Андрей чиркнул спичкой, поднес ее к трубке Пауля и держал, пока она не разожглась.

— Прекрасно. Оказалось, что я все еще отличный врач. Вы никогда не давали указаний капра-лу, как ампутировать вам руку при свете простого фонарика? Неплохой трюк, доложу я вам. А вы хорошо выглядите. Простая пуля вас не берет.

— Как Дебора и дети восприняли переезд?

— Дебора? По-моему, в восторге. Бог нас наказал за то, что я толкал ее на путь отречения. Теперь я собираюсь восстановить свой иврит, читать по вечерам Танах и всю оставшуюся жизнь повторять: "Хочу быть хорошим евреем, и

помогите мне, Ставки”.

— Я пришел спросить, нельзя ли нам с вами заключить перемирие.

Пауль удивился.

— Просто время настало суровое, нельзя позволять себе роскошь ссориться из-за самоочевидных вещей. Вы в Совете. Вы знаете, как скверно обстоят дела.

— Да, в этом нет сомнений. Переходный период будет нелегким.

— Вы уверены, что он всего лишь переходный? — начал Андрей приступать к делу. — Никто не знает, до чего дойдут немцы и на чем они уймутся.

— Ну, и... — Пауль бросил на Андрея подозрительный взгляд: какое там перемирие, просто маскировка, чтобы чего-то добиться.

— Теперь, когда стопроцентные евреи, полуевреи, крещеные евреи и те, кто не признает своего еврейства, — все помечены единым знаком, необходимо держаться вместе.

— Дальше, — сказал Пауль.

— Мы изо всех сил стараемся объединить все группировки в общине, независимо от взглядов, и выработать своего рода единую политику. Вы занимаете одну из ключевых позиций, и мы хотим знать, можно ли на вас рассчитывать.

— В чем?

— Нельзя же сидеть сложа руки, когда на нас сыплются такие приказы и на улицах избивают наших людей. Нам нужно сплотиться и дать понять немцам, что мы не потерпим их обращения с нами и будем сопротивляться.

— Мне бы сразу сообразить, что вы затеваете лихой кавалерийский рейд, — вздохнул Пауль, откладывая трубку.

— А что еще вам надо, чтобы вы показали когти? — Андрей дал себе слово не взрываться. —

Где теперь ваши милые студенты? Где все ваши коллеги по университету?

— Андрей, — мягко начал Пауль, — не вы один задумываетесь над этим вопросом. Когда я потерял правую руку, у меня болело все тело. Но, как видите, я поправился. Так и варшавские евреи. Они теряют правые руки, это больно, но боль пройдет, и они останутся жить. Возможно, не так хорошо, как раньше, но уж тут ничего не попишешь, не в наших силах что-либо изменить.

— У вас есть гарантия, что немцы уйдутся, отняв у нас по правой руке? Что не будет приказа отнять у нас и вторую руку, и обе ноги?

— Я хочу вам сказать о своих планах, Андрей. Я принимаю жизнь такой, как она есть. Немцы — это закон жизни сегодня. Они выиграли войну. Выбора нет.

— Вы действительно считаете, что сможете иметь с ними дело?

— Я действительно считаю, что у меня нет выбора. Эх, Андрей, Андрей. Вечно вы сражаетесь с ветряными мельницами, вечно ищите таинственного врага. До немцев вы боролись с поляками. Не умеете принимать жизнь такой, как она есть. Да, я иду на компромиссы, но смотрю на вещи трезво и не гоняюсь за призраками. Сейчас я приспособливаюсь, потому что меня вдруг снова сделали евреем и у меня нет выбора. Меня сделали ответственным перед еврейской общиной. Я этого не просил и не хотел. Но теперь это мой долг. И еще мой долг — сохранить жизнь жене и двум детям и...

— И за это вы расплачиваетесь душой и честью?

— Постарайтесь обойтись без избитых фраз. Я знаю, что вы затеваете. Восстание... смута... подполье... Долбежка головой об стенку, вы так поступали и до войны. Я трезво оцениваю происходящие события и хочу спасти мою семью.

Андрею стоило больших усилий, чтобы сдержаться и не заорать, что Пауль негодяй, который всегда ищет легких путей.

— И уж коль скоро мы об этом заговорили, — продолжал Пауль, — вам лучше не бывать у нас — ради безопасности Деборы и детей, поскольку о вашей деятельности все равно станет известно.

— Уж это пусть моя сестра решает!

— О, для нее все, что делает ее дорогой братец, — все хорошо.

Андрей резко повернулся, вышел и все-таки хлопнул дверью, тем самым засвидетельствовав, что он не перестал быть самим собой.

Пауль постучал трубкой по зубам и покачал головой. "И куда его заносит? — подумал он. — Все еще несется впереди кавалерийского эскадрона. Сколько он еще продержится перед тем, как его поставят перед взводом карателей? Но и под расстрелом Андрей будет, очевидно, смеяться". И на минуту Пауль позавидовал этой беззаветной храбрости, неспособной к отступлению. Только раз он, Пауль Бронский, проявил такую инстинктивную храбрость — когда эта немецкая харя — Рудольф Шрекер потребовал доставить еврейских женщин в публичные дома. А ведь подобные моменты наверняка еще будут. Хотелось бы ему стать на те минуты Андреем Андровским. Хватит ли у него смелости в дальнейшем? Кто знает. Если бы можно было положить мужество в коробочку и открывать ее по мере надобности!

Из кухни донесся какой-то шум, и Пауль вышел из кабинета. Дебора кричала на Зося.

— Что тут происходит?

— Зося украла наше серебро. Рахель видела, как она его передавала через забор своему непутевому сыну.

— Это правда, Зося? — спросил Пауль.

— Да! И нечего! Не буду извиняться! — закри-

чала Зося. — Оно мое! И еще как! Годами я чистила за вами вашу еврейскую грязь.

— Господи! — ахнула Дебора. — Мы же к тебе относились лучше, чем твой родной сын! Мы же его вытаскивали из тюрьмы каждый раз, когда он попадал туда из-за пьяных драк. Я платила доктору за тебя и за твою сестру, когда ты не могла работать.

— Вы привели немцев в Польшу! — закричала Зося. — Священник нам сказал: во всем виноваты евреи! — она плюнула им в лицо и, переваливаясь, вышла из кухни.

Дебора тихо плакала, прижавшись к Паулю, а он старался ее успокоить.

— Не верю своим ушам, — шептала она. — Не верю.

— Ничего не поделаешь, немцы их подстрекают. Вошел грузчик.

— Машина готова. Вы говорили, что хотите поехать с нами на Сенную, показать, куда ставить вещи.

— Пани Бронская сейчас поедет с вами.

Грузчик приподнял кепку и вышел.

Дебора вытерла слезы. Пауль вынес из кабинета нарукавные повязки.

— Тебе и детям придется их носить, — сказал он.

Она взяла их, внимательно посмотрела и надела одну на правую руку.

— Какой стыд! — произнесла она. — В первый раз мы должны объяснить детям, что они — евреи...

Глава пятая

Из дневника

Андрей предупреждал меня, что на Бронского рассчитывать нельзя, и оказался прав. Мы созы-

ваем еврейскую общину, хотим знать, кто придет на собрание руководителей. Мы стягиваем силы, но медленно, хотя новые немецкие приказы звучат убедительнее любых наших доводов. Я собираюсь встретиться с рабби Соломоном. Если нам удастся заручиться его поддержкой, наше влияние резко возрастет.

Александр Брандель

* * *

Рабби Соломона чаще всего называли "великим рабби Соломоном". Один из самых образованных людей не только в Варшаве, но и во всей Польше, он был душой религиозного еврейства. Этого скромного человека все любили за то, что он всю жизнь учился, молился и обучал вере других. Его решения были очень популярны среди религиозных евреев.

Не последнее место в ряду многих его качеств занимала политическая гибкость. Когда, спускаясь с талмудических и этических высот на землю, человек сталкивается с действительностью, нужно уметь ладить с евреями разных толков и групп. Благодаря этому умению его часто просили быть посредником между людьми крайних взглядов.

Каждая сионистская организация считала, что она и только она — столп сионизма, а те, кто не в ее рядах, — псевдосионисты. И рабби Соломон тоже считал, что его сионизм, безусловно, самый правильный, потому что основан на Библии, которая говорит, что Мессия³¹ придет и поведет рассеянных по миру детей Израилевых в Землю обетованную. Рабби Соломон видел в этом не столько сионизм, сколько основу иудаизма. А всякие новые идеи — ревизионизм, социализм,

коммунизм, интеллектуализм — с его точки зрения были просто удобными заменителями истинной веры; он их не разделял, но относился сочувственно, понимая, что нужно обладать огромной внутренней силой, чтобы не взбунтоваться против всех издевательств, которые приходится терпеть.

И новые формы сионизма есть бунт людей слабых, не способных молчаливо и с достоинством терпеть страдания, молиться и принимать как часть жизни те наказания, которые Бог им шлет, дабы они стали достойными хранителями Святого Закона.

После того, как немцы закрыли его синагогу, он еще больше, чем прежде, старался поддержать дух своей общины. Даже под градом приказов его спокойная сила, его советы помогали людям жить — и они шли к нему вереницами.

В конце одного особенно трудного дня к нему пришел Александр Брандель. Старик приготовился отдохнуть в словесном поединке с ученым сионистом-историком.

Обменявшись положенными любезностями, Алекс приступил к делу.

— Мы полагаем, — сказал он осторожно, — что время требует от нас отбросить всякие разногласия и объединиться на той основе, где у нас расхождений нет.

— Но, Александр, два еврея не бывают согласны между собой ни в чем.

— В чем-то все же бывают, рабби, например забота о сиротах, взаимная помощь...

— И что же мы должны предпринять в тех областях, где, как вы говорите, у нас расхождений нет?

— Прежде всего устроить собрание. Я говорил с руководителями многих группировок, и они обещали прийти. Если придете и вы, то вашему при-

меру последует большинство раввинов Варшавы.

— Бунд³² вас поддерживает?

— Да.

— А федерация рабочих сионистов?

— Тоже.

— А коммунисты?

— И коммунисты.

— На таком собрании будет полнейший разброд.

— Мы, наоборот, попытаемся создать единый фронт, чтобы преградить поток немецких приказов.

— Ах, вот оно что. Но, Александр, я не общественный деятель и не политик, а просто учитель. Что же касается общественных проблем, так на то у нас есть Еврейский Совет, пусть он и решает те вопросы, о которых вы говорите.

Алекс старался запастись терпением.

— Еврейский Совет выбран немцами, — пошел он снова в наступление. — Мы чувствуем, что они хотят им воспользоваться для проведения своей политики.

— Но учитывая, что в нем такие хорошие сионисты, как Эммануил Гольдман, Шенфельд и Зильберберг...

— Рабби, у них совершенно нет власти. В такое необычное время, как наше, и меры нужны необычные.

— Чем же так необычно наше время, Алекс?

— Нам, возможно, предстоит борьба просто за то, чтобы выжить.

— Послушайте, Алекс, — старик, улыбаясь, погладил пышную седую бороду. Как эти молодые любят сгущать краски! — Вот вы ученый, историк. Скажите мне, когда это в истории еврейского народа не велась более или менее напряженная борьба просто за то, чтобы выжить? То, что сегодня происходит в Польше, уже не раз бывало в нашей истории. Вот вы как историк и

скажите мне, разве мы не выживали при любом деспоте?

— Думаю, сейчас дело обстоит совсем иначе.

— А именно?

— Со времен Первого Храма нас убивали потому, что нужен был козел отпущения, потому, что это было выгодно политикам, стоявшим у власти, потому, что это давало выход страстям, ублажало невежество. Крестовые походы, инквизиция, резня в Вормсе³³, погромы Хмельницкого. Но в прошлом мы никогда не сталкивались с хладнокровно разработанным планом уничтожения.

— И каким образом ученый историк знает, что сейчас мы именно с таким планом столкнулись?

— Читал Адольфа Гитлера.

— Ага. Ну, а скажите мне, Александр, что, по-вашему, выгадают немцы от уничтожения евреев? Получат территории? Завладеют воображаемыми богатствами? Какой смысл убрать лучших врачей, музыкантов, ремесленников, ученых, писателей? Чего они этим добьются?

— Вопрос не в том, чего они добьются, а в том, на чем останутся. Начинали немцы, как сотни других, но я не уверен, способны ли они сами себя остановить. Ни один другой народ в истории не был так психологически склонен разрушать во имя разрушения.

— Из ваших слов следует, что нацисты есть воплощение зла. Прекрасно. Но вы как историк должны знать, что зло само себя разрушает.

— Верно, но по дороге оно может разрушить и нас. Где это в Талмуде и в Торе сказано, что мы не должны защищаться?

— А мы и защищаемся: сохраняем веру, которая помогала нам выжить во все века. Мы защищаемся, оставаясь хорошими евреями. Так мы переживем и это время, и все другие времена. И придет Мессия, как обещано.

— И как же, по-вашему, мы его узнаем?

— Важно, чтобы не мы его узнали, а он нас.

Спор зашел в тупик. Старик не хотел сдаваться.

— И вы можете носить это с гордостью? — Алекс снял нарукавную повязку и помахал ею перед рабби Соломоном.

— Она была достаточно хороша для царя Давида.

— Но он не носил ее как знак унижения!

— Алекс, почему все сионисты обязательно кричат? Врата Небесного царства закрыты для тех, кто берется за смертельное оружие. Так будет и с вами, если вы соберете кучку бунтарей. Учитесь принимать страдания покорно, с верой в душе. Только в этом наше спасение.

Глава шестая

Приказ.

Государственные пенсии для евреев отменяются.

Приказ.

Еврейам запрещается покупать продукты в магазинах и лавках, принадлежащих неевреям.

Приказ.

Еврейам, покидающим Варшаву, требуется разрешение на поездку. Ездить они имеют право только в вагонах с надписью "Для евреев".

Приказ.

Стоять в очереди за получением продовольственных талонов евреи могут только в специально отведенных для них пунктах.

* * *

Призыв Александра Бранделя к единению провалился. Среди евреев был полный разброд. Большинство вообще не было связано ни с какими организациями и заботилось только о своих семьях. Тех немногих, которые имели влияние и могли бы сплотить людей, отправили в Павяк и расстреляли.

Мэр Старжинский, организовавший героическую оборону Варшавы, один из немногих высокопоставленных поляков ценивший вклад евреев в оборону города, исчез. Как и многих других, его увели среди ночи без всяких объяснений, и больше он не вернулся.

Алекс видел, как рвутся связи между его приятелями-интеллигентами. Те, из кого прежде идеализм бил ключом, теперь явно не умели воплотить слова в жизнь.

Он попытался привлечь на свою сторону коммуниста Роделя, руководившего большой организацией. Лысый, с неизменной сигаретой во рту, Родель большую часть времени тратил на объяснения, почему следует считать, что Советский Союз воистину спас восточную часть Польши, напав на нее с тыла, тогда как польская армия сражалась просто за свою жизнь. Родель всегда казался Алексу забавным. У него был большой набор словесных трюков и политических уловок. Весной этого года Родель был ярким антинацистом, летом, после заключения советско-германского договора, решил, что немцы не так уж плохи, а весь мир продали западные державы. Теперь он был снова против немцев, но, главным образом, старался оправдать поведение русских. Сионизм он не признавал по той простой причине, что, кроме коммунизма, не признавал ничего. И тем не менее, Алекс в нем нуждался. Отвергать коммунистов еще хуже, чем быть отвергнутыми ими. Коммунисты, включая неевреев, гор-

дились тем, что после евреев они самая сплоченная прослойка. Но Родель был совсем замотан. Коммунистов немцы преследовали, может, еще безжалостней, чем евреев. Относительно коммунистов у гестапо был всего один приказ: "Вылавливать и расстреливать".

С руководителем ревизионистов Шимшоном Бен-Горином Алексу даже поговорить не удалось. Те всегда держались особняком и не хотели участвовать ни в каком общем деле. Алекс полагал, что они готовятся к уличным боям.

У евреев из деловых кругов забот было выше головы. На полках пусто, цены растут, новые приказы не перестают создавать новые трудности. И вообще, призыв Алекса объединиться они восприняли как просьбу о пожертвованиях. По их понятиям, все, что выходило за рамки деловых отношений, относилось к разряду "пожертвований", а жертвования делаются после получения доходов, но о доходах в эти дни и говорить-то смешно.

Самая большая группа еврейского населения — религиозная — и пальцем не захотела шевельнуть. По совету рабби Соломона, они решили пользоваться традиционным оружием — молиться и терпеть.

Члены Еврейского Совета избегали Алекса, как зачумленного. Драматург Зильберберг, из которого одна пощечина в кабинете Рудольфа Шрекера выбила весь боевой задор, наполнявший когда-то его пьесы, объявил Бранделя виновником всех несчастий. Остальные боялись за свое положение. Рассчитывать можно было только на пианиста Эммануила Гольдмана.

Среди неевреев и вовсе не на кого было опереться. Нееврейская интеллигенция была запугана не меньше еврейской. Пример Пауля Бронского был тому лучшим подтверждением. С тех пор, как

Бронский вернулся в Варшаву, ему не позвонил ни один из его студентов, ни один из его коллег.

Большинство населения не хотело вмешиваться в войну немцев против евреев, а меньшинство не скрывало своей вражды к евреям.

Церковь — великий рупор власти и совести — безмолвствовала. Как умный стратег, Александр быстро понял, что единение невозможно, и перешел к решению следующей задачи. Поразмыслив, он собрал трех самых надежных и сильных людей, которых не надо было убеждать — они понимали обстановку, хотели держаться вместе и сопротивляться убийственным приказам.

В эту группу, кроме Алекса, входил Шимон Эден — нескгибаемый руководитель Объединенной федерации рабочих сионистов. Ему одному удалось сформировать и повести за собой с десятков различных фракций — от умеренных до крайне левых. В Объединенную федерацию входило более шестидесяти процентов всех сионистских организаций. В Шимоне сочетались лучшие качества Александра и Андрея при отсутствии главных недостатков. В прошлом армейский офицер, как и Андрей, он и похож был на него: такой же высокий и сильный, с такими же приступами ярости. А спокойной рассудительностью он походил на Алекса. Андрей уважал Шимона больше всех в Варшаве, не считая Алекса.

Вторым был Эммануил Гольдман, состарившийся, но все еще блистательный музыкант, которого назначили председателем Еврейского Совета.

Гольдман был единственным, в ком ошибся доктор Франц Кениг. Справедливо полагая, что у знаменитого музыканта есть имя среди евреев, Кениг недооценил его преданность идеалам гуманизма. Гольдман смотрел на вещи трезво и понимал, что в Совете ему долго не продержаться:

немцам нужны люди малодушные, чтобы проводить в жизнь их приказы. И он твердо решил найти для общины какой-нибудь выход прежде, чем его сместят.

Третьим был Давид Земба, директор Американского фонда — организации, поддерживаемой американскими евреями. Низенький, с короткой бородкой и приятными манерами, польский еврей Земба был совершенно бесстрашен и чрезвычайно умен. В оккупированной Польше американские доллары, проходившие через его руки, становились основой любого начинания.

Вчетвером они выработали план действий.

На первом этапе Эммануил Гольдман, как председатель Еврейского Совета, добился встречи с доктором Францем Кенигом.

— Герр доктор, мы столкнулись вот с какой проблемой. У нас, у евреев, принято решать все дела между собой. Все общественные функции прежде возлагались на Комитет общины, который теперь распущен, и у нас нет легального органа для решения материальных вопросов.

— Насколько я понимаю, вы просите разрешения создать отдел социального обеспечения при Еврейском Совете?

— Не совсем так. В нашем Совете нет ни опытных людей, ни фондов, и к тому же мы очень заняты переписью.

— Уверен, что вы пришли сюда уже с готовым предложением.

— Да, и оно состоит в следующем. Есть много известных благотворителей. Они могут собрать деньги, найти людей заведовать приютами для сирот и домами для престарелых.

— Вы предлагаете создать самостоятельный административный отдел?

— Да.

— А не отделение при Еврейском Совете?

— Совершенно верно.

— Почему?

— Евреи всегда единодушны в вопросах взаимопомощи, каких бы взглядов они ни придерживались. Но если эту функцию передать органу, созданному правительством, начнутся распри между различными группировками, очень трудно будет наладить финансирование, поскольку правительству люди заведомо не доверяют. Получится неразбериха, двойная работа, административные дразги. Всего этого можно избежать, создав самостоятельный административный отдел.

Доводы Гольдмана показались Кенигу убедительными. Он сможет обязать Еврейский Совет наблюдать за новым отделом. С другой стороны, если социальным обеспечением займется сам Еврейский Совет, Гольдман вечно будет вымогать у него, Кенига, побольше денег. И все-таки, что-то здесь не так. Доктор Кениг имел уже случай убедиться, что Гольдман — человек с характером, и хотя вопрос представляется ясным, не может быть, чтобы Гольдман пришел с выгодным для немцев предложением.

Эммануил Гольдман тоже понимал, что перед ним не эта дубина Шрекер.

— Кого вы предлагаете поставить во главе нового отдела? — начал прощупывать почву Кениг, остерегаясь подвоха.

— Ну, людей-то полным-полно, важно найти человека, который устраивал бы все группировки. Скажем, Александр Брандель.

— Брандель? С его сионистским нутром?

— Бетарцы как группировка, — пожал плечами Гольдман, — никогда не поднимались до уровня Бранделя как человека, а теперь и группировки-то не существует. Брандель покладистый, безобидный человек, ему можно доверять.

— А если я разрешу создать этот отдел при

одном условии?

— При каком, герр доктор?

— Чтобы возглавлял его не Брандель.

Дело зашло в тупик. Такого поворота Гольдман не ожидал. Следующий ход был за ним. Гольдман вынул из нагрудного кармана небольшой конверт и положил его Кенигу на стол.

— Здесь подробный проект создания самостоятельного отдела, герр доктор, — сказал он. — Прошу вас внимательно с ним ознакомиться и дать мне завтра ответ.

Уходя из ратуши, Гольдман вполне допускал, что доживает свой последний день на этой земле.

Открыв конверт, Кениг вынул из него пять купюр по тысяче долларов. Все ясно: евреи хотят вести дела без посторонних глаз. В первую секунду он вскипел и, схватив со стола конверт, направился в кабинет Шрекера, но остановился. Шрекер над ним посмеется, а деньги заберет себе. Подумать только, что настоящий немец, занимающий высокий пост, может принять взятку! Он медленно вернулся к столу. В последние недели у него не осталось заблуждений относительно тевтонского благородства. Вот прямо сейчас Шрекер сколачивает банды хулиганов, которые будут грабить еврейские магазины и склады. Так почему бы и евреям не вести свою игру? Но он-то тут при чем? Пять тысяч долларов! Больше, чем за целый год в университете. Смешно оставаться одиноким столпом добродетели среди сплошных бандитов. Но, допустим, он сохранит порядочность, тогда ему долго не продержаться при Шрекере: тот сочтет его ненормальным. Швели мозгами, Франц. Шрекеру ты нужен, но оставаться независимым ты не можешь — таковы правила игры, жестокой, как сама война.

Он ходил по дому, отнятому у Бронского. Все жульничают, все приспособливаются. А он, между

прочим, занимает ключевую позицию, и это еще только начало. В дальнейшем на такой должности можно составить огромное состояние. Играть — так играть. Пять тысяч долларов...

Мало-помалу моральные устои, на которых доктор Кениг строил свою жизнь, расшатывались. С тех пор, как перед войной он связал свою судьбу с этническими немцами, приходилось постоянно идти на компромиссы, пересматривать свои поступки, подыскивать им оправдания.

— Я разговаривал с комиссаром, — сказал он на следующий день Гольдману, — и мне удалось его убедить, что самостоятельный отдел по социальному обеспечению — наилучший выход для всех заинтересованных сторон. Вашему Еврейскому Совету разрешено приступить к его созданию.

Гольдман кивнул.

— Обдумал я и кандидатуру Александра Бранделя. Выбор мне кажется правильным. Относительно норм, штата, различных льгот пусть обратится прямо ко мне.

Гольдман снова кивнул, подумав, что Кениг, очевидно, в будущем собирается урвать себе кусок побольше. Но теперь он у них в руках. В случае чего его можно и приструнить. Игра выиграна, но в дальнейшем деньги так легко не потекут в карман Кенига: пять тысяч долларов не только оплатили его молчание, но и подцепили его на крючок. "Кое-что мы тебе еще подбросим, собака, — подумал Гольдман, — но не так много, как тебе хотелось бы, потому что мы ведь можем и рассказать твоему другу Шрекеру, как ты его обворовываешь".

Второй этап состоял в создании самостоятельного отдела под названием "Общество попечителей сирот и взаимопомощи" во главе с Александром Бранделем, а на третьем этапе Американский фонд перевел Бранделю свыше десяти тысяч

долларов на срочные расходы. Брандель снял пятнадцать помещений на севере Варшавы, в еврейском районе, где цены были ниже.

Эти помещения приспособили под пункты раздачи горячей пищи для остро нуждающихся, под пункты выдачи продовольственных талонов, под медицинские пункты, под приюты и т. д.

Хотя все эти пункты функционировали по своему прямому назначению, они к тому же служили еще и ширмой для деятельности сионистских групп, объявленных немцами вне закона. Сионисты сменили названия своих организаций, но фактически продолжали действовать. Весь персонал "Общества попечителей сирот и взаимопомощи" состоял из видных сионистов. Этот персонал носил особые нарукавные повязки и пользовался некоторыми льготами. Еще тысяча долларов доктору Кенигу избавила членов персонала от пристального внимания.

Главное — получать деньги от Американского фонда, минуя Еврейский Совет. Гольдман не сомневался, что если они попадут Совету в руки, — пиши пропало.

Теперь Брандель мог действовать: сионисты уцелели, есть деньги для ферм, можно расширить бетарские приюты, накормить бездомных и голодных, обеспечить их одеждой.

И, наконец, была решена еще одна задача. Не все помещения были отведены под пункты социального обеспечения. Брандель получил возможность раздать должности своим людям, и многие из них переехали в центральное здание "Общества попечителей сирот и взаимопомощи", а их жалованье возвращалось в общую кассу. Толек Алтерман заявил, что это и есть сионизм в действии.

“Общество попечителей сирот и взаимопомощи” уже существует. Все наши активисты в Варшаве работают на него. Пятиэтажный дом на Милой, 18 я отвел под это “Общество”. Двадцать наших самых молодых бетарцев переселились сюда и возвращают жалованье в общую кассу. Я этим очень горжусь. Шесть домов передано Сионистской Федерации Шимона Эдена под вывеской “Отделения Общества попечителей сирот и взаимопомощи”. Шимон выбрал для административного здания дом 92 на Лешно. Он тоже устроил общежития в отведенных ему домах. Мы держим еще и помещения про запас, так как уверены, что некоторые группировки, возражавшие раньше против слияния в единую организацию, теперь присоединятся к нам. Взаимопомощь во все времена была серьезной основой для объединения, а теперь и подавно. К слову, на последней встрече с Гольдманом, Зембой и Эденом я спросил, не затруднит ли их записывать все, что они увидят и услышат. Теперь происходит столько событий, что я не успеваю за ними уследить. Пусть и они записывают свои впечатления. Они пообещали передавать мне свои записи на наших еженедельных встречах — вот как оказались они снисходительны к затее историка.

Александр Брандель

Глава седьмая

Из дневника

Сегодня долго разговаривал с Ирвином Розенблюмом. Хотел узнать его мнение об истинных

планах немцев и кого он считает фактическим правителем Польши. Ирвин говорит, что генерал-губернатор Кракова Ганс Франк отнюдь не истинный хозяин. Судя по его предыдущей деятельности, он всего лишь гражданский администратор, находящийся здесь, чтобы выжимать из Польши средства на нужды немецкой экономики. И столица на самом деле не Краков, а Люблин. А организации, не связанные с армией, такие, как немецкая политическая полиция, администрация концентрационных лагерей, уголовный розыск, бригады особого назначения, — все они настолько тесно переплетены между собой, что не разберешь, где начало, где конец. Нам известно, что группенфюрер Одило Глобочник хозяин и над СС, и над СД, и над гестапо³⁴ всего генерал-губернаторства. Австриец, как и Гитлер, он известен своими преследованиями евреев. Будучи генерал-майором СС, он подчиняется только трем людям: Гитлеру, Гиммлеру и начальнику СД в Берлине Рейхарду Гейдриху.

Думаю, Ирвин прав: у Глобочника наверняка больше власти, чем у Ганса Франка.

Каковы истинные планы немцев? В Берлине есть отделение гестапо под номером 4Б, которое занимается "еврейскими делами". Руководит им генерал-полковник Адольф Эйхман³⁵. Насколько мне известно, он бывал в Палестине и разговаривает на иврите. Ирвин уверен, что все приказы, касающиеся евреев, — лишь часть общего плана, составленного Рейхардом Гейдрихом для отделения 4Б.

Немцы безусловно собираются систематически выкачивать еврейское имущество, а вожаков и интеллигентов упрячивать в концентрационные лагеря. Нет сомнения в том, что они скоро снова нанесут очередной удар. Им, как фараонам и Риму, нужен принудительный труд. Думаю, три с

половиной миллиона евреев Польши для того и предназначены.

Ирвин полагает, что со дня на день закроют агентство "Швейцарские Новости". Среди нацистов, недавно прибывших в Варшаву, есть некий Хорст фон Эпп, который будет возглавлять отдел печати и пропаганды. Конец аккредитации Криса де Монти — лишь вопрос времени.

Александр Брандель

Хорст фон Эпп прибыл в Варшаву зимой 1939 г. в числе других высокопоставленных нацистов. Совершенно не похожий на большинство из них, он был человеком далеко не примитивным, наделенным особым европейским обаянием и искрометным юмором. Формы не носил, одевался по последней моде и глубоко сожалел, что война с Англией лишила его возможности заказывать костюмы у лондонского портного на Бонд-стрит.

Отпрыск богатой аристократической семьи, фон Эпп действительно имел мало общего с нацистскими молодчиками. Ему претили их методы насилия, он презирал их взгляды и находил всю эту чушь о высшей расе, геополитике, жизненном странстве и радости через труд просто смешной. В Париже, на Ривьере или в Нью-Йорке он чувствовал себя гораздо больше дома, чем в Мюнхене (но обожал Берлин).

И при всем при этом был преданным нацистом. Он пропагандировал те самые идеи, которые терпеть не мог. Лишившись значительной части семейного состояния из-за неудачного его помещения и мотовства, он оказался все же достаточно практичным, чтобы разглядеть в начале тридцатых годов неотвратимость поднимавшейся волны нацизма и поплыть по течению, а идеалов и убеждений у него было не так уж много, чтобы они

могли помешать ему продолжать жить в свое удовольствие. Он хотел получать как можно больше, делая как можно меньше. Он понимал, что при том хаосе, который на первых порах творился в умах большинства нацистов, им придется прибегнуть к помощи таких людей, как он, которые думали бы за них.

Красивый, сорокалетний распутник, вечно изменявший жене, он был прирожденным снобом и превосходил интеллектом большую часть своих товарищей по партии.

Таким, как Рудольф Шрекер, Хорст фон Эпп действовал на нервы. При нем они чувствовали себя козьянками, а нацисту не пристало так себя чувствовать. Многие хотели бы избавиться от фон Эппа, но власть предержащие понимали, что нуждаются в нем, и потому приходилось его терпеть.

По силе воздействия немецкая пропаганда не имела себе равных. Немцы усвоили аксиому: упорно повторяемая ложь начинает казаться правдой даже тем, кто знает, что это ложь. Кроме того, есть еще и полуправда, которая строится на искусном искажении фактов. Хорст фон Эпп помог Иозефу Геббельсу создать прекрасную пропаганду во время гражданской войны в Испании, войны, которая отнюдь не была гражданской. Он умел так ловко подтасовывать информацию, поступавшую из Испании, что мир начал верить, будто республиканское правительство вовсе не республиканское, а коммунистическое, и, следовательно, война в Испании ведется против коммунизма.

Министерство пропаганды выплескивало чудовищную дезинформацию, а Хорсту фон Эппу надлежало изготавливать для этого яда привлекательную упаковку. В Берлине опытные и въедливые иностранные журналисты так и норовили вывести Ми-

нистерство пропаганды на чистую воду. Не вывели же всех журналистов, которые только и знают, что задавать свои вопросы, но ведь они потом формируют общественное мнение. И Хорст умирал бурлящие волны. Он стал своим парнем среди журналистов — совсем "наш человек", хоть и нацист. Нацисты никогда не слыли симпатягами, поэтому личное обаяние Хорста в особенности эффективно работало на нацистских главарей. Прекрасный фасад, скрывающий от любопытных глаз внутреннее устройство дома. Хорст фон Эпп мог быть полезен журналистам во всем, начиная с нужной цитаты, которую он тут же говорил наизусть, и кончая доставкой девицы на любой вкус — чего не сделаешь для друзей?

Варшава стала в настоящий момент центром внимания всего мира, надлежало особенно тщательно следить за общественным мнением.

Зимой 1939 года Франция и Англия начали мнимую войну с Германией на Западном фронте. Ни с одной стороны не было произведено ни единого выстрела. Поезда ходили вдоль границ как ни в чем не бывало. Германия развернула мощную кампанию, пытаясь убедить Англию и Францию выйти из войны, поскольку "польский вопрос решен". Поэтому первоочередной задачей немецкое министерство пропаганды считало не дать выйти наружу сведениям из Польши, которые могли бы помешать претворению в жизнь немецких планов. Сотни журналистов из нейтральных стран — Италии, Швейцарии, Швеции и из восточных стран находились в польском генерал-губернаторстве. Даже из Соединенных Штатов и Южной Америки прибыло несколько человек. Такой ловкий манипулятор общественными настроениями, как Хорст фон Эпп, был просто необходим для "поддержания спокойствия".

По приезде в Варшаву он остановился в гости-

нице "Бристоль" и там же устроил себе штаб, заняв пол-этажа и набив свой номер лучшими винами и изысканными закусками. Недели за две он уже знал все о варшавских манекенщицах и актрисах, не отличавшихся избытком патриотизма, сделал им весьма соблазнительные предложения и отобрал двадцать пять прелестниц для ублажения наиболее высокопоставленных иностранных журналистов и дипломатов. Собрал он и дополнительный отряд привлекательных студенточек, секретарш и других эмансипированных особ, желающих увеличить свои доходы.

После тупого солдафона Рудольфа Шрекера фон Эпп был просто находкой для иностранных журналистов. Создалась непринужденная атмосфера, снимавшая напряжение и заодно умерявшая их расследовательский пыл.

* * *

Крис кончал одеваться, когда в дверь позвонили. Он открыл и увидел перед собой безупречно одетого и приятно улыбающегося господина.

— Здравствуйте, — сказал тот, — я Хорст фон Эпп.

— Проходите.

— У вас очень уютно, — осмотрелся вокруг немец. — Ах, какой на вас пиджак! — он бросил взгляд на ярлычок. — Файнберг, Бонд-стрит. Лучший лондонский портной. Как же, как же, до начала войны я был его клиентом. Ярлычок мне, конечно, приходилось спарывать, поскольку он еврей, а по одной ткани наши чурбаны определить этого не могут. Что им ткань — им подавай униформу! А берлинские портные — портачи. Не могли бы вы заказать для меня кое-что через Швейцарию у Файнберга?

— И за этим вы сюда пришли?

— Нет, конечно. Вчера я устроил прием для иностранных корреспондентов, на котором мне особенно хотелось видеть вас.

— К сожалению, как раз в это время я ехал из Кракова сюда, но я принес извинения по телефону.

— Верно, верно.

— Между прочим, я только что прочел ваше любовное послание, — сказал Крис, показывая на официальное извещение о новых правилах цензуры и отправки корреспонденций.

— Ах, это? — фыркнул фон Эпп. — Нацистская бюрократия. Поймите, нам приходится обеспечивать работой сотни людей. Одни заняты изданием приказов, другие — их отменой, третьи сидят на сортировке, четвертые — на подшивке. Таким образом мы выполняем свои обязательства перед верными сторонниками партии. Сигарету?

— Пожалуй. Я так спешил из Кракова, что забыл купить.

— С удовольствием пришлю вам блок, — сказал фон Эпп, заметив, что американский "Кэмел" произвел на Криса впечатление. — Кстати, я добился того, что некоторые представители прессы смогут покупать продукты, одежду, вина и так далее в магазинах для офицерского состава СС, в Цитадели.

"Ага, — подумал Крис, — нацисты изобрели нечто новое в области общественных отношений и связей". Он внимательно посмотрел на фон Эппа. Интересно, почему тот проявляет к нему особое внимание? До Криса уже доходили слухи о том, что фон Эпп прибыл в Варшаву и что он — славный малый. Мягкий, слишком мягкий. Но симпатяга.

— Мне не хотелось нарушать ваш покой, но уж очень тянуло познакомиться с вами, — продолжал фон Эпп. — И решить кое-какие вопросы нужно.

— Я вас слушаю.

— Если хотите, чтобы ваше бюро оставалось в гостинице "Бристоль", я, пожалуй, смогу это уладить, но, между нами, там слишком много нацистов. Мне же не нужно вам объяснять, что мы вынуждены сажать своих людей на прослушивание телефонных разговоров. Так что, пожалуй, вам будет уютнее в другом месте.

— Я могу работать прямо здесь, в своей квартире. Рядом с кухней у меня пустует кладовка, — у Криса отлегло от сердца, когда он понял, что фон Эпп оставляет его в Варшаве. Он так боялся этого момента, а все оказалось совсем просто.

— Телефонная связь со Швейцарией налажена, я подключу вас прямо к вашему агентству. "Швейцарские новости", если не ошибаюсь?

— Да.

— Прекрасное агентство. Я хорошо знаком с вашим шефом Оскаром Пекорой. Мы организуем в гостинице "Бристоль" пресс-центр, так что вас будут обслуживать круглосуточно, и получаемую информацию тоже можете сначала давать нам на просмотр, все равно она рано или поздно попадет к нам. Вот, кажется, и все. Может быть, у вас есть ко мне какая-нибудь просьба?

— Какую цену мне придется уплатить?

— Вы уже взрослый мальчик, — улыбнулся Хорст фон Эпп, — сами знаете, что можно делать и чего нельзя. Мне же от вас нужно только одно: джентльменское согласие вести себя в пределах разумного. У меня нет ни малейшего желания работать в поте лица, и лучший способ облегчить себе жизнь — это облегчить ее вам. Что вы на это скажете?

— Все ясно, — пожал плечами Крис.

— "На повестке дня" есть все же один неприятный пункт. По мне, так еврей может фотографировать не хуже белокурого арийца, но...

— Розенблюм?

— К сожалению, да.

— Он на днях предложил мне, что сам уйдет. Он знал, что это неизбежно.

— С удовольствием помог бы вам, — развел руками Хорст фон Эпп, — но, видимо, в Берлине не хотят подпускать меня к еврейским делам.

Крис подумал: не нажать ли? Рози знал, что так будет, ошибался он только, считая, что немцы вообще закроют "Швейцарские новости". Нет, лучше придержать язык...

— Вы в этом не виноваты, — сказал он фон Эппу.

— Не поужинать ли нам сегодня вместе? Скажем, у меня в номере?

Крис ответил согласием. Почему бы и нет, все равно он ничем не занят.

— А после вы не откажетесь развлечься в узком кругу?

Крис подошел к окну. Сколько раз он видел здесь, у этого окна Дебору, наблюдал за ней из алькова... В последний раз, когда она убегала в темноту, у нее были совершенно безумные глаза... До Сенной отсюда рукой подать. Теперь она с Паулем там, у себя. А ему предстоит провести в одиночестве еще один вечер. Опять он будет весь вечер один, нервничать, не находить себе места, смотреть из окна в сторону Сенной и думать о Деборе... Рози говорит, что Крис безумец и что она никогда не оставит Бронского. Крис повернулся к немцу:

— Дамы? Разумеется. Это как раз по мне.

* * *

Все же к предложению Хорста фон Эппа поужинать вместе Крис отнесся с подозрением. Уж слишком все шло как по маслу. Он считал, что его сразу выставят из Польши, а получилось,

что и он, и "Швейцарские новости" остались на месте, и работа продолжается несмотря на оккупацию.

Крис догадывался, что Хорст фон Эпп окажется отменным хозяином, и не ошибся. Действительно, с этим немцем он себя чувствовал лучше, чем с кем бы то ни было в последние месяцы. Хорст знал все свежие анекдоты, все последние сплетни об общих знакомых из журналистской братии. Постепенно подозрения Криса рассеивались. Вначале он еще следил за собой, взвешивал каждое слово, стараясь понять, чего же от него хочет фон Эпп, но тот не раскрывал своих карт. К тому же Крис не переставал удивляться столь откровенно пренебрежительным высказываниям фон Эппа о многих нацистах.

— Как ни крути, — сказал фон Эпп, — но по сути я замешан в политику Гитлера. Выиграет он — стану большим человеком, проиграет — стану сутенером на Ривьере. От честного труда меня воротит. Я из кожи вон вылезу, чтобы им не заниматься, да я и мало на что пригоден, уж если на то пошло.

Крис поражался его откровенности.

— А теперь, — сказал Хорст, — у меня для вас сюрприз. На десерт, — и он протянул через стол кенкарту.

Крис раскрыл ее. За подписью комиссара Рудольфа Шрекера Ирвину Розенблюму разрешалось оставаться в "Швейцарских новостях" и не носить повязку со щитом Давида.

— Не знаю, что и сказать.

— Поручиться за то, что ее не отменят, я, как вы сами понимаете, не могу, но пока...

В каком-то замешательстве Крис положил кенкарту Ирвина в карман, от коньяка отказался и налил себе виски. Фон Эпп задымил сигарой.

— Герр фон Эпп, — сказал Крис, поднимая ста-

кан. — Пью за отличного, но загадочного хозяина. Видите ли, я профессиональный наблюдатель за игрой в кошки-мышки, которую ведут дипломаты. Я первоклассный разгадчик смысла, кроющегося за словами. Но сейчас я ничего не понимаю. Поэтому вы уж простите меня за резкость, но какого черта вам от меня нужно? Что за игру вы ведете? Вы педераст? У вас на меня виды?

Фон Эпп расхохотался.

— Bravo, де Монти! Вот вы видите вокруг себя этих нацистов: кланяются до земли, дамам целуют ручки, как свиньи, ходят в дурацких униформах, словно аршин проглотили. А вы — человек моего круга. Пьете скотч, одеваетесь у того же лондонского портного, что и я, вашему рукопожатию я доверяю больше, чем любому нацистскому пакту, и хочу, чтобы мы подружились.

— И никаких приказаний?

— У вас есть приятели-евреи, — пожал плечами Хорст, — думаю, в Варшаве они у всех есть. Просто не выходите за рамки здравого смысла.

— А что там значит на де Монти в ваших досье? — спросил Крис.

— Дайте вспомнить. По паспорту вы — итальянского происхождения; мать у вас американка; мы уверены, что вы симпатизируете американцам, в итальянском посольстве вас считают никудышним фашистом, но тем не менее Италия аккредитовала вас своим корреспондентом во время событий в Абиссинии и в Испании. Вы достаточно осторожны, чтобы не писать комментарии и ограничиваться лишь сводками новостей. Это похвально. Что еще вы хотели бы узнать о себе?

— Провалиться мне на месте — ваша взяла! — стукнул Крис кулаком по столу.

— Мы друг друга понимаем, Крис.

— За дружбу, — улыбнулся Крис, поднимая стакан.

— Хороший тост.

Пришли две дамы. Как Хорст и обещал, самые красивые куртизанки Варшавы. Обе третъесортные киноактрисы, ходившие по рукам в узком кругу варшавского общества. У Криса в постели они уже побывали. С Хильдой, яркой блондинкой, у него была связь до того, как он встретил Дебору. Со второй... как же ее зовут... просто переспал, даже и связью нельзя считать... как же ее зовут... хоть убей — вылетело из головы.

Хорст фон Эпп, как принято, поцеловал дамочки ручки. "Да, — усмехнулся про себя Крис, — Хильда быстро улавливает, куда ветер дует, и тут же меняет хозяев. Интересно, знает ли фон Эпп, какая она потрепанная без косметики. Но кое-что в ней осталось, еще на одну войну хватит".

— Дружочек! — восторженно закричала Хильда, увидев Криса.

Прелестная Хильда — тело без души, слова без смысла. Ну, как он ляжет с ней или со второй, как там ее зовут, и прикажет своей настоящей любви молчать? Нет, уж лучше остаться одному.

— Я, пожалуй, смоюсь, — сказал он быстро по-итальянски фон Эппу. — Сделаю вид, что зашел не в гости, а по делу, а вам найти вместо меня хорошего немецкого офицера — раз плюнуть. Извинюсь и смотаю удочки.

— Ну что ж, как хотите, — ответил фон Эпп.

Крис потрепал Хильду по щеке, сказав, что, к сожалению, не может остаться, но в следующий раз... "Почему он сбежал? — подумал фон Эпп. — Видно, я не ошибся, что-то удерживает его в Варшаве. Уезжать он отсюда не хочет. Наверняка какая-нибудь еврейка. Если так — он у меня в руках".

Глава восьмая

Ирвин Розенблум открыл дверь Крису в самом что ни на есть домашнем виде. Спросонья он зевал, потягивался и, пытаясь запахнуть невообразимо ветхий халат, прошаркал в стоптанных шлепанцах к камину посмотреть на часы.

— Господи, — прищурился он, — время-то за полночь. Что-нибудь случилось?

Крис протянул ему кенкарту. Ирвин поднес ее к самому носу, но без очков все равно прочесть не смог — почти совсем не видел.

— Подождите, я возьму очки.

Он вернулся из спальни ошарашенный.

— Как вы это раздобыли? Я был уверен, что вы пришли попрощаться со мной.

Вошла мама-Розенблум в таком же страшном халате, как и у Ирвина.

— Плохие новости? — спросила она, поцеловав Крису в щеку.

— Нет, мама, хорошие. Крису разрешили не закрывать агентство, а мне — работать в нем.

— Но это же чудо!

Крис слишком хорошо ее знал, чтобы пытаться уговорить не делать ужина и не ставить чай. Он рассказал Ирвину, как провел день с Хорстом фон Эппом. Рози качал головой, глядя на кенкарту.

— Вы же у нас психолог, Рози. Что вы обо всем этом думаете?

— Начнем с того, что вы были аккредитованы итальянцами во время двух войн, вас ни разу не поймали на передаче репортажей в свободную прессу, но такой человек, как фон Эпп, наверняка знает, что вы передаете информацию кое-кому, кто может ею воспользоваться. Возможно, он хочет вас нейтрализовать. Ему известно, что вы — человек слова и не станете с ним хитрить.

— Я уже думал об этом, но, во-первых, почему он оставил меня здесь?

— Чтобы перетянуть на свою сторону и рано или поздно как-то использовать.

— Не исключено. Он устроил роскошный ужин, даже пытался ублажить Хильдой.

— У Хильды хороший нюх, — рассмеялся Рози. — Еще не отгремели бои, а старуха уже в немецком штабе. Итак, вы повеселились?

— Я сбежал.

— До или после?

— До.

— Вот это, пожалуй, было не слишком умно, Крис.

— Хильда в общем-то ничего, но... вы же знаете.

— А теперь знает еще и фон Эпп. С чего бы это свободному холостяку не провести вечерок с самой дорогой шлюхой в Варшаве? Ясно, что этот холостяк влюблен в кого-то. Тут и думать нечего.

Засвистел чайник. Мама-Розенблум позвала их на кухню. Еды на столе хватило бы на десятерых.

— Вы меня извините, я же не знала, что вы придете, у меня совсем нечем вас угостить, — сказала она.

— Надо бы поберечь продукты, мама Розенблум, — заметил Крис.

— Это капля из тех продуктов, что вы нам послали в прошлом месяце. Ничего с вами не будет, если я вас побалую. — И она вышла, понимая, что Крис с Ирвином хотят поговорить.

— Беда в том, что с такими людьми, как фон Эпп, никогда не знаешь, что у них на уме. Что собой представляет Шрекер и чего он хочет, всем известно. А вот фон Эпп вдвойне опасен.

— Кроме вас, о моих отношениях с Деборой никто не знает. Возможно, Андрей и Габриэла до-

гадываются, даже Бронский, может, кое-что подозревает, но знать — никто не знает.

— Вы только не поддавайтесь на мягкий тон фон Эппа. Он — нацист, и если что-нибудь узнает, начнет вас шантажировать и заставит делать для него все что угодно. И оставил он вас здесь, надеясь нащупать у вас слабое место, которое нужно только выявить. Избегайте попок с ним и, ради Бога, будьте осторожны, встречаясь с Деборой. Смените место встреч.

— Рози, я уже больше месяца не виделся с ней. Вы что, не понимаете, что я с ума схожу.

— Понимаю, Крис. И что вы постараетесь встретиться с ней, я тоже понимаю.

— Вы ее видели? — выдохнул Крис.

— Да. Она почти целый день работает в приюте на Повонзкой. И Сусанна вместе с ней.

— Она... спрашивала обо мне?

— Нет.

— Забавно, — Крис горько усмехнулся, — чертовски забавно. На тайные свидания я хожу с Паулем Бронским, передаю ему его деньги. Смешно, правда, Рози?

— Не очень. Теперь лучше делайте это через меня.

— Наверно, вы правы, Рози. Поговорите с ней. У нее в Кракове есть родственники, она может сказать, что едет к ним. Я там буду через несколько дней. У меня там...

— Крис, — перебил его Рози, — я вас люблю, как родного брата, но об этом меня не просите, — он взял Криса за руку.

— Что ж, буду ждать, — Крис отнял руку. — Теперь у меня есть время. Посмотрим, что будет.

— Выпейте чаю, а то мама расстроится.

Крис стал прихлебывать чай, чтобы успокоиться.

— Раз вы едете в Краков, так вы и Томпсона наверняка увидите. У него для нас пакет.

— Больше не просите меня передавать никакие пакеты, — резко сказал Крис.

— Я что-то не понимаю...

— Я связан с фон Эппом.

— Ах, так вы просто штрейхбрекер, предатель. Как же вы соглашаетесь передавать деньги Бронскому?

— Это совсем другое дело. Их переводят на счет агентства, все шито-крыто.

— А что мы делаем с деньгами от Томпсона? Кормим сирот. Это стало считаться преступлением?

— Роза, все эти бетарские штучки — ваше личное дело, я не хочу в них вмешиваться, знать об этом ничего не хочу.

Крис встал из-за стола. У Розы чесались руки порвать кенкарту и швырнуть ему в лицо, но он не мог себе этого позволить, она была слишком важна для них всех. Пока есть возможность, он должен продолжать служить в иностранном агентстве.

— Завтра утром встретимся в бюро, — сказал Крис.

— Спокойной ночи, шеф.

* * *

Крис плюхнулся на кровать и устался в одну точку. Нежные мелодии Шопена по польскому радио сменились резкой, грохочущей музыкой Вагнера. Крис выключил радио, подошел к окну. Дебора живет вон за тем углом. Что она сейчас делает? Причесывает Рахель? Рахель играет на рояле, а она отбивает такт? Помогает Стефану делать уроки? Нет, уже поздно, почти час ночи. Она с Паулем в постели. Он резко задернул за-

навески. Снова плюхнулся на кровать. Андрей! Вот с кем мы пропустим по рюмочке! Он повернулся на другой бок и положил руку на телефонную трубку. Нет, стоп. Андрей носит эту чертову повязку со звездой Давида. Ему нельзя заходить ни в гостиницы, ни в бары. Подумаешь, нельзя! Андрей может снять повязку. Они пойдут в какую-нибудь пивнушку, надерутся как следует. Да, но Андрей начнет кипятиться, поносить немецкую армию. Он снял руку с трубки. "Может, зря я не остался у фон Эппа, — подумал Крис. — Хильда вполне годится, чтобы провести с нею ночь. Фон Эпп — приятный собеседник. Встреть я его в любом другом месте земного шара, мы подружились бы. Разве этого недостаточно, чтобы верить человеку? Нет, фон Эппу верить нельзя. Что же ему все-таки известно обо мне? О матери он знает... У них, поди, заведено на меня толстое досье". Мысли унесли Криса в далекое прошлое.

* * *

В свое время Крис блестяще учился на журналистском факультете. Элин Бернс, старшекурсница с факультета прикладного искусства, совсем потеряла голову от этого красивого, стройного нападающего баскетбольной команды. Крис тоже увлекся ею. С Элин он мог говорить о таких вещах, о которых говорил только с учителями много лет назад. Она все понимала!

Когда Крис учился на старших курсах, он познакомился с Оскаром Пекорой, директором агентства "Швейцарские новости". Крис знал, что это маленькое агентство пользуется превосходной репутацией в журналистских кругах всего мира.

— Приступлю прямо к делу, — сказал Пекора.

— Мы открываем свои отделения в Америке. Нам нужны люди в Нью-Йорке и в Вашингтоне. Если вы знакомы со "Швейцарскими новостями", то знаете, что мы очень тщательно подбираем людей. Вы один из трех студентов в этой стране, которых мы хотим взять на стажировку и потом перевести в штат. По получении диплома поедете на стажировку в Женеву, чтобы избавиться от скверных навыков, которые вам привили в университете.

За три дня до получения диплома Крис и Элин поженились и через неделю отправились в Швейцарию. Большой идиллии нельзя было представить. Они любили друг друга так, как любят только в молодости да еще в сказочной стране со снежными горами и потрескивающими каминами. После стажировки Криса назначили, как и обещали, помощником редактора американского отделения. И Элин тянуло поскорей вернуться домой.

Став частью безликого легиона обитателей набитых, как улы, манхеттенских домов, Крис и Элин носились по театрам и вечеринкам, за ланчем хлестали мартини и тщательно оберегали свою любовь и независимость от внезапного появления ребенка. Крис себя чувствовал как рыба в воде. Элин скрывала от Криса как ей одиноко, когда он уезжает в Вашингтон. Так прошло полгода. Потом однажды его неожиданно вызвали на совещание в Денвер. В следующий раз она увязалась за ним в Вашингтон — оказалось, это еще хуже, чем оставаться в Нью-Йорке. Она ему мешала. Журналисту нужно быть свободным и не смотреть на часы, зная, что жена ждет в гостинице. Оскар Пекора подоспел вовремя.

— Вы — один из лучших наших молодых специалистов, Крис. Вам предоставляется редчайшая возможность заведовать отделением в Рио-де-Жанейро.

Рио! Меньше чем через год работы в "Швей-

царских новостях”! Крис был так счастлив, что Элин, как и подобает хорошей жене, скрыла свое огорчение, сложила вещи и поехала с ним. Крис стал своим человеком в барах, облюбованных журналистами, в кулуарах конгрессов, в кабинетах премьер-министров и вообще везде, где что-нибудь происходило. Когда речь шла о сборе материала, для него не существовало ни времени, ни расстояния. Элин завела себе двух котов, заботилась о них и целый день ходила по квартире в пижаме в ожидании Криса. Однажды она не выдержала, и он написал Пекоре, что по семейным обстоятельствам вынужден оставить отделение и хотел бы получить работу в Нью-Йорке. Пекора ответил, что понимает его, но просит задержаться месяца на полтора, пока они не подыщут замену. Крис предложил Элин вернуться в Штаты раньше него. Потом он получил от нее письмо, что она устроилась на работу в рекламное бюро. Что ж, Элин — слишком деятельная натура, чтобы сидеть в четырех стенах, и слишком тонкая, чтобы заниматься пустопорожней болтовней в женских клубах. Когда он вернулся в Нью-Йорк, они замечательно встретились. Оскар Пекора нашел ему постоянное место в нью-йоркском отделении. У него было достаточно помощников, чтобы лишь изредка ездить в Вашингтон. Теперь, казалось, все было, как в первые дни после свадьбы. А потом опять начались сцены из-за его разъездов по разным конференциям и совещаниям. Оба очень старались склеить разбитый сосуд, но между ними выросла стена постоянного отчуждения, оглядок и недомолвок. Они все больше и больше охладевали друг к другу. А потом, в один прекрасный день, вернувшись преждевременно из поездки, он узнал, что Элин ему изменила. Крис оставил ей записку с просьбой оформить развод как можно быстрее и спокойнее. Це-

лый месяц он старался приглушить терзавшую его боль, шатаясь по барам Англии и Европы, прежде чем отправился к Оскару Пекоре в Женеву, и тот направил его в Абиссинию.

Глава десятая

— Вы прекрасно работали в Абиссинии, Кристофер, проявили удивительную выдержку, — сказал ему Оскар Пекора. — Теперь ваш итальянский паспорт особенно пригодится. Я добился, чтобы вас аккредитовали испанские мятежники.

Кристофер де Монти отправился в Испанию, в логово фашистов, одержимый своей миссией. Это будет кульминацией всей его жизни. Там каждое слово, которое он напишет о свободе и истине, обретет реальное значение. Испания — это не Абиссиния, теперь мир прислушается!

Он прибыл в расположение франкистских сил как раз после взятия Малаги, и тут началась двойная жизнь. Легально Кристофер отправлял обычные сводки, которых ждут от опытного журналиста, а весь свой талант и красноречие вкладывал в репортажи, тайно переправляемые в свободный мир. Ловкий и смелый, он не раз рисковал жизнью, только бы передать материал за границу в "нейтральные" посольства, отправившиеся в добровольное изгнание во Францию. Кристофер де Монти тайно сообщил о прибытии миллионов тонн немецкого и итальянского оружия — пушек, танков, самолетов; о присоединении немецких и итальянских военных летчиков к франкистам; о том, что Германия и Италия используют Испанию как полигон; о зверствах марокканских орд; о том, что служители католической церкви в действительности на стороне республиканского правительства; он первым послал секретное до-

несение о том, что "неопознанные" подводные лодки, блокировавшие республиканские порты, принадлежали Италии; о том, что итальянский воздушный флот расстреливает женщин и детей в незащищенных городах. А потом он убедился, что его работа ничего не стоит перед мощью немецкой пропаганды. Надругательство над Испанией, это первое из величайших предательств нашего века, лишило его всяких иллюзий. Трусливые демократии прикрывались пустыми словами, договорами о невмешательстве и всевозможными эмбарго, больно бившими именно по тем странам, которые боролись за свое существование. Мир не хотел слушать того, что, рискуя жизнью, говорил ему Кристофер де Монти.

Оскар Пекора, пристально следивший за Крисом, в конце концов решил, что продолжать нелегальную передачу сведений из франкистского лагеря слишком опасно для жизни Криса, и на исходе 1938 года отозвал его из Испании. Кристофер де Монти покинул Испанию, окончательно утратив веру в человеческий род.

Глава одиннадцатая

— Думаю, вам пора возвращаться на работу, Кристофер.

— Какую, Оскар? Разве я могу оставаться журналистом после того, что увидел и пережил? Я усвоил, что истина — не истина, а всего лишь видимость, в которую людям хочется верить.

— Но вы будете ее искать, останетесь журналистом или станете шофером в Женеве. Не забывайте, что есть и порядочные люди, многие из них умеют слушать, им нужен Кристофер де Монти, который открыл бы им глаза. Вы не тот человек, который отвернется от людей, проиграв

битву. Ну, так как, Крис?

— По существу вы правы, — иронически усмехнулся Крис, — я ни на что другое, кроме журналистики, не гожусь, даже шофер из меня никудышный.

— Месяц назад я собрал сотрудников наших европейских отделений. Мы попытались разобраться, как пойдут события. А вы что об этом думаете?

— Италия себя в Испании показала, — пожал плечами Крис, — рано или поздно республиканское правительство падет. Франко уже победил. — Крис посмотрел на карту мира, висевшую позади стола. — Следующим будет Гитлер.

— Бергман из берлинского отделения тоже так считает. Что вы думаете о Варшаве? У нас там небольшое отделение.

— Что там, что в другом месте — какая разница. Согласен.

— Договорились. Езжайте в Польшу. Мы держим там внештатного корреспондента и время от времени пользуемся его услугами. Некий Ирвин Розенблюм.

— Он, кажется, еще и фотограф?

— Да. Хороший работник. Берите его в сотрудники и приступайте к делу. Только не затевайте ничего рискованного в Польше. По возможности, держите нас в курсе.

— Меня предупреждать не нужно, играми в полицейских и воров я сыт по горло. В Польше от них толку не больше, чем в Испании. Не беспокойтесь, Оскар, кроме обычных корреспонденций вы от меня ничего не получите.

”Дорогой Оскар,

Варшава оказалась прекрасным тонизирующим средством. Это маленький Париж. Ирвин Розенблюм — отличный малый. Хочу взять его на по-

стоянную работу. Отделение в порядке. Обычная рутина, никаких потрясений. На следующей неделе, надеюсь, мне установят прямую линию с Женевой, что значительно облегчит связь. Хотя я вполне обхожусь моим английским и французским, час в день все же занимаюсь польским. Вы не поверите, но я для развлечения тренирую несколько баскетбольных команд”.

* * *

Крис дал свисток и сказал Андрею Андровскому по-французски, а тот перевел на польский, что на сегодня тренировка окончена. Игроки недавно сформированной команды Седьмого уланского полка поблагодарили тренера и вышли из спортивного зала Цитадели.

Андрей, капитан команды, еще с полчаса потренировался с Крисом. Ему ужасно хотелось научиться так же ловко вести мяч и попадать в корзину, как Крис. Тот показал ему, как пасовать мяч, стоя на защите, как, делая вид, что пасуешь одному игроку, перепасовывать мяч другому.

Закончив тренироваться, взмокшие и усталые, они присели отдохнуть.

— Я совсем вымотался, — Крис обтер лицо полотенцем и закурил, — давно не играл.

— Сигареты у вас скверные, — сказал Андрей. — Из-за них тяжело дышать. Прекрасная игра. Я и не знал, что в ней есть всякие тонкости. Но что мне делать с этими остолопами, куда им до тонкостей!

— Научатся! К концу сезона станут первоклассными игроками. Ну, теперь в душ! — Крис хлопнул Андрея по колену.

— Я, пожалуй, еще потренируюсь, — сказал Андрей. — Кстати, что вы делаете сегодня вечером?

— У меня нет никаких планов.

— Прекрасно. Мой полковник уступил мне на сегодня свою ложу в опере. Дают "Богему".

Опера! Слово это ласкает слух. В последние годы Крис так редко слушал музыку.

— Поужинаете со мной и с Габриэлой, потом заедем за моей сестрой. Сестра бы поужинала с нами, но она хочет взять с собой детей, а у ее дочки поздно кончается урок музыки.

— Я не знал, что у вас есть замужняя сестра.

— Одна-единственная.

— Семейный вечер? Не буду ли я лишним? — усомнился Крис.

— Ерунда. Ее муж уехал в Копенгаген на медицинскую конференцию, и дети будут в восторге: настоящий итальянец поговорит с ними об опере. Значит, договорились. В шесть часов у Габриэлы.

* * *

— Знакомьтесь: моя сестра Дебора Бронская. Моя племянница Рахель, а этот шмендрик — мой племянник Стефан.

— Очень приятно, господин де Монти.

— Называйте меня, пожалуйста, просто Крис.

Никогда еще Крис не испытывал такого странного, даже пугающего ощущения. Уже когда он шел от машины к дому, он что-то почувствовал, а когда впервые посмотрел Деборе в глаза, она поняла, что он прочел в них печаль и разочарование.

Господи, какая красавица!

Крис был человеком искушенным и слишком рассудительным, чтобы вдруг потерять голову. Но тут его уравновешенность как ветром сдуло. Такого он в жизни не испытывал, даже с Элин.

Во время спектакля каждый из них чувствовал присутствие другого, и от этого обоим было не

по себе. Быстрые взгляды украдкой, первое случайное прикосновение рук, электрический ток по всему телу, и уже не совсем случайное прикосновение...

Во втором антракте Крис и Дебора очутились в стороне от остальных. Они не видели роскоши и пышности вокруг, они молча смотрели друг на друга, и у Деборы не было ни кровинки в лице.

Прозвенел звонок. Публика начала расходиться по своим местам, и Дебора, вдруг опомнившись, отвернулась. Крис машинально взял ее за локоть.

— Я должен с вами встретиться, — проговорил он, — пожалуйста, позвоните мне в бюро "Швейцарские новости" в гостиницу "Бристоль".

Андрей крикнул им с другого конца фойе, чтобы они поторопились.

Прошло четыре дня. Крис вздрагивал при каждом телефонном звонке. Потом начал смиряться с мыслью, что Дебора ему не позвонит, да и просил он зря: чего можно ждать от флирта? Но это не был флирт, с первой же минуты началось что-то очень серьезное. Даже понимая, что она не позвонит, он не мог отделаться от этого странного чувства.

— Алло...

— Агентство "Швейцарские новости"?

— Да.

— Кристофер де Монти?

— Слушаю.

— Говорит Дебора Бронская, — рука Криса на трубке взмокла. — Я буду в час дня в Саксонском саду у скамеек возле озера с лебедями.

Оба были скованы, смущены, испытывали неловкость и чувство вины, когда очутились на скамейке друг возле друга.

— Я себе кажусь круглой душой, — сказала Дебора. — Порядочная замужняя женщина, со мной никогда ничего подобного не случилось, и я хо-

чу, чтобы вы об этом знали.

— Все так удивительно...

— Прикидываться не стану, я хотела увидеть вас снова, сама не понимаю, почему.

— А я думаю, мы с вами — два магнита из какого-то необыкновенного металла, и поэтому меня неудержимо тянуло в Варшаву.

Наступило неловкое молчание; они тщетно пытались зацепиться за какую-нибудь разумную мысль.

— Давайте пройдемся, — сказал Крис, — поговорим.

* * *

В ту ночь она не спала, а потом встретила с ним снова и снова не спала. До тех пор Дебора и не подозревала о существовании всяких мелочей, превращающих роман в чудо, когда один человек открывает для себя другого. И теперь на нее вдруг свалилось это чудо из чудес. Она узнала чувства, о которых и представления не имела. Прикосновение руки, словесные дуэли с мелкими уколами, мгновенные обиды и прощения. Терзания ревности. И какого замечательного цвета у него глаза, как красиво падают волосы на лоб, какие сильные руки, какое выразительное лицо, какая свободная манера держаться! И как мучительно, когда его нет рядом. Первый поцелуй. Она не знала, что такое поцелуй!

— Дебора, я тебя люблю.

Каждый раз — новое открытие; с ней ничего подобного еще не бывало.

— Крис, я, может, не знаю, что такое любовь, но я точно знаю, что, встречаясь с тобой, поступаю дурно и что до добра эти встречи не доведут. И еще я точно знаю, что хочу с тобой встречаться, а там — хоть трава не расти. По-

тому что... без тебя жизнь становится невыносимой. Это и есть любовь, Крис?

Глава двенадцатая

Из дневника

Сегодня у меня родился сын. Сусанна Геллер и доктор Глезер из нашего приюта принимали роды, которые прошли легко, хотя Сильвии уже сорок лет. На людях я выказываю радость, но на душе кошки скребут. Не время сейчас рождаться еврейскому ребенку.

Александр Брандель

Несмотря на то, что обряд проходил нелегально и скромно, радость бетарцев была ключом. Моисей Брандель для того и родился, чтобы стать их любимцем, и они очень хотели устроить пир горой по случаю брит-мила³⁶.

Толек Альтерман снял с работ на ферме тридцать парней и девушек и привез их в Варшаву, нагрузив каждого изрядным количеством продуктов. Мама-Розенблюм взялась приготовить традиционные блюда. Молитву должен был читать сам рабби Соломон.

Церемония состоялась рядом с домом Алекса на Тломацкой, в Клубе писателей, который "Общество попечителей сирот и взаимопомощи" арендовало якобы под свои конторы.

Моисея Бранделя, младенца восьми дней от роду, передавали на вышитой бархатной подушечке по рукам сначала родственникам, потом всем бетарцам и наконец "посаженому отцу" — Андрею Андровскому.

Так же, как в древние времена, когда Авраам

обрезал сына своего Исаака в знак союза с Богом, точно так же мазл³⁷ Финкельштейн обрезал Моисея Бранделя. И сделал это обрезание, возможно, даже лучше, чем все предыдущие, а делал он их не менее двух тысяч раз.

Маленький Моисей пронзительно закричал, а рабби Соломон начал нараспев читать молитву.

Когда все кончилось, младенца унесли к матери, а у взрослых началось веселье. "Мазл тов! Мазл тов! Мазл тов!"³⁸ — несло со всех сторон. Потом пошли тосты, песни, танцы. Стали плясать хору³⁹. Гордого отца вытащили на середину круга, и юные бетарки по очереди отплясывали с ним, а остальные в такт прихлопывали и притоптывали. Наконец, едва дыша, Брандель выбрался из круга. Ирвин Розенблюм и Андрей, подхватив его под мышки, отвели в боковую комнату, где он плюхнулся на стул, обмахиваясь и обтирая пот с лица.

— Почему евреи устраивают такой тарарам из рождения сына? — спросил он.

— наших ребят так долго держат в напряжении, что они вот-вот лопнут, — сказал Рози, — а этот праздник — разрядка для всех.

— Верно! — пророкотал Андрей. — Как себя чувствует новоиспеченный отец?

— В моем возрасте обзавестись сыном — неожиданный выигрыш, — посмотрел Алекс грустно на Андрея, потом на Ирвина.

Вокруг стоял веселый шум, но все трое ни на минуту не забывали о страшной действительности. Даже в разгар праздника Алекс не мог отвлечься от мыслей о происходящем.

— Новые приказы читали? — спросил он.

Они кивнули.

— Так что пусть повеселятся сегодня.

— Ты тоже хоть бы на вечерок отвлекся, Алекс, — сказал Андрей.

— Я вот что надумал. Теперь я все время сижу в штабе, на Милой, 18. Сильвия, как только поправится, снова начнет работать в приюте. Думаю, мы съедем с нашей квартиры и переберемся на Милую, 18. Сусанна Геллер сказала, что и она переезжает. Малышам спокойнее, если мы рядом. Под диспансер и под конторы занят только первый этаж. В остальных комнатах можно поселить детей, и тогда мы сможем принять еще человек шестьдесят-семьдесят.

— И я перееду, если удастся уговорить маму, — сказал Ирвин.

— Нет, пока есть возможность работать в иностранном агентстве, тебе лучше не афишировать связь с нами.

Алекс украдкой посмотрел на Андрея: вот кто поднял бы дух на Милой, 18.

— А чем у вас занят подвал? — спросил Андрей.

— Там склад.

— А подумали вы насчет подпольной типографии?

В последние недели Андрей держался прекрасно, проявлял большую выдержку, но что будет, когда дела пойдут еще хуже? — подумал Алекс. Анна Гриншпан начала выпускать в Кракове еженедельный бюллетень. Алекс на это идти не хотел: если обнаружат подпольную типографию — прощай "Общество попечителей сирот и взаимопомощи".

— Андрей, я помогу тебе создать типографию, но только не на Милой, 18.

— Значит, я тебе там не нужен?

— Пошли в танцевальный зал, — поспешил вмешаться Ирвин.

* * *

Кто оказался на брит-миле Моисея Бранделя совсем забытым, так это его шестнадцатилетний

брат Вольф. Вид у него был ужасно растерянный, и когда ему говорили "Мазл тов!", он не понимал, с чем его поздравляют: с тем, что все заняты младенцем, а на него не обращают никакого внимания? Но еще больше его смущало, что он вдруг стал братом. Вольф и вообще-то был застенчивым, а тут он и вовсе подпирал стену, глядя, как другие танцуют. Рахель наблюдала за ним все время, пока играла на рояле. "Бедный Вольф, — подумала она, — стоит, как неприкаянный".

— Потанцуем? — спросила она, когда мама смеялась за роялем.

— Не-е-е...

— Пошли, пошли.

— Неохота. Я сбиваюсь с такта.

В это время по залу словно прошел ток: появился скрипач Эммануил Гольдман, и объявили, что он будет играть.

Он уже давно не давал концертов, и руки уже были не те, да и техника стала пропадать, но обаяние истинного виртуоза осталось. Хотя он давно уже не выступал, для сегодняшнего праздника он сделал исключение. Зал замер, когда он заиграл.

Рахель вышла на балкон, где, засунув руки в карманы, одиноко стоял Вольф и смотрел на Гломацкую синагогу.

— Ты не хочешь послушать Эммануила Гольдмана? — спросила она.

— Отсюда тоже хорошо слышно.

Она подошла ближе, и он в смущении шагнул в сторону, так и не обернувшись к ней.

— Что с тобой, Вольф? Я никогда не видела тебя таким мрачным. Что тебя так расстраивает?

— Ну, наверное, все вместе взятое, — пожал он плечами и обернулся, — но особенно положение в последнее время: эта повязка, — он до-

тронулся до звезды Давида на рукаве, — в школу ходить нельзя... Ты еще берешь уроки музыки?

— Мама теперь сама со мной занимается. Я много упражняюсь, когда не работаю в приюте. А у тебя как с флейтой?

— Бросил. Да мне она никогда и не нравилась.

— Так зачем же ты начинал?

— Чтобы маме доставить удовольствие. И еще... Я всегда ждал вторника, чтобы посидеть с тобой в парке после урока.

— И мне нравилось сидеть с тобой в парке, — произнесла она тихо.

— Ну, тебе-то что, ты обо мне быстро забудешь.

— Почему ты так говоришь?

— А ты посмотри на меня. С каждым днем у меня становится все более дурацкий вид.

— Ничего подобного, Вольф. Ты просто взрослеешь. Ты будешь очень красивым.

— Я хотел бы зайти к твоему брату, — пожал он плечами, — я знаю, что и ты, и твоя мама занимаетесь с ним, но ему нужен старший товарищ, мужская рука, кто-нибудь, к кому бы он мог обратиться с разными вопросами. Я могу научить его играть в шахматы и вообще...

— Прекрасно. Стефану на самом деле нужен старший товарищ. Дядя Андрей бывает у нас нечасто, папа возвращается поздно...

— Ладно, я зайду. Послушай, Рахель...

— Что?

— Как ты думаешь, что, если... я хочу сказать... тут у всех такая радость, все целуются друг с другом, так я подумал... а ты как считаешь, может, нам тоже, просто в честь маленького Моисея...

— Не знаю, наверное, раз все радуются, правда?

Он клюнул ее в щеку и тут же отскочил.

— Ерунда, — сказал он, — это не настоящий поцелуй. Ты когда-нибудь по-настоящему целовалась?

— Один раз, — ответила она.

— Понравилось?

— Не очень. Да и он мне не нравился, просто хотела узнать, что такое целоваться. Ничего особенного. А ты когда-нибудь по-настоящему целовался?

— Много раз, — бросил он небрежно.

— Ну и как?

— Сама же знаешь. По мне, что целоваться, что нет, — все едино.

Они долго смотрели друг на друга, и дыхание их стало прерывистым. Из зала донесся взрыв аплодисментов и вызовы на бис. Затем все снова стихло — Гольдман начал играть сонату Бетховена.

— Пойдем в зал? — сказала Рахель, испуганная незнакомыми ощущениями.

— А можно... по-настоящему?

От страха она не смогла выговорить ни слова и кивнула, закрыв глаза и подняв подбородок. Вольф выпрямился, слегка наклонился и коснулся губами ее губ. Потом потупился и засунул руки в карманы.

— Как хорошо! — сказала Рахель. — Совсем не так, как в тот раз.

— Можно еще?

— Наверное, не надо... Ну, ладно, еще один раз.

На этот раз Вольф нежно привлек ее к себе, и стало даже еще лучше. Она обняла его и не отпускала от себя, и это было замечательно.

— О, Вольф, — прошептала она.

Она оторвалась от него и решительно пошла к дверям.

— Рахель!

- Что?
- Мы скоро увидимся?
- Да, — сказала она и вбежала в зал.

Глава тринадцатая

Пауль Бронский работал и дома. Провести перепись оказалось не так-то просто. Творилось что-то дикое. Люди шли на всякие ухищрения, чтобы раздобыть "арийскую" кенкарту, без пометки "еврей". Многие пытались за деньги выехать из страны, словом, перепись продвигалась с трудом. Еврейский Совет зарегистрировал триста шестьдесят тысяч евреев.

Поступали все новые приказы, заедала текущая работа, и Пауль задерживался допоздна каждый день. Дебора работала в приюте, вечером занималась с Рахель и Стефаном и отрывалась лишь для того, чтобы приготовить Паулю чай.

Войдя в кабинет, она застала его за столом. Бледный, глаза красные от перенапряжения.

— Ты себя плохо чувствуешь? — спросила она.

— Просто устал. Кутья болит. Реагирует на плохую погоду.

— Прими что-нибудь.

— Не хочу привыкать к болеутоляющим.

— Ты слишком много работаешь. Может, съездить куда-нибудь на несколько дней? Возьми разрешение...

— Если бы я мог! Мои служебные обязанности отнимают все время.

— Я целый день в приюте, а вечером занимаюсь с детьми, — она села на стол. Он улыбнулся и отодвинул бумаги. — Но я выкрою час-другой за счет приюта, хоть там и не хватает людей.

— Не нужно, — сказал Пауль, — я все равно не могу приходить домой раньше, а кроме того,

это производит хорошее впечатление, когда жена члена Еврейского Совета добровольно работает в приюте "Общества попечителей сирот и взаимопомощи".

Дебору покорило. Пауль относился со всей ответственностью к своему новому назначению, но по-прежнему думал как карьерист, по-прежнему смотрел на все со своей обычной колокольни.

— Когда же этому придет конец? — грустно сказала Дебора. — Раньше я, как дура, считала, что хуже быть не может.

— Конечно, никто не знает точно, что задумали немцы. Но и они не могут зайти чересчур далеко. И так уже дальше некуда. Я сегодня видел Криса, — неожиданно сменил он тему разговора.

— А...

— Ему удалось перевести почти все наши деньги в американские банки. Вот тебе и парадокс: мы все время богатеем, — иронически рассмеялся Пауль.

— Как поживает Крис? — спросила она как бы между прочим, с трудом скрывая волнение.

— Очень хорошо. Не знаю, разрешат ли ему оставаться здесь. Сусанна Геллер говорит, что Ирвин Розенблюм боится, что "Швейцарские новости" закроют. Крис, кажется, очень сошелся с этим фон Эппом. "Швейцарские новости", разумеется, хотят, чтобы Крис работал здесь, пока немцы разрешают. Кстати, мы с ним решили для нашей же пользы не встречаться, разве только в случае крайней необходимости. Незачем привлекать внимание немцев к нашим делам, да и как бы связь со мной не повредила его положению здесь. К счастью, нам не нужны деньги, а если и понадобятся, всегда можно устроить через Розенблюма.

— Да, — сказала Дебора, — в этом есть резон.

— Дорогая, — продолжал Пауль, — хочу с тобой

поговорить о том, что ты посылаешь Стефана на уроки к рабби Соломону. Я понимаю твои мотивы, но должен тебе сказать, что это опасно.

— Для кого? — Деборину мягкость как рукой сняло.

— Для самого ребенка.

— А ты подумал о том, какое потрясение ему пришлось пережить за последние несколько месяцев?

— Безусловно, но нужно же быть благоразумной, Дебора. Нам так повезло, мы избавлены от тех ужасов, которые творятся в Варшаве.

— Ах, вот ты о чем! О сохранении нашего привилегированного положения.

— А ты когда-нибудь думала о том, что с нами будет, если меня вышвырнут из Еврейского Совета? И никакого преступления в том, что я хочу защитить свою семью, нет.

— Нашего сына преследуют и унижают потому, что он — еврей, — сказала Дебора, которую Пауль еще никогда не видел столь решительной. — Ему нужна моральная поддержка, чтобы перенести все это. Нельзя, чтобы он продирался через все это один, не понимая, что это значит — еврей.

Дебора хотела еще многое сказать, объяснить Паулю. Дать понять, что ему, как отцу еврейского семейства, следовало бы самому начать учить сына, как это сделали сотни других отцов, когда закрыли хедеры, но она промолчала. Она и так говорила с ним таким категоричным тоном, какого он от нее никогда не слышал, а он устал и растерялся, и она не хотела причинять ему боль.

Позвонили в дверь. Пауль пошел открывать. Это оказался Вольф Брандель, который смущенно переминался с ноги на ногу.

— Добрый вечер, — сказал он, краснея.

— Добрый вечер, — улыбнулся Пауль, стараясь

развеять тягостную атмосферу. — Ты к Стефану или к Рахель?

— К Рахель, то есть к Стефану.

— Я проведу тебя к обоим, но за это за тобой партия в шахматы.

”Ах ты черт, — подумал Вольф, — Бронский — сильный игрок, выиграть у него займет время”. Но его тут же осенило: нужно сдаться, тогда он убьет двух зайцев сразу — угодит доктору Бронскому и поскорее увидит Рахель.

Глава четырнадцатая

Из дневника

Опять новость. Мало нам было волнений, так теперь еще и штурмбанфюрер Зигхольд Штутце на нашу голову свалился. Звание у него невысокое, всего лишь майор СС, но власть, видимо, большая.

Он прибыл из Люблина с группой солдат СС, считающихся ”специалистами по еврейскому вопросу”. Он — австриец, как Глобочник и Гитлер. Нам ясно, кстати, что настоящий хозяин Польши — Глобочник, а не генерал-губернатор Ганс Франк. А настоящим хозяином Варшавы, видимо, окажется не Шрекер, а Штутце. Если Рудольф Шрекер — просто тупоголовый хам, то Штутце — воплощение патологической жестокости. Он маленького роста — отсюда наполеоновский комплекс; к тому же он прихрамывает. Отсюда, наверное, его садистские наклонности — он наслаждается, причиняя страдания другим. Мы все очень встревожены.

Александр Брандель

Хотя религиозное обучение запрещалось, на деле это означало, что оно проводилось тайно, как во все времена на протяжении еврейской истории.

Стефан Бронский был как раз в том возрасте, когда дети отличаются особой впечатлительностью. После совершенно тепличной жизни занятия у рабби Соломона превратились для него в мир чудесных открытий. Ему нравилось, что он ходит на них тайно, его завораживал странный, загадочный ивритский шрифт, он испытывал священный трепет перед мудростью рабби. По мере того, как он узнавал двухтысячелетнюю историю преследований, в его душе наступало прояснение.

В классе было еще шесть мальчиков. Занимались они в подвале того дома, где жил рабби Соломон. Разговаривали шепотом. Кругом лежали вынесенные из синагоги свитки Торы, множество книг, менора⁴⁰...

Мальчики учили древние еврейские молитвы, изречения мудрецов и готовились к бар-мицве. Старик ходил между ними, слушал, как они молятся, одного гладил по голове, другого дергал за ухо, чтоб не отставал. Хоть и старенький, а не проведешь — словно у него сзади тоже есть глаза и уши.

Стефан попросился выйти из класса, встал и... замер! Они стояли в дверях, три нациста в черной форме — впереди майор Зигхольд Штутце, за ним — двое остальных.

— Рабби! — закричал Стефан.

Дети похолодели от ужаса.

— Так-так! — Зигхольд Штутце, прихрамывая, вошел в комнату. — Что это мы тут делаем?

Дети, дрожа от страха, спрятались за спину рабби. Одного стошнило. Только Стефан стоял

впереди старика. Глаза его горели, и он был очень похож в этот момент на своего дядю Андрея.

Штутце отшвырнул Стефана, пытавшегося защитить рабби, схватил старика за бороду и повалил на пол. Снял с пояса нож и, усевшись на лежащего старика, отрезал ему пейсы.

Другие двое нацистов хохотали: они обошли помещение, пошвыряли книги на пол, опрокинули столы, растоптали предметы синагогального обихода.

— Неплохой костер получится, а? — Штутце внимательно огляделся. — Где-то здесь они лежат, — он подошел к занавеске. — Может быть, здесь?

— Нет! — крикнул рабби.

— Ага! — Штутце отдернул занавеску, за которой лежали свитки Торы.

— Нет! — снова закричал рабби.

Штутце отстегнул застёжки, сорвал бархатный чехол и вынул свитки.

— Вот она, моя добыча.

Рабби подполз к нацисту и, обняв его ноги, молил не трогать свитки. Штутце пнул старика сапогом в бок и помахал Торой перед его носом. Рабби Соломон начал молиться.

— Я знаю, что старые евреи готовы умереть за это барахло, — рассмеялся Штутце, а за ним и его подчиненные.

— Убейте меня, но не трогайте Тору!

— Ну-с, позабавимся. Эй вы, мальчишки! К стенке! И руки за голову.

Мальчишки повиновались. Штутце бросил Тору на пол. Рабби Соломон быстро подполз к ней и прикрыл своим телом.

— Давай, старый еврей, пляши перед нами, — Штутце вынул пистолет и подошел к мальчишкам. — Пляши на Торе.

— Убейте меня.

Австриец зарядил пистолет и приставил к затылку Стефана.

— Я тебя не убью, старый еврей. Ну-ка, посмотрим, сколько мальчишек придется пристрелить, прежде чем ты запляшешь.

— Не танцуйте, рабби! — крикнул Стефан.

— Когда в прошлые разы я играл в эту игру, — задохнулся от ярости Штутце, — случалось убивать двоих-троих, прежде чем начинались пляски.

Старик встал на колени и что-то невнятно простонал.

— Давай, давай, старый еврей, пляши перед нами.

По щекам старика катились слезы. Он стал ногами на Тору и начал изображать что-то странное, вроде медленного танца.

— Быстрее, старый еврей, быстрее, вытирай об нее ноги! Помочись на нее!

Воспользовавшись тем, что нацисты корчились от хохота, Стефан бросился вон.

Глава пятнадцатая

Из дневника

С тех пор, как штурмбанфюрер Зигхольд Штутце почтил нас своим постоянным присутствием, не стало ни минуты покоя. Он называет свои части СС "Рейнхардским корпусом" — в честь Рейнхарда Гейдриха, командующего войсками СС в Берлине. Отсюда нам ясно устройство командной цепочки: Гитлер — Гиммлер — Гейдрих — Глобочник и в Варшаве — Штутце. На последней еженедельной встрече с Эммануилом Гольдманом, Давидом Зембой и Шимоном Эденом я получил от них кучу записей для моего дневника.

”Рейнхардский корпус” ворвался на грузовиках в северную часть еврейского района и подчистую вывез товары из всех магазинов и складов. Солдаты этого корпуса ходят по домам и забирают все, что попадает под руку: одежду, кастрюли, чашки, лампы, книги (книги они сжигают), подушки, одеяла. Они опустошили продовольственные и другие склады Американского фонда, в котором работает Земба. Поэтому у нас получилась такая нехватка продуктов и лекарств, и теперь все, что нагребил Штутце, доктор Кениг продает нам в шесть раз дороже.

Эммануил Гольдман говорит, что из-за нехватки топлива зимой свирепствовала пневмония. А еще он сообщил, что по приказу Штутце со вчерашнего дня опять урезаны продуктовые нормы.

Чтобы не отстать от ”Рейнхардского корпуса”, Рудольф Шрекер на вербовал сотни громил из Солца, собрал даже банду подростков и студентов, и теперь они рыщут по еврейским кварталам, бросают камни в витрины, избивают на улицах ортодоксальных евреев и грабят все подряд. Разумеется, ни один поляк не понесет наказания. Полякам обещано особое вознаграждение за донос на евреев, раздобывших себе ”арийскую” кенкарту.

Сожгли дотла синагогу рабби Соломона после того, как Штутце застал его в подвале во время занятий с учениками. (Я готов поклясться, что сын Бронского посещал эти занятия. А может, и нет. Во всяком случае, среди отправленных в Павяк его не видели.) Синагогальная община рабби Соломона заплатила штраф в двадцать тысяч злотых за детей, чтобы их выпустили, и за бензин, который потребовался, чтобы сжечь оскверненную синагогу. Половину штрафа Американский фонд, где работает Земба, заплатил долларами.

Подростков из нашего приюта на Повонзкой и из десятков других приютов обязали сдать кровь

для немецкой армии. Интересно, знает ли Гитлер, что его арийцам переливают нечистую кровь?

Шимон Эден рассказывает, что увеличился спрос на яды. Чуть ли не каждый носит при себе ампулу — на всякий случай.

Уже несколько ночей подряд никому не удается поспать больше двух-трех часов: свистки, стрельба, топот — какой уж тут сон! Из ночи в ночь только и слышно: "Юден, раус" — "Евреи, выходите!". Если бы раздавали призы за изощренность жестокостей, победителем вышел бы наверняка "Рейнхардский корпус" Штутце. Его молодчики заставляют старых религиозных евреев под дулами пистолетов чистить тротуары, плясать голыми, таскать булыжники, бить друг друга галошами, накладывать в штаны. Но что бы ни заставляли евреев делать, я ими горжусь. Они продолжают носить бороду и пейсы, ходят с гордо поднятой головой, хотя сам их вид навлекает на них опасность. Этих людей из породы рабби Соломона нельзя не уважать, и нам, сионистам, есть чему у них поучиться.

Завидуя Штутце и все время стараясь от него не отстать, Шрекер выпустил из сумасшедшего дома этническую немку Грету. У нее патологическая ненависть к евреям. Ей разрешено разгуливать по северным кварталам с обрезком свинцовой трубы в руках.

Александр Брандель

Глава шестнадцатая

Из дневника

С каждым днем все больше проясняются немецкие планы. Краковская газета не перестает тру-

бить о "резервациях для евреев" — так они образно называют гетто.

Усилились слухи о том, что евреев из Австрии, Чехословакии и Германии вышлют в Польшу.

Разговоры о "резервациях" велись не зря. Вчера в Лодзи официально создано гетто. Хаим Рамковский назначен председателем Совета старейшин. Анна Гриншпан сейчас там, выясняет, нельзя ли у них устроить "Дом взаимопомощи", как у нас на Милой, 18. В Лодзи приблизительно двести тысяч евреев.

Вчера на нашей еженедельной встрече Гольдман сказал, что, по его мнению, мы подошли к переломному моменту. Он считает, что до сих пор все бесчинства творились, чтобы сломить нас, а теперь, когда прибыл еще один нацистский начальник, оберфюрер Альфред Функ, все и начнется, потому что Функ осуществляет прямую связь между Берлином и Глобочником из Люблина и у него, несомненно, полно сюрпризов, уготованных нам новой немецкой политикой.

Александр Брандель

** * **

Бригадный генерал СС Альфред Функ, молодой голубоглазый и белокурый ариец из тех, которыми гордится Гитлер, был человеком умным и образованным — такие преуспевают на любом поприще. К тому же, не в пример солдафону Рудольфу Шрекеру, Францу Кенигу, психопату Зигхольду Штутце и циничному бездельнику Хорсту фон Эппу, на него можно было положиться.

Как и фон Эпп, он считал, что победный марш нацизма остановить нельзя, но, в отличие от фон Эппа, верил, что Гитлер поведет немецкий народ к небывалым высотам, и вместе с большин-

ством своих соотечественников добровольно присоединился к этому походу "ради достижения великой цели". Немецкую традицию беспрекословного подчинения начальству он воспринимал как должное, стремился стать важной, влиятельной персоной и добился своего. Сначала ему претили нацистские методы, но вскоре он понял, что жесткая политика концентрационных лагерей, попрания гражданских свобод и уничтожения любой оппозиции очищает путь к великой Германии. И эту политику он начал проводить в жизнь сознательно, не брезгуя никакими средствами — лишь бы достигнуть цели.

Альфред Функ безусловно обладал твердым характером и умел подчинять своей воле других. Как только из отдела 4Б гестапо в Берлине от Гейдриха и Эйхмана поступили основные наброски общего плана, оберфюреру Функу сразу же поручили установить секретную связь с Глобочником в Люблине.

Когда Эммануила Гольдмана вызвали в ратушу к оберфюреру, он уже догадывался о полномочиях Функа в Варшаве.

— Мы озабочены отсутствием у евреев гигиенических навыков, — спокойно сказал Функ. — У вас в домах полно вшей, а они — разносчики тифа.

"Да, Функ выбрал интересную тактику", — подумал про себя Гольдман, а вслух сказал:

— Я не врач, как, например, знаменитый доктор Франц Кениг, но вшивость у нас появилась потому, что с введением ваших порядков мы лишены самых необходимых предметов гигиены.

Функ пристально посмотрел на Гольдмана, но упрямый старик и глазом не моргнул.

— Данные наших исследований, — взял со стола бумагу Функ, — показывают обратное. Не секрет, что евреи грязнули. Взгляните на этих бородастых. Где вшам и заводиться, если не у них.

— Раньше они у них не заводились.

— А теперь заводятся, верно ведь, Гольдман? Итак, Гольдман, я хочу, чтобы ваш Еврейский Совет помог нам позаботиться о жителях Варшавы. Пусть ваше "Общество попечителей сирот и взаимопомощи" откроет санитарные пункты по борьбе со вшивостью. Каждый еврей, пройдя санобработку, получит справку, которую и нужно будет предъявлять для получения продовольственных талонов. Мы же устроим тщательные проверки в домах, чтобы избавиться от этой напасти.

"То есть, под видом проверок твои люди устроят грабежи", — подумал Гольдман.

— А чтобы бороться с таким положением, которое сложилось в Варшаве из-за евреев, мы объявим в некоторых районах города карантин.

"Вот оно, начинается", — понял Гольдман.

— За две недели все евреи должны перебраться в районы, где будет объявлен карантин, иначе их ждет смертная казнь.

Функ показал старику карту Варшавы, лежавшую на столе. Черной линией был обведен район от железнодорожного моста на севере ниже Жолибожа до Иерусалимских аллей на юге. Восточная граница шла зигзагами по другую сторону Саксонского парка и западная — приблизительно на уровне еврейского и католического кладбищ. Функ смотрел на Гольдмана. Ну какой смысл спорить с немцем?

— Гольдман, — продолжал Функ, — согласитесь, мы воюем с евреями...

— Не могу не согласиться.

— ... и, следовательно, еврейскую собственность — личную и всякую другую — считаем законными военными трофеями. Поэтому, когда все евреи до единого переедут в соответствующие районы, вы начнете опись всего их имущества. Я

назначил доктора Кенига архивариусом и хранителем еврейского имущества. В опись должны быть включены банковские счета, драгоценности, меха и так далее.

”Сильно же Кениг пошел в гору!”

— И последнее, Гольдман. Поскольку евреи подвергают нас всякого рода опасностям, нарушая наши приказы, мы наложили на них штраф в триста тысяч злотых. Мы заключили в Павяк пятьдесят заложников, чтобы обеспечить уплату штрафа не позднее чем через неделю. Вашему Еврейскому Совету надлежит собрать деньги. Набросайте черновик приказов касательно всего, что мы здесь обговорили, и завтра принесите мне на проверку.

Вернувшись в Еврейский Совет на Гжибовскую, 28, Гольдман немедленно собрал правление. Когда он изложил свой разговор с оберфюрером Альфредом Функом, все семеро членов правления стали белыми, как мел.

— Приказ о карантине — не что иное, как ширма для создания гетто. Если мы соберем деньги на уплату этого огромного штрафа, последуют другие штрафы. Относительно описи имущества. Я не должен вам объяснять, что самая страшная часть их общего плана состоит в том, чтобы заставить нас самих издавать приказы. Дальше. Все мы считали, что, войдя в состав Еврейского Совета, сможем принести какую-то пользу еврейской общине, стать буфером между евреями и немцами, а они превратили Еврейский Совет в свое орудие.

В воздухе повис страх. Сообразив, какой трюк придумали немцы, каждый понял, что настал момент заглянуть в самую глубину своей души и подумать, хватит ли у него мужества. Пока они выполняли приказы немцев, и они сами, и их семьи были вне опасности, а неподчинение грозит им немедленной гибелью. Стоит ли их дело того,

чтобы умирать? Эммануил Гольдман, их председатель, считал, что стоит.

Один за другим они раскрывали свою суть. Вайс, бывший кадровый офицер, считавший себя в общем-то поляком, настолько он был ассимилирован, пришел в ярость.

— Как победители, они, несомненно, дадут нам возможность отступить с честью, — стучал он кулаком по столу.

”Глупости, — подумал Гольдман. — Вайс все еще воображает себя полковником”.

— Они же не солдаты, а нацисты, — сказал он вслух. — Не знаю, разрешат ли они нам выйти из правления.

Слово взял Зильберберг. Раньше он писал пьесы, в которых фанфарами гремели речи идеалистов всех мастей. Теперь страх превратил его в приспособленца, за что он и ненавидел себя.

— Мы — не сообщники немцев, — сказал он, собрав остатки душевных сил.

Инженер Зайдман был ортодоксальным евреем.

— Для нашего народа несчастье — не новость. Мы и раньше жили в гетто.

Говорил он, в общем, то же самое, что и рабби Соломон, но Гольдман знал, что рабби так говорил по убеждению, а не из страха.

Владелец кожевенных фабрик, всю жизнь посвятивший созданию собственного дела, Маринский не сомневался, что все эти новые приказы кончатся конфискацией фабрик, и старался взвесить, может ли он как член Еврейского Совета их все-таки сохранить, или нужно проявить стойкость в расчете на то, что, встретив сопротивление, немцы поуймутся. Но не только этими соображениями руководствовался Маринский. Он был порядочным и гордым человеком, точно знавшим, что такое хорошо и что такое плохо.

— Мы должны проявить стойкость, — сказал он.

Так же считал и знаменитый адвокат Шенфельд.

— Какие бы формы ни принимала оккупация, какой бы сильной ни была власть немцев, они обязаны обосновывать каждую свою акцию. Подвели же они основу, пусть вымышленную, под проведение карантина. Если мы приложим достаточно усилий, уверен, что нам удастся заставить их придерживаться известных норм поведения. Нужно вынудить их вести переговоры.

Слово взял Пауль Бронский.

— У нас нет выхода. К кому взывать? К внешнему миру, который не хочет нас слушать? Вы — безумец, Шенфельд, если полагаете, что нам удастся уговорить их не создавать гетто. Они хотят, чтобы оно было, и оно будет. В Берлине уже есть о нем приказ. Мы ничего не можем сделать.

— Можем, — сказал Гольдман, — можем вести себя, как мужчины.

Борис Прессер, коммерсант, у которого был прямо-таки талант всегда оставаться в тени, ничего не сказал, только проголосовал вместе с Паулем Бронским и Зайдманом против предложения заявить немцам протест.

— Пять голосов против трех за то, чтобы выразить Функу протест.

Пауль вдруг почувствовал приступ тошноты. Он с трудом встал.

— В уставе нашего правления нет пункта о голосовании. Мы — самостоятельные руководители разных отделов. Хотите выражать Функу протест — выражайте, но только не от моего имени.

Что это, трусость? Инстинкт самосохранения? Гольдман не мог решить. Не был он уверен и в том, что их протест принесет пользу. Найдется еще полсотни бронских, которые заменят нынешних членов правления, и еще полсотни, которые заменят заменивших их. Что толку в протесте?

Бронский смотрит на вещи трезво. Немцы все равно сделают, что хотят.

* * *

Эммануил Гольдман очень устал. Ему было семьдесят три года, дети уже обзавелись семьями, он жил один, в доме была только экономка. Когда-то он был богат, много гастролировал и принес славу своему народу и своей стране. Волей судьбы он занял положение, которого занимать не хотел, но принял его как обязанность. Председателем Еврейского Совета его назначили потому, что Франц Кениг счел его человеком слабобольным. А оказалось совсем наоборот. Он был как раз из тех людей, которым и в голову не приходит, что можно поступиться своими убеждениями.

Весь вечер он приводил в порядок дела, после чего отнес их своим друзьям — Давиду Зембе и Александру Бранделю. Уходя от них, он знал, что, возможно, больше никогда их не увидит.

* * *

Наутро он явился к оберфюреру Функу. Он сидел перед немцем очень спокойный и сдержанный, его облик вдохновенного маэстро несколько не изменился. Едва Гольдман вошел, Функ все понял, но ледяной взгляд его голубых глаз остался непроницаемым и на лице решительно ничего не отразилось.

— Набросали черновик приказов?

Старик отрицательно покачал головой.

Функ не выказал ни удивления, ни гнева.

— Я не хочу ставить свое имя под приказом о гетто, — объявил Гольдман.

— Вы говорите от имени всего правления?

— Лучше спросите их сами, — ответил Гольдман.

— Меня разбирает любопытство, — сказал Функ.
— Отчего вы так поступаете?

— Меня еще больше разбирает любопытство, — улыбнулся Гольдман. — Отчего вы так поступаете?

Первым опустил глаза Функ.

Гольдман встал, слегка поклонился.

— До свидания, — сказал он и вышел.

Альфред Функ ненадолго задумался, потом встряхнулся и не спеша снял трубку.

— Найдите штурмбанфюрера Штутце, и пусть немедленно явится ко мне.

* * *

Из дневника

Прошлой ночью убили Эммануила Гольдмана. Похоже, штурмбанфюрер Зигхольд Штутце убил его собственноручно. Забил до смерти обрезком трубы. Труп подбросили на улицу перед зданием Еврейского Совета в назидание остальным.

Председателем Еврейского Совета назначили Бориса Прессера, которого никто из нас толком не знает. Более широкие полномочия получил Пауль Бронский. Теперь мне надлежит обращаться к нему по любому вопросу, связанному с "Обществом попечителей сирот и взаимопомощи". Ничего похожего на то, что делал для нас Гольдман, от него ждать не приходится.

Александр Брандель

Вот и наступила зима сорокового года. В последних известиях из внешнего мира, нашего единственного источника надежды, то и дело сообщают об одном несчастье за другим. Капитулировали Норвегия и Дания, Нидерланды. Разгром под Дюнкерком. Втянута в войну Италия. Германия беспрепятственно набирает силу. Франция оплатила лет десять покоя.

При Борисе Прессере у Рудольфа Шрекера нет никаких забот с Еврейским Советом. Пауль Бронский оказывает содействие "Обществу попечителей сирот и взаимопомощи" строго в соответствии с требованиями немцев.

У бедных евреев отобрали все личное имущество, обобрали их до нитки и все награбленное увезли. Им ничего не остается, как наняться на одну из фабрик, где используется принудительный труд. Немцы открыли с десяток таких новых фабрик по всему Варшавскому округу. Три или четыре из них доктор Кениг получил в свою собственность. Когда не хватает рабочей силы, немцы устраивают на улицах облавы, и люди просто исчезают.

Богатым евреям легче выкручиваться. Торговля золотом, драгоценностями, фальшивыми арийскими документами идет вовсю. В слоях богатой верхушки каждый выкарабкивается как может, сам по себе. Что касается наших польских соотечественников, то кое-кто из них нам помогает, но большинство вообще не обращает на нас внимания.

Кто правит Польшей? Группенфюрер СС Глобачник, сидящий в Люблине. Известно, что генерал-губернатор Ганс Франк направил Гитлеру протест против того, чтобы евреев со всей Европы сво-

зили в Польшу. Протест действия не возымел, и евреев десятками тысяч продолжают сгонять в шестнадцать "резерваций", согласно тому странному общему плану, который составлен в Берлине и назван "депортацией" всех евреев оккупированных стран.

Часть немецких и австрийских евреев держится высокомерно. Им удалось снять хорошие квартиры, и они смотрят на нас, бедных польских евреев, сверху вниз. Однако подавляющее большинство уже дошло до крайней нищеты. Доктор Глезер, возглавляющий медицинскую службу в "Обществе попечителей сирот и взаимопомощи", опасается эпидемий и голода, если евреям снова урежут продуктовые нормы.

Сможет ли Американский фонд, где работает Земба, разрешить все проблемы, которые на нас навалились?

Какова конечная цель немецкого глобального плана? Чем больше у немцев побед, тем меньше они считаются с мировым общественным мнением. Я слышал, что берлинское отделение гестапо 4Б, возглавляемое Адольфом Эйхманом, — это государство в государстве.

Александр Брандель

* * *

С каждым разом Андрею становилось все опаснее выезжать из Варшавы. Последняя поездка, во время которой вдруг началась неожиданная проверка документов, была для него нешуточным предупреждением. Контролер-поляк заметил, что у него фальшивые документы, но Андрей сунул ему триста злотых, и это помогло. Деньги для взятки у него всегда лежали наготове.

Когда во главе Еврейского Совета стоял Эм-

мануил Гольдман, Андрей получал разрешения на поездки под видом работника "Общества попечителей сирот и взаимопомощи". Теперь же, когда делами ведал Пауль Бронский, не выдавалось ни одного незаконного разрешения.

Андрей вынужден был ездить по фальшивым польским документам. В его кенкарте значилось: "Ян Коваль". Это и раньше было рискованно, а сейчас стало еще опаснее, потому что на железных дорогах орудовали банды хулиганов, которые вылавливали евреев, нарушавших приказы, и либо расправлялись с ними на месте, либо передавали за вознаграждение в руки гестапо.

Благодаря арийской внешности и бросающейся в глаза физической силе Андрею удалось благополучно съездить по фальшивым документам уже семь раз, вопрос был лишь в том, сколько раз ему это удастся еще.

Прибыв на конечную станцию на Иерусалимских аллеях, он отправился прямо на Милую, 18 к Александру Бранделю. Не успел он пройти и нескольких кварталов, как остановился, увидев людской поток, движущийся в район "еврейского карантина". Сначала толпы стекались сюда из других районов Варшавы, затем и из предместий, а теперь уже и из других стран. Гармошки колючей проволоки оцепляли десятки улиц и площадей, обозначая границы "карантина".

Длинная лента несчастных, потерянных людей тянулась с северного вокзала на юг. Грохотали колеса, обитые железом. Самые богатые из согнанных в Польшу евреев везли вещи в фургонах, те, что победнее, катили пожитки на трехколесных велосипедах с багажниками или на ручных тележках. Но большинство тащило весь свой скарб в узлах, обернутых одеялами, взвалив их на спину. Уличные торговцы старались им продать нарукавные повязки, кастрюли, корыта, книги — что

угодно. Работники "Общества попечителей сирот и взаимопомощи" пытались в этой объятый беспорядком толпе навести порядок.

— Откуда они? — спросил Андрей стоящего рядом мужчину.

— Из Бельгии.

Сколько бы Андрей ни видел подобных сцен, его всего переворачивало от злости. Он резко повернулся и, вместо того, чтобы идти на Милую, 18, быстро пошел на Лешно, 92, в штаб Шимона Эдена.

У дома 92 на Лешно стояла длинная очередь беженцев. Добровольцы помогали регистрировать вновь прибывших и раздавать им горячую пищу. К неудовольствию очереди, он прошел мимо нее прямо в регистрационный зал, где его сразу же узнали.

— Мне нужен Шимон, — шепнул он одной из девушек.

Шимону Эдену, одному из самых активных сионистов в Варшаве, приходилось прятаться на чердаке. Тремя короткими звонками ему давали знать, что пришел кто-то из своих, другим сигналом — чтобы уходил по крышам.

Андрей поднялся на чердак по приставной лестнице. Они с Шимоном похлопали друг друга по спине и прошли в дальнюю часть чердака. Полуденное солнце накалило крышу, и под ней было душно. Андрей снял шапку, расстегнул рубашку. Шимон улыбнулся, заметив, что Андрей все еще носит военные ботинки. Он долго выдвигал и задвигал ящики стола, пока не нашел бутылку водки, глотнул сам и передал Андрею.

— Как съездили?

— И хорошо и плохо, — пожал плечами Андрей.

— Из моих людей кого-нибудь видели?

— В Кракове. Подпольная газета приобретает большое значение. По крайней мере, люди узнают,

под какими предложениями немцы орудуют.

— Как в Лодзинском гетто?

— Не уверен, что нам удастся снять там дома под отделения "Общества попечителей сирот и взаимопомощи". Эта сволочь Хаим Румковский ведет себя, как выживший из ума царек. Ходит в сопровождении немецких телохранителей.

Шимон чертыхнулся. Андрей рассказал ему о положении в других городах, и оба совсем по мрачнели.

— А что говорит Алекс?

— Я его еще не видел, пришел прямо сюда, — ответил Андрей.

— Вы что-то задумали, Андрей? — посмотрел на него с любопытством Шимон.

— Вы были офицером, Шимон, мы были друзьями. Мы одинаково смотрим на вещи. Когда все началось, я хотел перейти границу и раздобыть оружие. Алекс меня отговорил. Я терпел, но... Шимон, пора переходить к ответным ударам.

Шимон снова глотнул водки и утер подбородок.

— Дня не проходит, чтобы я не обжигал себе нутро, вот и все что я могу сделать, чтобы не взорваться, — сказал он.

— Если я пойду к Алексу, он меня уговорит, что не надо организовывать сопротивление. Известно, если он захочет, то и мертвый захочет. Но если мы придем вместе — вы от имени Сионистской федерации — и предъявим ему ультиматум, он вынужден будет выделить нам из Американского фонда деньги на покупку оружия. Мы должны это сделать немедленно. Томпсон подозревает, что немцы следят за ним. Если Томпсона вышлют из Польши, мы лишимся одного из главных каналов поступления долларов.

Шимон Эден вытер рукавом пот со лба и подошел к слуховому окошку, выходящему прямо на улицу. Сотни обездоленных беженцев стояли в

очереди у дома за тарелкой супа и кенкартой, дававшей им "привилегию" на принудительный труд.

— А что будет с этими, которые там, внизу? — спросил Шимон. — Кроме нас, у них никого нет.

— А сколько можно терпеть, чтобы нас били по морде, и даже не пытаться дать сдачи?

— Что же мы можем сделать? — Шимон отвернулся от окна.

— Убивать этих гадов! Чтобы им небо показалось с овчинку!

— Андрей! Вспомните — им сдались Дания, Норвегия, Польша, Франция, Голландия! Неужели же они отступят перед нами? За одного убитого немцы схватят двадцать, тридцать, сто заложников, поубивают женщин, стариков и детей. Вы берете на себя такую ответственность?

— Вы такой же ненормальный, как и Алекс, Шимон. Вы серьезно полагаете, что на гетто и на принудительном труде они останутся? Они же собираются стереть нас с лица земли!

Два бывших улана смотрели друг на друга — воплощение гнева и растерянности. Шимон покачал головой.

— Совсем скоро настанет такой момент, когда вы поймете, что иного выхода у нас нет — только борьба, — сказал Андрей.

* * *

Андрей ушел от Шимона вне себя от ярости. К Александру на Милую, 18 он не пошел. Там часами будут тянуться отчеты, обсуждения, пререкания. Альтерман, Сусанна и Роза опять будут слушать его рассказы о страхе, охватившем гетто, о методичном уничтожении интеллигенции, о создании новых лагерей принудительного труда и о невообразимых безобразиях. И будут стараться создать новые отделения "Общества взаимопо-

мощи” в Белостоке или еще где-нибудь, и организовывать выпуск подпольной газетки на одной страничке — словом, будут пытаться загородить вышедшую из берегов реку несколькими мешками с песком.

Андрей быстро шел к дому Габриэлы, стараясь не видеть и не слышать, что творится кругом. В последнее время в Варшаве появилось много людей, скрывающихся под чужой фамилией, в их числе была и Габриэла. Установилось неписаное правило: если в общественном месте встречаешь друга, который делает вид, что не знает тебя, значит, так надо.

Габриэла переехала в небольшую квартирку на улице Сухой. Через Томми Томпсона передала матери и сестре, чтобы они ей не писали, иначе у нее могут быть неприятности, отправила распоряжение не переводить ей ренту в Польшу и нашла себе скромное место преподавательницы французского и английского в школе закрытого типа при монастыре урсулинок.

Андрей остановился перед домом Габриэлы. В доме напротив находилось гестапо. Как это ни парадоксально, но он считал ее квартиру, пожалуй, самым безопасным местом в Варшаве.

Было рано. С работы Габриэла наверняка еще не вернулась. Он написал ей записку и опустил в почтовый ящик, чтобы, придя домой, она не испугалась.

Андрей разделся, сел в глубокое кресло и заставил себя успокоиться. Жуткая была поездка. Он только сейчас почувствовал, что за все трое суток спал каких-нибудь несколько часов. Закрыв глаза, он повернулся лицом к солнцу и тут же задремал, согретый теплыми лучами.

... Шум шагов мгновенно разбудил его. Это Габи, прочитав записку, бегом поднялась наверх. Хлопнула дверь. Габи опустила пакеты с продук-

тами прямо на пол и разглядывала Андрея в сгущающихся сумерках. Потом села к нему на колени, положила голову ему на плечо, и так, прильнув друг к другу, они молчали — только ее вздохи нет-нет да прерывали тишину.

Она смотрела на него. Осунувшееся, усталое лицо. С каждым днем его силы иссякают — она это видела. После каждой поездки он возвращается вконец измученным, не перестает грызть себя.

Сейчас, пусть ненадолго, она может подбодрить его. Андрей блаженно улыбнулся, когда она погладила его по лицу.

— На этот раз было совсем скверно, — сказал он. — Не знаю, как долго я выдержу.

Она ласкала пальцами его глаза, губы, шею, и ему становилось легче.

— Габи...

— Что, дорогой?

— Когда ты рядом, я как будто забываю все на свете. Почему мне так хорошо с тобой?

— Молчи, молчи, отдохни, дорогой, тебе нужно набраться сил.

— Габи, когда они уймутся? Что они от нас хотят?

— Молчи, не говори ничего, ни-че-го...

Глава восемнадцатая

Из дневника

*Ты не прячь колечко, мама,
Если немец не найдет,
Ганев⁴¹ Макс придет к нам прямо
И себе его возьмет.*

Вот такой куплет сочинил Натан-придурок, ко-

торый слоняется по гетто и придумывает нечто вроде стихотворных пророчеств. Никто не знает, откуда Натан-придурак взялся, кто его родители, как его фамилия. Одет он в грязные лохмотья, спит прямо на улице или в подвалах. Все знают, что он — существо безобидное, и жалеют его. Натан-придурак появляется в самых лучших кафе еврейских районов, исполняет новые куплеты и получает свой честно заработанный обед. Он предпочитает рыбу, потому что делится ею с десятком, если не больше, бездомных котов, которые ходят за ним по пятам, а он их зовет именами членов Еврейского Совета.

А. Б.

* * *

Макс Клеперман вырос в трущобах. С малых лет он понял, что жить за счет других легче, чем, упаси Бог, гнуть спину самому и честно трудиться. В пять лет, уже отличаясь ловкостью рук, он шнырял по шумному, смрадному толчку на Парисовской площади и лихо тащил все подряд с ручных тележек, которые катили перед собой бородатые евреи. А в семь лет он стал специалистом по укрыванию ворованных вещей.

Когда хорошие еврейские мальчики, такие, как Андрей, разносили покупателям кур, купленных в лавках их отцов, и на них нападали хулиганы, избивая их и отнимая кур, плохие еврейские мальчики, такие, как Макс, этим хулиганам помогали: откупали у них кур (и не только кур), а потом на Парисовском базаре перепродавали втридорога.

В четырнадцать лет он успел трижды отсидеть в Павяке: первый раз за кражу, второй — за вымогательство и третий — за жульничество. В

шестнадцать лет он перебрался в подходящий для него район Смочи, заселенный отбросами еврейского общества Варшавы. В семнадцать его приняли полноправным членом ночного клуба "Гренада" — знаменитой варшавской малины.

С возрастом таланты Макса расцвели еще пышнее. Он возглавил банду здоровенных молодчиков, которые завладели районом, прилегающим к Гжибовской площади, где были сосредоточены магазины строительных материалов, лавки кустарей, конторы подрядчиков, металлургические заводы и кирпичные фабрики. При помощи своих молодчиков Макс прокладывал себе дорогу на площадь, пока не прибрал к рукам большую часть торговых сделок, совершавшихся на этой территории. Только профсоюзы мешали ему стать полновластным хозяином этого царства. На мизинце у него поблескивал бриллиант в восемь каратов, и пепел от его сигары падал на половину всех строительных контрактов, подписанных в Варшаве.

В ночном клубе "Гренада" Макс чувствовал себя как дома и пользовался уважением даже в гойском преступном мире на Сольце. Но, как это ни странно, в его жизни наступил момент, когда он начал задаваться вопросом, что проку в его тяжком труде — все равно он остается ничтожеством, никем.

Макс Клеперман не хотел быть никем, он хотел быть уважаемым человеком, как все эти нувориши, которые степенно прогуливаются в субботу по Маршалковской. Но завоевать уважение силой не удавалось, и это его бесило. Тогда он решил купить себе уважение за деньги и начал с того, что приобрел красивый особняк у одного аристократа, который жил во Франции. Не помогло. Соседи смотрели на него как на чужака и старательно избегали.

Макс не сдавался. Он нанял дорогого адвока-

та и поставил перед ним задачу в трех словах: "Пусть меня уважают".

Первым делом адвокат купил два места в большой Гломацкой синагоге, и теперь в дни великих праздников, когда там яблоку негде было упасть, Макс мог продефилировать перед напиравшей на полицейский кордон толпой, которая, ахая и охая, разглядывала избранную публику.

Затем Макс начал участвовать в благотворительной программе: жертвовал на бедных, гладил по головке сирот и учреждал фонды для студенческих стипендий. Дела настолько пошли в гору, что он стал членом сразу нескольких профессиональных обществ, и начались пышные приемы.

Вскоре Макс стал уважаемым человеком и считал своего адвоката.

Дабы упрочить с таким трудом завоеванное положение, Макс разошелся со своей безграмотной женой, которая вечно вгоняла его в краску. Условия развода привели ее в восторг. Затем он нанял сватов и велел им найти приличную девушку из хорошей религиозной семьи. Подходящей оказалась Соня Фихштейн. Ее семья согласилась на этот брак, потому что хотела видеть свою дочь устроенной. Для окончательных переговоров пригласили рабби Соломона.

Рабби Соломон сразу же раскусил маневр, и Макс до того разозлился, что хотел выставить его за дверь, но, узнав, что рабби Соломон пользуется, пожалуй, самым большим уважением в еврейской Варшаве, решил добиться расположения великого человека.

Нет, рабби Соломон не попался на удочку, он просто взвесил все за и против. Измениться Макс не изменится, но погоня за уважением будет удерживать его в определенных рамках и, таким образом, есть надежда, что хоть какая-то часть показной порядочности станет естествен-

ной, войдет в его плоть и кровь. Кроме того, других претендентов на Сонину руку не было. И рабби Соломон согласился их обвенчать. С тех пор он стал ангелом-хранителем Максовой души. Тот понимал, как бы ни пыжился, что, кроме рабби, другой связи с Всевышним у него нет.

Когда немцы захватили Польшу, Макс огорчился — немцев никто не любил. Но он был человеком практичным. Его прошлое как нельзя более соответствовало сложившемуся при немцах стилю жизни — черный рынок, спекуляции, валютные сделки. Действительно, таких широких возможностей прежде не бывало. Более того, с немцами можно иметь дело. Не успел еще улетучиться запах пороха, как Макс связался с доктором Кенигом и внушил ему, что без его, Макса, помощи немцам не обойтись.

В то время доктор Кениг ломал голову над тем, как открыть публичные дома для немецких солдат, при том, что Еврейский Совет не желает ему в этом содействовать. Стремясь доказать Рудольфу Шрекеру свое рвение, доктор Кениг поручил Максу раздобыть для начала сто проституток. Теперь, когда Макс стал уважаемым человеком, он уже не занимался сам подобными делами, но связи с Сольцем у него сохранились, и за два дня он все уладил. Кениг понял, что нашел незаменимого помощника.

Получив свободу действий, Макс раскинул по всей Варшаве свои щупальца и собрал вокруг себя самых отпетых подонков.

Когда немцы ввели принудительный труд, Макс доконал-таки своего старого врага — профсоюзы, прибрав к рукам все строительство, законно завладев десятками подрядов: поскольку он пользовался поддержкой немцев, с ним стоило вести дела.

Главной статьей дохода стала продажа покро-

вительства. Когда, скажем, отца или сына хватали на улице во время облавы и высылали из Варшавы в трудовой лагерь, Клеперман мог его освободить. За деньги, конечно. Тут он выступал в роли благодетеля и, выказывая сочувствие приходившим к нему за помощью родственникам, прикидывал, сколько с них можно содрать. Он рассказывал им, как много денег уходит, чтобы подкупить немцев, но по законам воровской чести ничего с них не брал, пока не освобождал их родственников. Доктор Кениг, Зигхольд Штутце и Рудольф Шрекер тоже неплохо грели на этом руки.

Доходы Макса и шести его помощников увеличились до того, что позволили ему снять дом на углу Павьей и Любецкой, как раз напротив тюрьмы, и там обделывать свои делишки. Макса и его помощников прозвали "Могучей семеркой".

Когда немцы, издав приказ об описи еврейского имущества, назначили доктора Кенига ответственным за нее, Могучая семерка стала его правой рукой.

После приказа о карантине, обязывавшего евреев переехать со всех концов Варшавы в отведенные им районы, там оказалось сто пятьдесят тысяч евреев вместо ранее проживавших восьмидесяти тысяч христиан. За две недели перемещения четверти миллиона человек Могучая семерка сколотила кругленькую сумму. Как представитель Кенига, Макс Клеперман получил право сдавать и продавать квартиры за астрономические суммы, да еще делая "одолжение" тем, кто мог такие суммы платить. Еще больше подскочили цены на квартиры, когда в Польшу стали прибывать евреи из оккупированных стран.

В конце лета 1940 года Макса Клепермана вызвали к доктору Кенигу в ратушу. Войдя к нему в кабинет, Макс удивился, увидев там Рудольфа

Шрекера и оберфюрера Альфреда Функа. Иметь дело с Кенигом — это одно, а со Шрекером и тем более с Функом — совсем другое. Макс знал, что приезды Функа в Варшаву ничего хорошего не сулят, потому что он привозит приказы из Берлина. Что касается Шрекера, то, как бы Макс перед ним ни лебезил, тот всегда обращался с ним откровенно грубо. Уж какую сумму Макс пожертвовал в "Фонд зимней помощи немцам", все равно Шрекера смягчить не удалось.

Макс волновался, и непрерывные затяжки сигарой выдавали его. Кольцо с бриллиантом в восемь каратов он ловко опустил в нагрудный карман пиджака, чтобы "Фонд зимней помощи немцам" не увеличил свои размеры на сумму стоимости этого перстня. Функа он видел впервые. Надменный тип. Макс сразу почувствовал силу его презрения.

Над верхней губой у Макса выступили капельки пота, пепел от сигары упал на брюки.

Рудольф Шрекер разложил на столе карту Варшавы. Макс вытер пот и наклонился над ней.

— В течение последних нескольких недель я знакомился с положением в Варшаве и не могу прийти в себя от изумления, — начал Альфред Функ. — Евреи самым грубым образом нарушают наши приказы. Мы сообщили Еврейскому Совету, что евреи оштрафованы на три миллиона злотых и что эта сумма должна быть собрана за неделю...

Клеперман кивнул и сдвинул зубами сигару.

— Как вам известно, народ вы грязный, — продолжал Функ. — Мы ничего не можем поделать с отсутствием у вас гигиенических навыков. Случаи заболевания тифом приняли масштабы настоящей эпидемии, несмотря на предпринятые нами меры. Поэтому, чтобы избавить население Варшавы от эпидемий и контактов с грязными евреями, мы решили возвести ограждения вокруг рай-

онов, отведенных под карантин.

У Макса не хватало духу поднять глаза от карты.

— Оберфюрер Функ хотел заключить подряд на эти работы с польской строительной фирмой, но я предложил ему вашу Семерку, если, конечно, вы не завысите цену, — сказал доктор Кениг.

Максу много не нужно было, чтобы уловить весь смысл замечания Кенига: часть денег — немцам. Приказы, направленные против евреев, выполняются руками самих же евреев. "Евреев притесняют сами же евреи" — немцы всегда это утверждают.

— Какого рода ограждения вы хотите построить?

— Кирпичную стену высотой в четыре метра с натянутой по верху колючей проволокой в три ряда.

Макс облизнул пересохшие губы. Протяженность такой стены километров семнадцать-восемнадцать. Он прикинул на бумажке, сколько пойдет на нее кирпичей, проволоки, цемента.

— А какие расценки оплаты труда?

— Еврейский Совет мобилизует на эти работы строительные батальоны.

"Так, — подумал Макс, — они используют принудительный труд, люди будут работать за продуктовые пайки. Значит, труд бесплатный, — вернулся он к своим расчетам, — материалы можно пустить самого низкого сорта, кирпичи собрать на развалинах, что ж, можно уложиться в три миллиона злотых да еще неплохо на этом заработать".

— Курс злотого скачет, — вздохнул Макс. — Был пять к одному, теперь сто к одному и продолжает расти.

— Воруйте меньше — не будет расти, — оборвал его Шрекер.

Макс еще поколдовал над цифрами и взглянул на каждого из них по очереди.

— Я уверен, что уложусь в разумную сумму, — сказал он.

— Нисколько в этом не сомневаюсь, — подтвердил Функ.

* * *

Из дневника

В древние времена трудом еврейских рабов воздвигались сооружения во славу Египта. Теперь мы их воздвигаем во славу Германии. Да еще и штраф за это платим. В каком-то странном оценении наблюдаем мы за происходящим. Многих создание гетто успокаивает. Когда много людей — безопаснее. Что ж, людей у нас действительно много. Перевалило за полмиллиона, а из других стран все прибывают и прибывают.

Каждое утро в различных кварталах на территории карантина составляются строительные батальоны. Их разбивают на десять, а то и больше, бригад, и все работают в разных местах. Тут ряды кирпичей — там ряды кирпичей. Где по два ряда, где по три. Похоже, нет никакого плана. Иногда две бригады в каком-то месте сходятся.

На четвертой странице "Краковской газеты" развернута широкая кампания против грязных евреев и за сегрегацию этих недочеловеков.

А стена все растет и растет. Полметра высоты, метр, полтора. И тянется она непонятно как, какой-то причудливой линией. Стена отделяет нас от Саксонского парка и Большой синагоги на Тломацкой. Даже в чахлый Красинский садик нам путь заказан. Не верю, чтоб они оставили в гетто хоть одно дерево.

А сколько лишних метров уйдет под изгибы и углы! И кто только составил такой проект! Есть места, где стена проходит прямо посреди улицы, и дома на одной стороне оказываются внутри гетто, а на другой — снаружи. А на Лешно стена проходит посреди здания суда. Хлодная длинным пальцем выхватывает кусок земли на арийской стороне и делит гетто на две части: большую — на севере и совсем маленькую — на юге. В маленькой очутились привилегированные евреи — члены Еврейского Совета, полиция, богатые евреи, депортированные из Германии и Австрии. Через Хлодную переброшен мост с колючей проволокой, соединяющий обе части гетто. Его прозвали "Польским коридором".

Два метра высоты, два с половиной, три, четыре. Стена готова. Десятки тысяч осколков стекла торчат, вмазанные в верхний край, чтобы тот, кто вздумает вскарабкаться на стену, поранил себе руки. А над осколками натянута в три ряда колючая проволока. В стене тринадцать ворот и возле каждого — охрана. Никогда еще это несчастливое число не имело столь зловещего оправдания поверью. Несколько человек из "Рейнхардского корпуса" командуют разоруженной польской синей полицией⁴². Ходят слухи, что в гетто создадут еврейскую полицию.

Какова ирония судьбы! Католическая церковь на Лешно оказалась внутри гетто. Ее не закрыли, а направили туда францисканца отца Якуба. Его паства состоит из выкрестов, которые вынуждены теперь жить как евреи, но они по-прежнему соблюдают католические обряды.

Цифры? Четыреста гектаров, или сто кварталов, или полторы тысячи домов отведены под гетто. Как ни верти, на полмиллиона людей — мало.

Седьмого ноября 1940 года. Могучая семерка закончила выполнение подряда на кладку стены.

С этой минуты гетто стало существовать официально. Одним махом десятки тысяч евреев, служивших за его пределами, остались без работы.

”Рейнхардский корпус” Зигхольда Штутце получил предписание охранять гетто. Слухи о создании еврейской полиции подтвердились. Она уже существует и формально подчиняется Еврейскому Совету: немцам ведь нужна видимость, что одни евреи притесняют других евреев. Но фактически еврейской полицией заправляет Штутце. Начальником он назначил Петра Варсинского, бывшего заместителя надзирателя Павяка, который прославился жестоким обращением с заключенными, особенно евреями.

Ал. Брандель

* * *

Приземистый, лысый Варсинский щеголял огромными усами. В детстве и в молодости он так боялся свирепого отца, что на всю жизнь остался импотентом и человеконенавистником. Варсинский проклинал себя за то, что родился евреем, а перейдя в католичество, еще больше возненавидел евреев. Теперь же, когда немцы заставили его снова стать евреем, его ненависть перешла все границы.

Варсинский собрал вокруг себя умственно отсталых рецидивистов, раздал им дубинки, особые нарукавные повязки, синие фуражки и черные сапоги — символ власти. На себя и свои семьи они получили особые пайки и квартиры. Условие было одно: Варсинский совершенно четко объяснил, что их жизнь зависит от беспрекословного подчинения ему и немцам.

К концу 1940 года полумиллионное население Варшавского гетто оказалось в безраздельной

власти оккупантов. Немцы начали последовательно проводить в жизнь свой глобальный план, заставляя одних евреев управлять другими через посредство бесправного Еврейского Совета, поддерживаемого еврейской полицией под началом садиста Варсинского. В довершение всего, Могучая семерка продолжала свои легализованные махинации.

В Варшаве еще оставалась малочисленная группа, состоящая из сионистов, социалистов и членов "Общества попечителей сирот и взаимопомощи", которая при поддержке Американского фонда пыталась защитить эту человеческую массу.

Глава девятнадцатая

Из дневника

Мне кажется, Сусанна Геллер не переживет такого удара. Немцы приказали ей покинуть наш приют на Повонзкой — нашу гордость и утешение — и перебраться в гетто. Ей предписано также оставить кровати, лампочки, словом, все оборудование, которое прикрепляется к полу и к стенам, а оно как раз и есть самое дорогое. Даже "Общество попечителей сирот и взаимопомощи" с трудом теперь арендует помещения: они сейчас на вес золота. Нам все же удалось найти для Сусанны дом на Низкой, который ей предстоит полностью переоборудовать, да и вообще он ни в какое сравнение не идет с тем, который у нас был на Повонзкой.

Спасибо моей Сильвии и Деборе Бронской, они очень поддержали Сусанну морально в день переезда. Просто диву даешься, насколько Дебора и Пауль не похожи между собой. Вчера битых три часа уговаривал Пауля походатайствовать перед немцами, чтобы они не закрывали нашу ферму в

Виворке. Никогда нельзя знать заранее, что они решат. И верно. Только что позвонил Пауль и сообщил, что немцы разрешили не закрывать ферму. Толек Альтерман будет счастлив.

Я послал туда своего сына. Ему там будет лучше, чем здесь.

Мы приняли первую группу голландских евреев. Они едва доехали до Польши. Их везли в вагонах для скота. Ума не приложу, как нам их разместить. В гетто сейчас более полумиллиона человек.

Комитет бетарцев распределил комнаты на Милой, 18 следующим образом. На первом этаже — администрация "Общества попечителей сирот и взаимопомощи", пункт раздачи горячей пищи, куда вход со двора ("Общество" открыло уже шестьдесят таких пунктов), амбулаторный прием и дезинфекционная служба (как того требуют наши немецкие друзья). На втором этаже — семьи бетарцев. По нашим правилам, на семью — одна комната, независимо от состава семьи. Общая для всех кухня тоже на втором этаже. Двадцать одна семья — шестьдесят два жильца, включая меня, Сильвию и маленького Моисея (Вольф уже уехал). На третьем этаже сделана одна общая спальня для одиноких девушек. У нас их тридцать. Пятнадцать работают в амбулатории и на раздаче пищи и пятнадцать — уборщицами в маленькой части гетто на южной его окраине. Я ухитрился раздобыть для них зеленые нарукавные повязки, чтобы девушки ходили, не боясь чересчур усердной еврейской полиции Варсинского. На четвертом этаже — спальня для наших парней. Двадцать из них работают здесь, на Милой, 18, и тридцать — на разных работах в гетто. Большинство перевозит грузы на трехколесных велосипедах, остальные сами впрягаются в повозки.

Чего только в жизни не бывает! Давид Земба, которого я, кстати, с каждым днем все больше и

больше уважаю, пошел к Шрекеру просить разрешения открыть отделение Американского фонда в гетто. Получил! Доллары американских евреев — наша главная поддержка, но и ее не хватает — на новых беженцев, на бесконечные штрафы и другие расходы.

Доктор Глезер говорит, что процент смертности от тифа угрожающе растет. Критическим становится и положение с заболеваниями воспалением легких, с туберкулезом, с истощением.

Пропуск на вход в гетто и выход из него получить относительно легко. Но долго такое положение не продлится, поэтому мы посылаем людей в Еврейский Совет и в еврейскую полицию, где проверяются пропуска, чтобы выяснить на дальнейшее, кому можно будет давать взятки.

На американские деньги "Общество попечителей сирот и взаимопомощи" содержит все фермы рабочих сионистов и наши в Виворке. Нам удалось открыть две дополнительные фермы, и мы можем там покупать и переправлять сюда продукты.

При всем хитроумном планировании, которым славятся немцы, они допускают серьезнейшую ошибку. В гетто оказались тысячи строителей, ремесленников, портных, инженеров и так далее. Если бы немцы использовали их по назначению, то получили бы неоценимую помощь для своих военных нужд. Не было никакого смысла создавать батальоны принудительного труда. Плотников посылают делать щетки, а врачей — рыть окопы и строить взлетные площадки (для нападения на Россию?). Такая нелепость наводит меня на мысль, что: а) Немцы сами не очень-то знают, зачем они свозят евреев в Польшу, и б) "Окончательное решение" по еврейскому вопросу еще не принято.

Александр Брандель

Зимой сорокового года и весной сорок первого Вольф Брандель работал на ферме, расположенной севернее Варшавы возле деревни Виворк.

Всякий раз, отправляя молоко и другие продукты в гетто, работники фермы посылали родным и близким письма. Вольф писал маме, папе и Стефану Бронскому, который к нему очень привязался. А еще он писал Рахель Бронской.

Дорогая Рахель,

Здесь на ферме все совсем не так, как в гетто. Другой мир. Нас тут семнадцать девушек и тридцать парней. Я почти самый младший. Живем в общежитиях (девушки отдельно, парни отдельно).

Толек Альтерман, побывавший в Палестине, держит нас в ежовых рукавицах. Чуть ли не каждый вечер читает нам лекции о сионизме в действии. Кругом развешаны призывы отправлять больше молока и свежих овощей детям в приюты. Работаем очень тяжело. Я — на дойке коров. Противная работа. В остальном мне все нравится, даже Толек. Если бы ему еще постричься...

Ты будешь мне писать? Твоя мама может передавать письма Сусанне Геллер, и они попадут ко мне. И Стефану, пожалуйста, скажи, чтоб писал.

Твой искренний друг Вольф.

Дорогой Вольф,

Очень обрадовалась твоему письму. Буду писать тебе часто. Стефан учится (ты сам знаешь, где и чему) и хорошо успевает. Скучает по тебе. Он тобой восхищается. А я рада за тебя, рада, что ты не здесь, — сам понимаешь, в каком смысле.

*С наилучшими пожеланиями
Рахель.*

Дорогая Рахель,

Теперь я уже лучше дою, но зимой главная работа в свинарнике, и я попросился туда. Только смотри, никому не рассказывай, что мы выращиваем свиней. Раввины взвоют, если об этом узнают⁴³. А что же нам делать при такой нехватке мяса? Уверен, что Бог все равно впустит приютских детей на небо.

Вечером здесь — красота. Есть у нас и нечто вроде комнаты отдыха. Там мы собираемся, обсуждаем всякие дела фермы — как распределить работу, какая у нас производительность труда. Потом Толек читает лекцию, а потом мы делаем, что хотим: слушаем музыку, занимаемся, читаем, играем в шахматы и в другие игры (по шахматам я чемпион). Перед сном поем песни бетарцев в Палестине, танцуем хору. Мы здесь даже не носим нарукавных повязок со щитом Давида. Только когда идем в деревню. Пожалуйста, пиши мне.

*Искренне твой
Вольф.*

Дорогой Вольф,

Я понимаю, что на ферме хорошо, и рада за тебя. А у нас была такая зима, что и представить себе нельзя. Мама рассказывает, что в приюте совсем плохо. Детей стало вдвое больше, а количество продуктов и лекарств осталось прежним. Поэтому так много зависит от вашей работы. Ты, наверно, слышал, что творится в гетто. Об этом писать не буду — не хочу тебя расстраивать.

*С наилучшими пожеланиями
Рахель.*

Дорогая Рахель,

Догадайся, что я делаю! Учусь играть на аккордеоне и на гитаре. Толек меня учит. Он зна-

ет все песни поселенцев — он же был в Палестине. Мне так хочется и тебя научить!

С самыми лучшими пожеланиями и чувствами
Вольф.

Дорогой Вольф,

С удовольствием выучу ваши песни. Но когда? Увижу ли я тебя? Стефан по тебе скучает. Я тоже занимаюсь музыкой. Все время выступаю, часто даю небольшие концерты. У меня бывает по восемь-девять выступлений в неделю. Выучила с полсотни детских песен (по-французски и по-немецки тоже) и теперь хожу в приюты и аккомпанирую детям. А ты с девушками танцуешь? По правде говоря, мне завидно.

С сердечным приветом
Рахель.

Дорогая Рахель,

Мы тут празднуем Суккот и в память о том, как Моисей шел с древними евреями через пустыню, и в честь первых плодов урожая⁴⁴. До войны вы жили в Жолибоже, а теперь запрещено справлять праздники, но ты спроси у своей мамы, как празднуют Суккот. Почти на всех балконах и во дворах еврейских домов сооружали из веток и листвы такой шалаш — "сукка" называется — в память о том, как жили евреи во время скитаний по пустыне. А мы здесь построили огромную сукку, украсили ее фруктами и овощами и едим в ней. Но ты не думай, как только кончится праздник, мы все отошлем в приют. Ты спрашиваешь, танцую ли я с девушками. Честно говоря, да, но очень редко. Я же почти все время аккомпанирую на аккордеоне во время танцев.

С наилучшими пожеланиями
Вольф.

Дорогой Вольф,

Вот уже и Ханукка прошла⁴⁵. В гетто праздники проходят ужасно грустно. Все вспоминают, как было раньше, когда Тломацкая синагога была битком набита и люди приходили такие нарядные, в таком хорошем настроении. А теперь мы и не видим Тломацкую синагогу. Не Ханукка, а какая-то насмешка. Смешно же вспоминать восстание Маккавеев и как они штурмовали Иерусалим, и как изгнали врага, и как очистили Храм, когда мы дрожим от страха, загнанные в гетто. Еще хуже был Йом-Киппур⁴⁶. Мы все сидели и замаливали наши прошлые грехи, и такая страшная тишина стояла в этом году, такая страшная — ни шороха, ни звука. Все спрашивали Бога, ну, что мы такого ужасного натворили, что нас нужно так наказывать.

Извини за грустное письмо

Рахель.

Дорогая Рахель,

Я все время думаю о гетто и очень волнуюсь за тех, кто там. Толек нам без конца твердит, что мы находимся на передовой линии фронта, что ферма — дело первостепенной важности, и я стараюсь убедить себя, что он прав. Я очень часто думаю о тебе.

С нежностью

Вольф.

Дорогой Вольф,

Я тоже думаю о тебе, но ты, наверно, не очень-то скучаешь среди тамошних девушек. В общем, ты понимаешь...

С неизменными чувствами

Рахель.

Дорогая Рахель,

Буду с тобой говорить откровенно. Как только у меня есть минутка, я смотрю на твою фотокарточку и читаю наизусть твои письма. Раза два, когда они не приходили, я не знал, куда деться. Честно говоря, я почти вполне уверен, что влюблен в тебя.

*С любовью
Вольф.*

Дорогой Вольф,

Интересно, что еще до твоего отъезда ты мне очень, очень нравился (не подумай, что я могу целоваться с мальчиком, если он мне не нравится), а уж после отъезда это превратилось в любовь — так мне кажется.

Рахель.

Дорогая, дорогая Рахель,

По-моему, если два человека питают друг к другу одинаковые чувства и если им пришлось расстаться раньше, чем они успели между собой все решить, и если, расставшись, они все больше и больше скучают друг по другу, то, думаю, они могут договориться. Скажу честно: я хочу, чтобы ты стала моей невестой. Клянусь, я не буду водиться ни с одной девушкой, пока мы в разлуке. От тебя мне не надо никаких обещаний, кроме одного: сразу же написать, если тебе по-настоящему понравится другой. А потом, когда мы встретимся, мы сможем проверить наши чувства.

Вольф.

Дорогой Вольф,

По-моему, ты все замечательно придумал, но знай, что никакой другой мне не понравится. Я и подумать не могу, что кто-нибудь, кроме те-

бя, прикоснется ко мне — бррр...

*С любовью
Твоя Рахель.*

* * *

От импозантности и острословия доктора Пауля Бронского не осталось и следа. В нем чувствовалось постоянное смятение. Дома он то и дело раздражался, детям попадало от него из-за пустяков. Дебора изо всех сил старалась успокоить его, но даже ей это не удавалось. Как заместителю Бориса Прессера, председателя Еврейского Совета, Паулю приходилось проводить в жизнь немецкие приказы, иметь дело непосредственно с Варсинским, отвечать за "Общество попечителей сирот и взаимопомощи", а все это означало быть козлом отпущения для обеих сторон. От Бориса Прессера помощи ждать не приходилось: не человек, а робот.

После разговора по душам с Рахель Дебора много дней ждала, когда Пауль придет в подходящее настроение. Однажды, когда они ложились спать, он дал ей понять, что хочет близости. Дебора была к этому готова. Глядя, как она перед зеркалом собирает волосы в узел, он поражался тому, что ей удается оставаться такой красивой. В приюте на Низкой она работала по восемь, десять, двенадцать, а то и четырнадцать часов в день, учила Стефана, занималась с Рахель музыкой... Пожалуй, Пауль ей даже завидовал. Раньше Дебора была замкнутой, послушной и слабой, а теперь она сильнее его. Он все больше и больше нуждался в ней, и это его сердило.

— Пауль, дорогой, знаешь, о чем я подумала: теперь, когда мы с тобой почти не бываем дома, может, Рахель лучше уехать, сменить обстанов-

ку. Стефана я могу брать с собой в приют, там много детей его возраста...

— Всем нам хорошо было бы сменить обстановку, — нахмурился Бронский. — Ты же хотела, чтобы Рахель начала выступать с симфоническим оркестром, да и вообще это пустая затея — Рахель некуда уехать. В другую часть гетто, что ли?

— Можно послать ее на ферму, — глянула на него Дебора в зеркало краешком глаза, — в деревню Виворк.

— В Виворк? Да там же сплошные сионисты! Все руководство — бывшие бетарцы.

— Но пребывание там полезно для здоровья, там есть ее сверстницы, она хоть будет видеть цветы и деревья, а не только несчастья кругом.

— Ты же знаешь, какая распущенная эта сионистская молодежь!

— Вовсе не знаю, — ответила она сухо.

— Ужасно распущенная.

— А тебе не приходило в голову, что Рахель уже почти в том возрасте, в котором была я, когда познакомилась с тобой?

— Минуточку, — Бронский побледнел, глаза его сузились, — там, кажется, сын Бранделя?

— Да. Но сначала выслушай меня. По-моему, он очень хороший мальчик, без всяких дурных мыслей. Кроме того, они в своих делах сами разберутся, нравится нам это или нет.

— Только этого мне не хватало! Выслушивать от тебя такие мысли! Ты что, за свободную любовь? Уж не собираешься ли ты всю оставшуюся жизнь попрекать меня тем, что я тебя совратил?

— Пауль, она влюблена в этого мальчика, и только Бог знает, суждено ли им прожить нормальную жизнь. Я не вижу греха в том, что она хочет быть рядом с ним.

— Учти, что фермы не закрыли по чисто техническим причинам. У нас нет никакой гарантии,

что немцы не вздумают отправить оттуда всех прямо в трудовые лагеря, и тогда я не смогу ей ничем помочь.

— А гарантия, что они не придут сюда сейчас, или через десять минут, или когда захотят, и не заберут нас отсюда, у нас есть? — Дебора положила щетку и отвернулась от зеркала. — Вся наша жизнь теперь — сплошной риск.

Все ясно: Пауль будет теперь тянуть, цепляться за что попало. Уступи, Пауль, ну, уступи! Осторожно! Дебора уже многое испробовала, разве что только трусом его не обозвала.

— Черт возьми! — вскричал он, шагая по комнате назад и вперед. — В гетто почти шестьсот тысяч человек! Мне нужно разместить еще четыре тысячи семей, прибывших на прошлой неделе! Люди спят на улице, в подвалах, на чердаках, в кочегарках!

— Какое это имеет отношение к нашему разговору?

— Самое прямое! Мне надоело, что собственная жена меня упрекает в том, что я стараюсь уберечь свою семью. Хватит того, что в угоду твоей прихоти я разрешил Стефану ходить на занятия с рабби Соломоном. Однажды он уже чуть не поплатился за это жизнью. Ты знаешь, что одного из тех мальчиков они застрелили? На его месте мог оказаться твой сын. Пока еще глава семьи — я, и девочка в Виворк не поедет.

Она кивнула, повернулась и опять взялась за щетку. С каждым днем она все яснее видела, как мельчает его душа. Пока пани Бронская, супруга заместителя председателя Еврейского Совета работает в приюте, а дочь для поднятия духа в гетто дает концерты, его репутация ничем не запятнана, а все остальное не так уж и важно. Но она промолчала. Ей хотелось крикнуть, что нельзя любой ценой спасти свою шкуру, но вмес-

то этого она тихо произнесла:

— Пусть будет по-твоему, Пауль.

Глава двадцатая

Из дневника

Вольф хочет вернуться домой. Почему, не знаю. Мне казалось, что ему на ферме хорошо. Толек говорит, он там один из лучших. Поди разберись, где собака зарыта.

Недолгий союз Германии с Россией лопнул, как мыльный пузырь: на прошлой неделе (22 июня) Германия напала на Россию. В нынешнем году уже капитулировали Греция, Югославия, Крит и Северная Африка. Румыния и Болгария объявили войну союзникам (каким союзникам?). В новостях передают, что немцы не перестают бомбить Британию. Лондон разрушен еще больше Варшавы. Струдом верится.

О судьбе четырех-шести миллионов евреев Советского Союза при таком стремительном продвижении немцев даже подумать страшно.

Александр Брандель

* * *

Старый рабби Соломон вошел в здание, принадлежащее Могучей семерке, на углу Павьей и Любецкой, как раз напротив тюрьмы.

Среди сомнительных личностей, которых в передней было полно, немало было охотников поиздеваться над раввином. Они уставились на старика. В его осанке чувствовалось особое достоинство, словно он был наделен таинственной силой призывать гнев Божий.

— Доложите обо мне Максу Клеперману, — строго приказал он.

— Ой, рабби! — просиял Макс. — Мой святой рабби! — Он поспешно подошел к старику, взял его под руку, проводил к себе в кабинет и усадил в кресло. — Я занят с моим рабби, — крикнул он перед тем, как закрыл дверь, — и чтоб меня не беспокоили, даже если загорится пожар или придет сам доктор Кениг! — Он подмигнул рабби Соломону, знай, мол, наших, а тот не мешал ему хорохориться. — Чем вас угостить? Шоколадом? Американский. Может, кофе? Прямо из Швейцарии.

— Ничем.

— Получаете от меня продуктовые посылки?

Рабби кивнул. Каждую неделю к нему приносили кульки с маслом, сыром, яйцами, хлебом, фруктами, овощами, мясом, конфетами, которые он тут же отправлял в "Общество попечителей сирот и взаимопомощи".

Спросив у рабби разрешения, Макс приступил к любимому ритуалу: отрезал кончик сигары, провел по ней пальцами, размял, зажег и с наслаждением сделал первую затяжку.

— Между нами говоря, я хотел вас предупредить, рабби. Вы очень неосторожны, продолжаете учить детей Талмуду и Торе, хотя вас уже дважды арестовывали. И в тюрьме устроили пасхальный седер⁴⁷. Ваше последнее посещение Павяка мне стоило шестидесяти тысяч злотых в "Фонд зимней помощи". Эти воры среди лета дерут на зимнюю помощь.

Старик не удостоил Макса ответом — только белая борода, казалось, взерошилась и в глазах сверкнул гневный огонь.

— Ой, рабби, вы что, шуток не понимаете! Вы же знаете, что за вашей спиной стоит Макс Клеперман.

— Я хотел бы, чтобы Макс Клеперман стоял со мной плечом к плечу. Положение в гетто кошмарное. Не могу без слез смотреть на беспризорных детей. Многие из них просто голодают. Лишившись семьи, они превращаются в диких зверенышей.

— Ужасно, ужасно, — поддакнул Макс и почесал нос. — Между нами говоря, я со своими компаньонами кое-что подбрасываю в гетто, чтобы помочь беде. Вы же понимаете, что мне не нужно благодарности. И моя дорогая жена Соня, да хранит Бог ее душу, каждый день работает на раздаче горячей пищи в "Обществе попечителей сирот и взаимопомощи".

— Перестань ломать комедию! — стукнул костлявой рукой по столу рабби Соломон. — Ты уже два месяца не видел своей жены и успел за это время сменить восемь проституток.

— Ну, у меня есть такая слабость, ну так что! Вы же должны заботиться не об этом, а о моей душе, рабби... Только вчера двоих из моих людей расстреляли на Мурановской площади за попытку пронести в гетто муку для голодных детей.

— И ты, конечно, устроишь им достойные похороны, а на обратном пути в гетто загрузишь в катафалки продукты с черного рынка, которые пустишь втридорога.

— Заткнись, старикашка! — вдруг взбеленился Макс.

— Ты жулик, мошенник и вор!

На шее у Макса вздулись вены, он побагровел и схватил со стола пресс-папье. Таких слов в свой адрес он не терпел ни от кого, разве что от немцев. Даже от Петра Варсинского. Того он сразу предупредил, что если еврейская полиция сунет нос в дела Могучей семерки, он, Макс, своими руками свернет ему шею, как цыпленку, а Варсинский знал, что с Максом шутки плохи. С

какой же стати Максу терпеть оскорбления от этого бородатого старикана! Проломить ему башку — и дело с концом! Но что за дикий страх вдруг сковал его душу? Макс упал в кресло.

— Ты что же, думаешь, наш Бог в мудрости своей не видит, как ты через меня устраиваешь себе лазейку на небеса?

— Рабби, — проскулил Макс, — ну что вы понимаете в коммерции? Сделка есть сделка.

Избегая взгляда рабби Соломона, он промямлил еще что-то относительно того, как его никто не понимает, и вдруг, отперев тумбочку стола, вынул железный ящик и открыл его. Лоб Макса покрылся потом, когда он запустил руку под крышку и вытащил толстую пачку американских долларов.

— Раздайте это больным от Макса Клепермана!

— Как ты смеешь подкупать меня этими жалкими грошами?!

— Жалкими грошами? Это американские доллары! Каждый доллар — двести злотых!

Рабби Соломон задумчиво теребил бороду, глядя на деньги. Макс за ним наблюдал и молил Бога, чтобы он их взял.

Как быть? Не брать, и гори эти деньги ясным огнем вместе с Максом? Или отнять у Макса часть наворованного? В конце концов, человека не переделать, а деньги так нужны, чтобы накормить детей!

— Тут хватит, чтобы открыть приют на сто сирот?

— Целый приют? Мои компаньоны... курс злого... — Максова сигара пыхла как паровоз.

— Открытие приюта имени Макса и Сони Клеперман сильно поубавит неприятные разговоры о тебе и Могучей семерке.

Макс должен был раскинуть мозгами. Предложение выглядело заманчиво. Он снова станет бла-

готворителем. К тому же на днях он целое состояние заработал на одном дельце...

— Во что мне это обойдется? — спросил он осторожно.

— Две тысячи долларов в месяц.

— Идет! — стукнул Макс по столу.

— При условии, что снабжение продуктами и лекарствами Могучая семерка берет на себя, разумеется.

— Но ...

— Что "но"?

— Но это само собой.

— Теперь, если ты мне окажешь любезность и сдашь в аренду один из домов, которые в твоём распоряжении, то с Александром Бранделем я договарюсь. Думаю, лучше других подходит дом номер 10 на Новолипках.

— Рабби, вы еще больший ганев, чем доктор Кениг!

У Макса сердце сжималось от предстоящей потери. Его лучший дом! Да еще из собственного кармана дать взятку Францу Кенигу! Черт бы побрал маленьких сирот вместе с этим старым раввином!

Рабби взял со стола деньги, сунул их в карман длинного черного кафтана и попросил в душе прощения у Бога за столь сомнительный способ их добывания.

* * *

— Бог ты мой, — покачал головой Александр Брандель, — как вам только удалось выцарапать у Макса Клепермана этот дом?

— Вы же сами сказали: "Бог ты мой" — вот с Его помощью и удалось.

Алекс иронически хмыкнул. Даже в разгар лета, когда в комнате было жарко, как в печке, он не

расставался со своим кашне. Никто, включая самого Алекса, не знал, почему он носит его не снимая.

— Просто чудо. — сказал он. — Сто детей. Да мы найдем там место для двухсот! Просто чудо.

— Бог творит чудеса, Алекс. Побольше верьте в Него и поменьше — в сионизм.

Алекс положил деньги и бумаги на стол. Он не видел рабби Соломона со дня брит-милы Моисея. Старик выглядел молодцом, и Алекс ему об этом сказал.

— Всемогущий не забирает меня к себе, чтобы я нес свою часть наших тягот, — ответил рабби.

Алекс, наоборот, выглядел скверно, но рабби Соломон промолчал. Алекс и раньше-то не был богатырем, а теперь на него и вовсе было страшно смотреть. Да и как может выглядеть человек, который в сутки спит три-четыре часа, в лучшем случае, шесть. День и ночь просиживал он за этим столом, ведя переговоры, выслушивая жалобы, спасая кому-то жизнь, добывая кенкарты, продукты, лекарства. На него давили со всех сторон. Одни препирательства с Паулем Бронским за лишний грамм в пайках чего стоили!

— Рабби, почему вы это сделали? Когда я просил вас помочь объединить всех, вы отказались.

— Я не задаюсь вопросами относительно слова Божьего, я просто следую Его указаниям.

— Уж не хотите ли вы сказать, что сделали это по божественному наитию?

— Я хочу сказать, что не нашел ни в Торе, ни в Священных законах предписания не помогать голодным детям. Не могу спокойно смотреть на них на улице. Я много думал над тем, что происходит, искал ответа и в своей душе, и в словах Закона. Я пришел к выводу, что взаимная помощь всегда была главным средством, которое посылает нам Бог для спасения евреев. А для налажи-

вания этой помощи, как ни странно, Бог всегда выбирает таких гоев, как вы, и таких ганувим, как Макс Клеперман. Не подумайте, что я стал сторонником левых взглядов, или сионизма, или бунта.

— Как всегда, у рабби Соломона на все есть ответ, — подумал Алекс. — Может, у него есть ответ и на тот вопрос, который меня заботит вот уже скоро месяц?” Действительно, Алекс давно хотел показать кому-нибудь свой дневник и узнать, что о нем думает посторонний человек. У этого сухаря живой, блестящий ум. И, кроме того, нет сомнений: ему можно доверять. Алекс прокашлялся, собираясь приступить к делу.

— Алекс, что у вас на уме? Вы похожи на мальчишку, которого распирает тайна.

Алекс улынулся, запер дверь, потом, набрав кодовый номер, открыл большой сейф, достал три толстые тетради в холщовом переплете и положил их перед стариком.

— Ну, что тут за тайна? — спросил рабби Соломон, надевая очки с толстыми стеклами и наклоняясь над первой страницей так низко, что чуть не уткнулся в нее носом, таким он был близоруким. — Алекс, вы-таки настоящий гой, вы даже пишете по-польски.

— Дальше будет и на идише, и на иврите.

— Ну-ка, посмотрим, что тут такое важное написано. ”Август 1939. Сегодня я начинаю вести дневник. Не могу избавиться от предчувствия, что вот-вот начнется война. Судя по опыту последних трех лет, если немцы вторгнутся в Польшу, с тремя с половиной миллионами польских евреев случится нечто ужасное...” Он взглянул на Алекса, но тут же принялся снова читать — только губы шевелились, беззвучно произнося слова.

С каждой страницей рабби Соломон все больше погружался в чтение.

Через час, закрыв первую тетрадь, рабби Соломон уже знал, что только что прочел хронику очередного страшного периода еврейской истории, периода, подобного римскому, греческому или вавилонскому. Не давая отдохнуть воспаленным, слезящимся глазам, он тут же открыл вторую тетрадь и прочел и ее на одном дыхании.

— Кто еще знает о дневнике? — спросил он.

— Эден, Земба и светлой памяти Гольдман читали его.

Рабби встал.

— Когда вы только успеваете писать?

— Ночью, у себя в комнате.

— Поразительно! Интуиция, подсказавшая, что надвигается катастрофа! Мудрость, повелевшая записать все это еще до начала событий!

Алекс пожал плечами:

— Мало ли бывало случаев, когда евреи, повинаясь интуиции, записывали события своей истории?

— Только лишь интуиции? Не уверен. Пути Господни неисповедимы. Моисей был гой, как и вы. Послушайте, Алекс, нельзя так оставлять эти записи, даже в сейфе. Их нужно спрятать надежно.

— Рабби, я никогда не видел, чтобы вы так волновались. Вы уверены, что эти записи представляют интерес?

— Уверен! Они будут жечь сердца людей во все грядущие века. Этот дневник — такое страшное клеймо на совести немцев, что и их далекие потомки будут испытывать чувство великой вины и стыда.

Алекс вздохнул; теперь он знал, что не зря проводил бессонные ночи, заставляя себя писать строчку за строчкой.

— Да простит меня Бог, Алекс, но ваш дневник мог бы быть еще одной главой "Долины плача"⁴⁸.

Рабби Соломон так восторгался дневником, что воодушевление передалось и мне. Хвалил он меня выше всякой меры. Назвал дневник новой главой "Долины плача". Настаивает, чтобы я продолжал писать и прятал дневник самым тщательным образом. Он даже считает, что нужно сделать копию на случай, если пропадет оригинал. Вот какие предосторожности! Рабби пошел со мной в наш подвал на Милой, 18, и там мы соорудили тайник в стене. Думаю, все это лишнее, но раз он так считает... Мы создали тайное общество постоянных корреспондентов и назвали его "Клубом добрых друзей". В него вошли мои первые помощники Давид Земба и Шимон Эден, весь исполнительный комитет бетарцев, кроме Андрея Андровского (Сусанна Геллер, Ирвин Розенблюм, Толек Альтерман и Анна Гриншпан), бывший драматург Зильберберг; верный наш союзник из Еврейского Совета, вождь коммунистов гетто Родель, перешедший на полулегальное положение с момента оккупации (он очень помогает нам и в устройстве детей, и в налаживании связей с арийской стороной); главный врач "Общества попечителей сирот и взаимопомощи" доктор Глезер; разумеется, рабби Соломон и священник католической церкви отец Якуб, которого я знаю с 1930 года и, должен сказать, не часто встречал людей, так горячо сочувствующих нам. (Кстати, "Общество попечителей сирот и взаимопомощи" не очень-то беспокоится о вероотступниках и полуевреях: они и так устраиваются в гетто лучше всех. Видимо, католическая церковь решила покровительствовать "своим" евреям). Иногда мы принимаем в Клуб добрых друзей новых членов.

Ирвин Розенблюм, продолжая работать на арийской стороне, занят меньше нас и согласился в

свободное время составлять каталог и указатель поступающей информации. Рабби Соломон делает копии с первых трех частей дневника (на идише и на иврите). По еврейской традиции, свитки нашей Торы переписывались от руки специальными переписчиками. Поэтому свитки так хорошо сохранились в течение многих веков. Я вспоминаю об этом всякий раз, когда вижу, как рабби Соломон переписывает оригинал дневника.

Дух захватывает при мысли, что начатое дело живет, особенно если веришь в его важность. Мне приходится просить каждого писать аккуратнее, особенно отца Якуба.

Глава двадцать первая

— Рахель!

— Вольф!

Они столкнулись в коридоре перед комнатой отдыха в новом приюте имени Макса и Сони Клеперман. Мимо них бегали дети.

— Вольф, я никак не ожидала встретить тебя здесь.

— Я и сам не знал, удастся ли мне вернуться. Даже написать тебе не успел.

— А как ты узнал, что я здесь?

— Стефан сказал. Я с ним все утро провел. Да и здесь я уже целый час. Слушал, как ты играешь детям. Очень здорово.

— Почему же ты не вошел в зал?

— Не знаю, слушал отсюда и смотрел, как дети радуются.

Коридор вдруг опустел. Тут было темновато, они плохо видели друг друга и, еще не придя в себя от неожиданной встречи, молчали.

— Я так рад тебя видеть, — заговорил первым Вольф.

— Ты надолго?

— Не знаю еще, видно будет, — Вольф осмотрелся кругом. — Может, пройдемся? Давай я возьму твою папку.

— Пожалуйста.

Вольф огляделся. В гетто негде погулять — ни скамейки, ни соловьев, ни травинки, ни деревца. Одни кирпичи да несчастные голодные лица.

— Хорошо бы нам посидеть и поговорить.

— Конечно. Нам столько нужно сказать друг другу.

— Куда же мы пойдем?

— Можно было бы к нам, так там Стефан от тебя не отстанет, а потом, когда вернутся родители, папа засадит тебя за шахматы.

— На Милую, 18 тоже нельзя. Стоит нам показаться там, начнутся сплетни, да и негде там побыть вдвоем.

— И здесь стоять тоже не стоит. Может, пойти к дяде Андрею? Я иногда хожу туда повидаться с ним. Дома он бывает мало, а дверь у него всегда не заперта.

— Что ты! Он же мне голову оторвет, если застанет с тобой.

— Да он совсем не такой сердитый, как кажется.

— Ну, была — не была, пошли!

По дороге они ни разу не взглянули друг на друга. Вольф смотрел себе под ноги, Рахель научилась не оглядываться по сторонам, чтоб не видеть беспризорных детей, умоляющих подать милостыню, трупов умерших с голоду людей, лежащих в канавах...

Они и сами не заметили, как очутились в квартире Андрея. Вольф зажег настольную лампу. Теперь они хорошо видели друг друга. Вольф сильно изменился. Окреп, раздался в плечах, исчезла угловатость, лицо загорело, пропали прыщи, жидкие волосики на подбородке сменила борода,

которую приходилось брить через день, менявшийся голос определенно становился баритоном.

Рахель тоже изменилась. Совсем не такая, как раньше. Из девочки стала девушкой. Округлые формы, как у ее мамы, в глазах усталость и грусть.

— Да, не так я себе представлял нашу встречу, — неопределенно сказал Вольф и резко отвернулся.

— Странно, правда? Как будто мы встретились впервые.

Вольф сел. Он не ожидал, что так растеряется. Сколько раз на ферме он не спал по ночам, представляя себе ту минуту, когда увидит Рахель. И вот они встретились. Как чужие. Будто никогда и не писали друг другу о своих чувствах.

— Вольф, ты недоволен?

— Только собой. По правде говоря, не мастер я вести пустые разговоры, — он медленно поднялся, такой высокий по сравнению с ней. — Я скучал по тебе, — с трудом выдавил он из себя.

Рахель робко прильнула к нему, они обнялись, и тягостная неловкость растаяла. Вольф откашлялся и облегченно вздохнул. Они поцеловались.

Стоя у окна, они вглядывались в наступающие сумерки. Вон "польский коридор", отделяющий большую часть гетто от меньшей, вон купол Гломацкой синагоги, куда теперь запрещено ходить.

— Пока тебя не было, — прошептала она, — мне все время хотелось тебя увидеть. Я знаю, что, не будь войны и гетто, и всех этих ужасов, я не повзрослела бы так быстро, и был бы у нас с тобой детский роман. Но над нами висит этот страх... Вскакиваешь среди ночи от свистков, а эти облавы, а когда идешь по улице, и вдруг начинают выть сирены и орать громкоговорители... И дети на улицах умирают. Разве все это может не действовать на человека? Я стала совсем другой, решительной, что ли?

— Лучше тебя нет никого на свете.

Этот поцелуй был совсем не таким, как раньше, ибо в эту минуту они стали мужчиной и женщиной, которые желают друг друга и не знают преград. Ее глаза закрылись, щеки увлажнились, и, пока он неловко расстегивал на ней кофточку, она прижималась ртом к его плечу...

Стукнула дверь.

Они в ужасе уставились на Андрея. Он медленно и грозно шел на них.

— Ах ты, гаденыш, — зло процедил Андрей.

Вольф заслонил собой Рахель и она, заливаясь слезами, уткнулась ему в спину.

— Выйди, пожалуйста, из комнаты, — мягко сказал ей Вольф.

— Он убьет тебя! — вскричала Рахель.

Андрей остановился. Что? Вольф Брандель со-вратил мою племянницу? Полно, это уже не тот Вольф. Высокий, сильный, ишь как набычился, такой не сдвинется с места. А Рахель... Как же я до сих пор не замечал, что она уже женщина? Вольф Брандель... Надо же, я его знал, когда он под стол пешком ходил... такой симпатяга... Эх, Андрей, Андрей, да ведь перед тобой двое влюбленных!

— В следующий раз, — спокойно сказал он, — оставляйте свои нарукавные повязки в почтовом ящике, чтобы я знал, что вы здесь. И запирайте, ради Бога, двери.

Глава двадцать вторая

Назавтра Вольф снова пришел к Андрею домой.

— К вашему сведению, — сказал он, — я с Рахель не путаюсь, я ее люблю и никогда еще ни к кому не испытывал таких чувств, как к ней. Думаю, и она меня любит.

— Я тебе верю, — кивнул Андрей и налил себе

водки. — Ты это пьешь?

— На ферме приходилось, но мне не очень нравится. Я хочу вам сказать, как мы вам благодарны за то, что вы нам верите. В гетто нам некуда деться.

— Я еле пришел в себя. Шутка ли, застать родную племянницу, которую считал еще девочкой, в объятиях, да еще в чьих! Мальчишки, как мне казалось. Обычно в жизни все идет своим чередом, а теперь дети взрослеют в один день, ничего не поделаешь. Но ты будь поосторожней, и Рахель пусть тоже поостережется.

— Пожалуй, я выпью водки, — покраснел до ушей Вольф, хлебнул из стакана и невольно сморщился. — Я хотел с вами еще кое о чем поговорить. На ферму я не вернусь.

— Вот как? А Толек мне говорил, что ты у него лучший работник. Уверен, он согласится, чтобы ты два раза в неделю привозил сюда молоко, и таким образом ты сможешь с ней видаться.

— Дело не только в этом.

— А в чем еще?

— Жизнь там легкая. Думаю, мне следует заняться более серьезным делом.

— Не старайся быть чересчур благородным.

— При чем тут благородство? Если бы вы уехали из Варшавы, вам было бы куда легче, а ведь вы не уезжаете!

— Послушай, Вольф, скажи спасибо, что твоему папе удалось отправить тебя на ферму.

— Вот это-то и плохо, что ко мне особое отношение как к сыну Александра Бранделя. Вчера, после того, как я проводил Рахель, у меня был разговор с родителями. Я им сказал, что не вернусь на ферму.

— А они что?

— Мама плакала, папа спорил. Вы же знаете, как он умеет доказывать. От него и от Толека

Альтермана я столько наслушался о сионизме — на десять жизней хватит. Короче, может, оно и не видно, но я упрямый. Когда папа понял, что я туда не вернусь, он начал упрекать себя за то, что был плохим отцом, уделял мне мало внимания, а тут еще малыш заорал, и получился целый квартет. Потом мы сидели с папой в его рабочей комнате, что не часто бывает, и он понял, что я прав. Он велел мне спросить у вас, не найдется ли дела и для меня.

— Он сказал, о каком деле идет речь?

— Нет, но я знаю, чем вы занимаетесь, и хотел бы стать связным.

— А почему ты считаешь, что годишься для такого дела?

— Я не очень похож на еврея.

— Понимаешь, Вольф, у нас в связных обычно женщины.

— А что, я хуже их?

— Вот ты говоришь, что не похож на еврея, а я считаю, что похож. Ты знаешь, как немцы в этом разберутся, если поймают тебя? Отошлют в гестапо на Сухую и заглянут в штаны. Папа же сделал тебе обрезание в знак союза с Богом, по этому знаку Бог определяет, что ты — еврей. Беда в том, что и немцы это определяют так же.

Такая мысль Вольфу даже в голову не приходила.

Андрей внимательно посмотрел на него. Парню уже восемнадцать. Высокий, стройный, гибкий, как лоза; робкий только с виду. Учился великолепно. Есть идеалы. Теперь у многих их нет. Выбирает трудный путь — только бы делать правое дело. Отличный солдат для любой армии.

— Пошли, пройдемся, парень.

Они спустились по Лешно, мимо католической церкви прозелитов, мимо огромного нового комбината по пошиву и починке немецкой военной формы, на вывеске которого значилось: "Пред-

приятие Франца Кенига". Кениг был также совладельцем деревообрабатывающей фабрики в малом гетто и фабрики щеток. Доктор Кениг стал миллионером.

На перекрестке они дождались троллейбуса и сели в него. На крыше и по бокам желтели звезды Давида. Транспортные линии внутри гетто находились в руках Могучей семерки.

На углу Смочи и Гусиной Андрей вышел. Вольф шел рядом. Шли они вдоль стены до Окоповой. Вольф был возбужден. Прошли еще с полквартала. По другую сторону стены находилось еврейское кладбище. Район нелегальных сделок. На кладбище можно спрятать товары для черного рынка. Здесь стена охранялась особенно тщательно. Андрей остановился у бывшего Рабочего театра. До войны тут ставили спектакли на идише, а теперь в фойе открыли еще один пункт раздачи горячей пищи. Остальное здание пустовало.

Подошли к артистическому подъезду, Андрей огляделся по сторонам и, открыв дверь, кивнул Вольфу, чтобы тот вошел. Они очутились на сцене. С минуту глаза их привыкали к темноте. Пахло плесенью. Андрей шепотом велел Вольфу идти осторожно: под ногами валяется всякий реквизит. Ни дать ни взять — дом с привидениями. Старые скамейки, выцветший задник, на нем нарисован польский помещичий сад.

Андрей прислушался. Со стороны раздаточного пункта доносились неясные звуки. Он прошел на цыпочках до электрического щита и включил рубильник. Ни одна лампочка не загорелась. Вольф пришел в восторг: наверняка условный сигнал. У их ног открылся люк. Андрей соскочил вниз, за ним Вольф, и люк закрылся. Они очутились в просторном помещении.

— Друзья, — сказал Андрей, — нашего нового товарища вы все знаете.

Вольф от удивления забыл закрыть рот. Все четверо с Милой, 18, бывшие бетарцы. Адам Блюменфельд сидел с наушниками перед приемником.

— Привет, Велвл, — назвал он Вольфа его уменьшительным именем.

Пинхас Сильвер вручную набирал текст. Рядом с небольшим прессом лежали готовые экземпляры подпольной газеты "Свобода". Пинхас улыбнулся Вольфу и позвал подойти поближе. В углу стоял стол, на котором изготовляли фальшивые документы, тут же лежал фотоаппарат.

Сестры Мира и Мина Фарбер проходили здесь подготовительный курс связных.

— Что слышно?

— Поймал Би-Би-Си, — Адам Блюменфельд снял наушники. — Сообщают о поставках американских истребителей для Англии.

— А что передает Армия Крайова?⁴⁹ — спросил Андрей. В это время подпольная польская армия уже набирала силу.

— Они все время меняют волны, а у нас нет их расписания, поэтому, если мы и ловим их, то только случайно.

Андрей чертыхнулся. Необходимо было срочно наладить прочную связь с Армией Крайовой, а это никак не получалось.

— Два правила, — повернулся он к Вольфу. — Селиться на последнем этаже: в случае чего — уходим по крышам. И еще: никакой романтики, ничего увлекательного в нашем деле нет. Оно изматывает и отнимает все силы.

Несколько недель Вольф учился ловить разные волны на приемнике и работать на печатном станке. Затем Андрей велел ему выучить наизусть имена всего состава еврейской полиции и запомнить, кто какие взятки берет. Постепенно Вольф узнал, в каких пекарнях есть потайные комнаты, в каких бывших синагогах — подвалы, где Шимон

Эден и коммунист Родель со своими ячейками занимаются подпольной деятельностью.

Вольфу поручили распространять "Свободу" — подбрасывать ее на рынках, оставлять в общественных уборных, наклеивать на видных местах. Как и предупреждал Андрей, работа была изнурительной и отнюдь не из приятных. Ходить по улицам с каждым днем становилось все опаснее. Полиция Петра Варсинского сотнями хватала людей и отправляла в ненасытные утробы фабрик принудительного труда.

Доктор Франц Кениг ненадолго съездил в Берлин на прием к самому Гиммлеру и привез оттуда заказ на поставку большой партии щеток для немецкой армии. Их производство предстояло увеличить втрое. Когда на улице не было людей, Варсинский приказывал устраивать облавы в домах и жилищах беженцев, чтобы набрать там рабочую силу.

Вольф беспрекословно исполнял возложенные на него обязанности, хотя и завидовал сестрам Фарбер. Голубоглазые блондинки, они легко сходили за "ариек". Умение налаживать связь составляло лишь малую часть подготовки. Им нужно было еще знать от корки до корки католическую Библию, уметь молиться по-латыни, перебирать четки, делать вид, что не понимают ни идиша, ни немецкого, хотя знали их с детства, — все для того, чтобы никто не усомнился, что они — не еврейки.

Был и еще один постоянный сотрудник в помещении бывшего Рабочего театра — Берчик, в прошлом художник-оформитель. Когда удавалось раздобыть арийские кенкарты, проездные документы и даже паспорта, их нужно было приспособить для подпольщиков. Берчик обучал Вольфа подделывать документы и даже разрешил ему самому наклеивать на них фотографии.

Часть свободного времени Вольф проводил на Милой, 18 с родителями и маленьким братом, часть посвящал своему названному брату — Стефану, учил его ивриту, помогал по основным предметам, играл с ним в шахматы и отвечал на тысячи вопросов. Два-три раза в неделю встречался с Рахель. Эти встречи помогали обоим как-то забывать о том, что творится вокруг. А вокруг становилось все хуже и хуже.

* * *

Из дневника

Вчера члены Клуба добрых друзей собрались обсудить новое несчастье, свалившееся на гетто.

Позавчера утром двадцать пять нацистов из "Рейнхардского корпуса" во главе с самим Зигхольдом Штутце вошли через Железные ворота в гетто, не вызвав особого беспокойства своим появлением, поскольку их казарма расположена прямо у стены, только по другую ее сторону. Подходя к дому №24 на Новолипках, они его окружили, повыгоняли на улицу всех жильцов — мужчин, женщин, детей, всего 53 человека, — и увезли их на двух армейских грузовиках. Не успели они отъехать, как явилась еврейская полиция и налепила на дом объявление: "Заразно — тиф".

Выгнанных из дому привезли на еврейское кладбище, заставили вырыть у северной стены огромную яму, раздеться и стать на краю. По их спинам дали очередь, некоторых прикончили штыками. После этого в дом на Новолипках приехала полиция и вывезла все до нитки.

Случаи расстрела на кладбище уже бывали. Людей обвиняли в "преступных действиях", в "клеветнической пропаганде". Но чтобы взять пятьдесят три человека и убить просто так, без вся-

кого повода — такого еще не бывало.

Хотя дом зачислили в "заразные", сегодня мне удалось его снять под приют. Я уже слышал, что немцы готовят ряд объяснений для "оправдания" своих зверств. Главные из этих объяснений: "опасность эпидемии" и "преступная деятельность" евреев.

У нас в Клубе добрых друзей почти уверены, что расстрел жильцов дома №24 на Новолипках был лишь преамбулой.

Есть и другие тревожные признаки. Сегодня утром объявили о новом сокращении продовольственных норм. Доктор Глезер говорит, что новые нормы обрекают людей на голод. Таким образом, по нацистской логике, каждый, кто добудет себе достаточно продуктов, чтобы не умереть с голоду, — "преступник". И кто только им придумывает все эти трюки?

А в Советском Союзе и вовсе творится невообразимый ужас. Все чаще просачиваются сведения о специальных бригадах СС — "акцион командос"⁵⁰, уничтожающих евреев по всей Прибалтике, Белоруссии, Украине, как только немецкие войска занимают эти территории.

Слышали мы и о каком-то плане выслать всех евреев на Мадагаскар.

Протест Ганса Франка не возымел решительно никакого действия: в Польшу продолжают высылать не только евреев, но и преступников, гомосексуалистов, цыган, "типичных славян", политзаключенных, проституток и прочих так называемых "ублюдков", так что генерал-губернаторство превратилось в "выгребную яму" Германии. Строятся все новые и новые огромные концентрационные лагеря. Я слышал об одном таком гиганте в Аушвице, это в Силезии.

Члены Клуба добрых друзей считают, что вся эта перевозка евреев и "ублюдков", перегружая

железнодорожную сеть, мешает, главным образом, немецкой армии на русском фронте, не говоря уже о том, что на ней заняты десятки тысяч их солдат.

Итак, немцы подходят вплотную к "окончательному решению" относительно нас. Боюсь, что их козни не кончатся, пока они полностью не обеспечат себя принудительным трудом...

Алекса отвлек телефонный звонок.

— Брандель слушает.

— Шалом алейхем⁵¹, Алекс, — приветствовал его связной Ромек с арийской стороны.

— Шалом, — ответил Алекс.

— Ты, надеюсь, не забыл, что мы сегодня обедаем вместе. У Енты, в два.

— Да, да.

Алекс торопливо запер дневник в сейф и поднялся к себе в комнату. Вольф играл на полу с маленьким Моисеем.

— Сынок, сбегай к Андрею. Из Кракова приехала Ванда с пакетом. Пусть пошлет одну из сестер Фарбер на площадь в Старом городе. Он знает. Главное — успеть. Ванда пройдет там в два часа.

В Рабочем театре Вольф застал только Адама, сидевшего у приемника.

— Где все? Из Кракова связная приехала.

— Господи, — ахнул Блюменфельд, — ее ведь ждали только завтра. И Андрей, и сестры Фарбер, и Берчик — все на арийской стороне. Пинхас Сильвер идти не может. Беги назад к отцу, скажи, что идти некому. Он сообразит, что делать.

Вольф кинулся обратно домой.

Алекс задумчиво постучал по столу. Час дня. До назначенного времени остается всего час. "Думай, Алекс, думай", — сказал он себе. Его

обычно непоколебимое спокойствие начало ему изменять. В пакете тысяч восемь-десять долларов. Прекрасные доллары от Томпсона из Американского посольства — комар носу не подточит. Позвонить Ромеку? Нет, нельзя нарушать главное правило, нельзя звонить связному на арийскую сторону ни при каких обстоятельствах. Но что же будет, если Ванду никто не встретит? Один пакет так уже пропал.

Сняв трубку, Алекс набрал номер отделения "Общества попечителей сирот и взаимопомощи" на Лешно, 92, где находилась главная резиденция Шимона Эдена, и попросил к телефону Атласа.

— Атлас слушает, — сразу же ответил Шимон.

— Говорит Брандель. Я должен обедать с Ромеком в два часа у Енты, но никак не могу. Вы не пойдете вместо меня?

— Это же меньше чем через час. Подождите, посмотрю, нельзя ли отложить назначенную у меня встречу.

Уже двадцать минут второго, уходят драгоценные минуты.

— Нет, Алекс, никак нельзя.

Алекс медленно положил трубку. Пропал пакет, пропал. Он поднял глаза и увидел сына.

— Папа, я пойду.

— Нет.

— У меня есть документы на чужое имя. и кое-какой опыт я уже приобрел.

— Нет, я сказал! Хватит того, что ты уговорил меня позволить тебе уехать с фермы. Это чуть не убило маму.

— Честное слово, я перестану с тобой разговаривать навсегда, — сказал Вольф и пошел к двери.

Алекс знал своего сына: добрый, но упрямый. Еще хуже Андрея.

— Хорошо. Выкладывай на стол все, что может

быть уликой против тебя. Возьми только фальшивые бумаги. Времени мало. Выйдешь через одни из трех северных ворот, там должен быть охранник, который берет взятки. Вот тебе тысяча двести злотых, — открыл Алекс ящик. — Их хватит, чтобы выйти из гетто и вернуться. Иди к Музею мадам Кюри на площади Старого города. По дороге купи фиалки, заверни их в газету. Ванда — это Ревекка Эйзен, ты ее знаешь. Если что случится, ты — не Вольф Брандель.

— Не беспокойся, папа, ничего не случится.

Вольф пошел к ближайшим воротам на углу Дикой и Ставок, всего в нескольких кварталах от Милой, 18, потом прошел мимо остальных двух ворот — посмотрел, кто из еврейской полиции там дежурит. Ни одного из них он не знал, значит, и они его вряд ли знают. Он подошел к старшему по чину и сунул ему свою кенкарту. Тот раскрыл ее и принялся рассматривать, ловко прикрыв ладонью стозлотовую бумажку. Первой буквы слова "Еврей" на ней нет, кенкарта явно фальшивая либо краденая. Надо взять побольше.

— У меня мать очень больна, — сказал полицейский.

— Надо обязательно вызвать врача, — посочувствовал Вольф, подсовывая ему еще одну сотенную.

— В котором часу вы возвращаетесь? — спросил охранник, принимая деньги.

— Часа через два, — ответил Вольф, сообразив, что жулик хочет получить еще.

— Жаль, я уже сменяюсь. Подойдете к моему двоюродному брату Гендельштейну у Гусиных ворот, скажете, что вы от Косновича.

— Спасибо, — поблагодарил Вольф.

Еще пятьдесят злотых он оставил польской синей полиции уже по другую сторону ворот.

Вольф шел очень быстро — времени оставалось в обрез.

Гестаповцы уже не первую неделю следили за Томми Томпсоном из Американского посольства в Кракове. Зная о его дружелюбном отношении к евреям, они почти не сомневались, что он передает им деньги и информацию, но не трогали его в надежде выследить, с кем именно он встречается, и выйти на последнее звено цепочки в Варшаве. К тому же, недавно Томпсон начал сотрудничать с Армией Крайовой, а это было куда как серьезнее. Пора было выслать его из Польши. Гестаповцы решили арестовать первого же посетителя, который выйдет от Томпсона, и как только Томми передал Ванде пакет с восемью тысячами долларов и Ванда от него вышла, они пошли следом за ней.

Бдительная и опытная Ванда насторожилась, когда во время облавы на Варшавском вокзале ее слишком легко и быстро пропустили, едва взглянув на документы и на пакет. Она пришла на площадь Старого города, чувствуя за собой слежку. На площади народу было не густо — человек тридцать-сорок. Прямо подойти к связному нельзя: за высокими домами вокруг площади могут скрываться шпики, выслеживающие ее. Она нарочно вошла на площадь со стороны, противоположной Музею мадам Кюри, и пошла наискосок, глядя уголком глаза на выступающий вперед фасад музея. Там, прислонясь к стене, стоял высокий парень. Она прошла мимо теперь уже поближе, чтобы разглядеть его. Фиалки завернуты в газету. Вольф Брандель. Тоже не лыком шит — видит, что я прохожу мимо, подумала она. Позади у нее оставалось довольно большое пустое пространство, так что, если за ней действительно следят, им придется обнаружить себя, иначе они рискуют ее упустить. Ей хотелось обернуться, но она сдер-

жалась. Подойти к Вольфу, пока она не удостоверится в полной безопасности, тоже нельзя. Ванда заметила решетку над водосточной трубой. Прекрасно! Пройдя по ней, она нарочно зацепилась каблук, наклонилась его вытащить, а тем временем украдкой огляделась. Двое мужчин остановились посреди площади, как вкопанные. Следят!

Вольф, не отрывая глаз, смотрел на нее. Он видел, что эти двое идут за ней, заметил, как она выбросила пакет в водосточную трубу, вытаскивая каблук, и быстро стала удаляться прочь. В секунду площадь заполнилась немцами, которые начали обыскивать всех подряд. Вольф не двинулся с места.

— Фиалки для мамочки, сынок?

Вольф встретил взгляд двух подошедших гестаповцев.

Глава двадцать третья

Клуб "Майами" в гетто на Кармелитской был еврейским аналогом клуба "Гренада" в Сольце, то есть центром спекуляций, магазином ворованных вещей и притоном проституток. Теперь тут управляла Могучая семерка Макса Клепермана. Клуб "Майами" пользовался исключительной привилегией в качестве "зоны свободной торговли": все операции, которые проводились в стенах этого нечестивого святилища, считались "не для печати". Даже немцы не нарушали этого неписаного правила, понимая, что так или иначе им тоже придется пользоваться услугами "зоны свободной торговли". В задних комнатах бара заключались сделки, которые никогда нигде не регистрировались, а за их участниками никогда не следили, их никогда не фотографировали. Все

держалось на честном слове вора.

Когда рабби Соломон пригласил по телефону Макса Клепермана в клуб "Майами", тот понял, что речь идет о чем-то из ряда вон выходящем. Он пришел, взбудораженный предвкушением чего-то грандиозного. Буфетчик сказал ему, в какой из задних комнат его ждут. Он вошел и закрыл за собой дверь. Андрей Андровский обернулся и посмотрел на него. Комната наполнилась дымом неизменной сигары Макса. Шутка ли, к нему пожаловал сам Андровский!

— Один из наших людей попался, — произнес Андрей.

Макс разочарованно хмыкнул. Сионистам уже случалось обращаться к нему с просьбой освободить кого-то, угодившего в лапы Петра Варсинского, формировавшего трудовые батальоны. Однажды Клеперман уже сорвал большой куш, когда коммуниста Роделя упекли в Павяк. "Может, и на этот раз сорву не меньший, — утешил себя Макс. — Звонил-то рабби Соломон, а явился Андровский собственной персоной".

— Кто такой?

— Вольф Брандель, — не сразу решился Андрей.

Макс присвистнул. Это уже интересно. Он потер свое знаменитое кольцо об лацкан пиджака.

— Где он?

— В гестапо.

Макс вынул изо рта сигару и покачал головой. Трудовой лагерь — куда ни шло: подкупаешь охранников, и кончен бал. Фабрики Кенига в гетто — потруднее: деньги идут самому Кенигу, а он дерет побольше. Павяк — очень трудно, но все-таки и это ему удавалось, но...

— Гестапо, — сказал Макс. — Сын Бранделя. Не знаю.

Он быстро прикинул все "за" и "против". Донести на сына Бранделя — значит укрепить свое

положение. Ну как же! Подлинное доказательство его, Макса, преданности. Вопрос, правда, в том, оценят ли немцы. С другой стороны, "Общество попечителей сирот и взаимопомощи" все чаще имеет с ним дела. Как он будет выглядеть в глазах жителей гетто, если поползет слухок, что он на кого-то донес? Теперь, допустим, у него не получилось освободить сына Бранделя при всех стараниях, и немцы об этом пронюхали. Тогда его песенка спета.

— Нет, в эти дела меня не впутывайте, — Макс быстро поднялся. — Тут я пас. Все, что вы сказали, умрет со мной.

— Садитесь, Макс, — спокойно произнес Андрей, — и вычеркните, пожалуйста, наш заказ на муку, мы нашли другого поставщика.

— Черт бы вас побрал, Андровский, — Макс опустил на стул. — Вы знаете, чего мне стоило привезти ее сюда? Да еще в таком количестве, что половина пекарен на арийской стороне закрылась!

— Не дурите мне голову, Макс. С полсотни наших ребят считают, что мы можем проворачивать делишки не хуже ваших.

Намек был более чем прозрачен. Сына Бранделя нужно освободить любой ценой. С Андровским шуточки плохи. Макс достал блокнот и начал подсчитывать.

— Это будет стоить прорву денег.

— Заплатим.

— Либо золотом, либо долларами. Действовать придется на самом высоком уровне.

— У меня только злотые, — соврал Андрей.

— У меня у самого их девать некуда — полный склад. Они не стоят той бумаги, на которой отпечатаны. Либо золотом, либо три тысячи долларов.

В глазах Андрея загорелась злость: негодяй

проклятый, торгуется за человеческую жизнь, как на Парисовском рынке за поношенный пиджак. Он отвернулся. Рахель. День и ночь она ждет в его квартире. Как он посмотрит ей в глаза?

— Договорились, — процедил он.

— Теперь рассказывайте подробности.

— Его схватили на площади Старого города с арийской кенкартой на имя Станислава Краснодебского. На площадь он пришел, чтобы встретиться с нашей девушкой из Кракова. Немцы забрали человек сорок-пятьдесят, и его среди них. Массовый допрос. Теперь они, конечно, знают, что он — еврей. У нас есть основания полагать, что попались и другие евреи.

— Один из моих парней. Его схватили в той же облаве, — сказал Макс и с иронией добавил: — Ему, правда, не так повезло на друзей, как Бранделю.

— Вольф выдал себя за Гершеля Эдельмана из Волковичей. К нашему счастью, его, кажется, не распознали.

— Одного счастья мало, если он попал в руки к Шауэру. Я уже выяснил, что за тип этот Шауэр. В самом гестапо мы Бранделю помочь не можем: Шауэр взятки не берет. Только напортим. Будем надеяться, что парень не раскололся, и подождем, пока его переведут оттуда, — Макс встал.

Андрей кивнул.

— Макс, — сказал он, — я знаю, что Могучая семерка может нас продать с потрохами. Если начнется двойная игра, вы будете иметь дело со мной лично.

Глава двадцать четвертая

Прошло восемь дней.

Рахель безвыходно ждала в квартире дяди Анд-

рея. Каждый раз, приходя домой, он отрицательно качал головой, и это был новый удар. Она не спала, лишь впадала в забытие, и тогда ее мучили кошмары. У нее невероятно обострился слух. Как только внизу хлопала парадная дверь, она прикладывала ухо к замочной скважине и считала шаги. До квартиры Андрея — шестьдесят. Иногда они замирали на первом этаже, иногда на втором, иногда на третьем. Она научилась отличать мужские шаги от женских, определяла, идут вверх или вниз.

Девятый день.

Она умылась холодной водой, причесалась и села у окна. Внизу хлопнула дверь. Рахель прислушалась. Десять... одиннадцать... двенадцать... Двое мужчин! Идут медленно. Все теперь ходят медленно. Сорок три... сорок четыре... сорок пять... Двое мужчин на площадке третьего этажа. Господи! Пожалуйста! Пусть они поднимутся на наш этаж! Пожалуйста! Господи! Ну, пожалуйста! Пятьдесят девять... шестьдесят. Дверь открылась. Вошел Андрей, кто-то стоял позади него...

— Вольф!!!

Он медленно вошел, снял шапку. Она бросилась в его объятия. Не решалась поднять глаза: а вдруг это опять сон. Нет, нет, не сон. Она посмотрела на него. Такой же красивый. Только шрам на щеке. И тут она дала волю слезам.

— Рахель, — выдохнул он, — я жив-здоров, не плачь, не нужно. Все хорошо...

Андрей вышел, прикрыв за собой дверь.

* * *

Алекс и Сильвия сидели у себя в комнате, как два белых изваяния. Они не произнесли ни звука с тех пор, как Вольф ушел к врачу.

Тихонько постучав в дверь, вошел Андрей.

— Доктор Глезер его осмотрел. Собаки не были бешеными, он вне опасности, укусы заживут, и он будет совсем здоров.

Сильвия зарыдала. Тут же расплакался малыш Моисей. Она взяла его на руки и принялась баюкать, не слушая утешений Алекса. Тот знаком дал понять Андрею, что с Сильвией сейчас ни о чем не нужно говорить, и оба вышли на цыпочках. В кабинете Алекс начал себя ругать.

— Перестань канючить, — отрезал Андрей. — Твой сын молодец.

— Где он сейчас?

— Ты разве не знаешь?

— Откуда мне знать?

— Со своей девушкой.

— С девушкой?

— Да, с моей племянницей.

— Я понятия не имел! — Алекс снова завелся: о том, что он плохой отец, что родной сын с ним не делится, даже не рассказал о своей любви.

— Да перестань ты, Алекс, парень вышел откуда живым, чего тебе еще надо?

— Все эти дни я себя уговаривал, что справедливость требует спасти Вольфа. Мы ведь и раньше платили за освобождение наших людей. Роделя почти за две тысячи долларов выкупили из Павяка, а он даже и не наш, почему же не заплатить за освобождение Вольфа? Все правильно.

— Ничего не правильно, если уж ты хочешь знать! — взъярился Андрей. — Тебе скорей нужно было дать сыну умереть, чем допустить, чтобы мы кланялись в ноги Максу Клеперману!

— Не говори так, Андрей!

— Лебезить перед Клеперманом! Умолять его об одолжении!

Андрей стащил Алекса со стула и, держа за лацканы, тряс, как былинку.

— На эти три тысячи долларов можно было купить оружие, взять штурмом гестапо и освободить твоего сына по-человечески!

Алекс припал к нему и заплакал, но Андрей отшвырнул его на стул.

— Бог тебя проклянет, Алекс! Проклянет! Открой свой драгоценный дневник, черт бы тебя подрал, и прочти, как уничтожают евреев в Советском Союзе!

— Ради Бога, не терзай меня!

— Мне нужны деньги! Мне нужно купить оружие!

— Нет. Ни за что. Нет, Андрей. Мы сохраняем жизнь двадцати тысяч детей, на оружие — ни злого.

Алекс набрал полные легкие воздухом, чтобы комната не кружилась перед глазами. Никогда еще он не видел Андрея в такой ярости.

— Я вас знать больше не хочу, — процедил с усилием Андрей.

— Андрей! — взмолился Алекс.

— Горите вы огнем!

— Послушай, Андрей!

В ответ Андрей хлопнул дверью.

Он шел по улицам гетто, куда глаза глядят. Все кончено. Возврата нет. Он все ходил и ходил, как во сне, не замечая ни трупов, ни голодных детей, ни дубинок еврейской полиции. Так он очутился у себя в подъезде, машинально пошарил в почтовом ящике и вытащил две нарукавные повязки — две белые повязки с голубыми звездами. Значит, ребята еще у него. Он положил повязки на место и порылся в карманах. Нашел две стозлотовых бумажки. Как всегда, когда он терял почву под ногами, одно имя помогало ему устоять — "Габриэла". Двухсот злотых хватит, чтобы попасть на арийскую сторону. Ему позарез нужна Габриэла.

Глава двадцать пятая

Из дневника

Уже десять дней никто не видел Андрея. Мы полагаем, что он живет на арийской стороне. После стольких лет совместной работы не верится, что он с нами действительно порвал. Мы до сих пор и не подозревали, какой опорой он был для нас. На Милой, 18 все ходят как в воду опущенные.

У нас теперь открыто девяносто пунктов раздачи горячей пищи, а в приютах около двадцати тысяч детей.

Доктор Глезер рассказал мне о новом несчастье: венерические заболевания. До войны у евреев проституция никогда не выросла в социальную проблему, а теперь все больше и больше жен и дочерей даже из порядочных семейств идут на панель. Выдать дочь за еврея-полицейского — большая удача для семьи.

Томми Томпсона выслали из Польши. Мы потеряли верного друга. Мы, правда, давно понимали, что это случится рано или поздно. Анна Гриншпан уже нашла новый канал связи с Американским фондом.

Александр Брандель

У Алекса был нюх на плохие вести. Не успел Ирвин Розенблюм переступить порог его кабинета, как он понял, что случилось что-то неладное. Ирвин подошел к нему, хрустя сплетенными пальцами.

— Перестань.

— У меня отняли пропуск на арийскую сторону.

— Де Монти заявил протест?

— Он уехал на Восточный фронт четыре дня назад и еще ничего не знает.

— Честно говоря, хорошо, что вы остаетесь с нами в гетто.

— А как же связи на арийской стороне...

— С ними вам становилось все труднее, де Монти не хотел помогать. За вами постоянно следили. Ирвин, я все продумал, ваше место здесь, на Милой, 18, тут для вас есть много работы.

— Например?

— Директор сектора культуры "Общества попечителей сирот и взаимопомощи". Организация дискуссий, концертов, театральных представлений. Шахматные турниры. Людям необходимо отвлекаться от окружающего кошмара. Ну, что скажете?

— Что вы хороший друг.

— Еще Клуб добрых друзей. Мне не справиться со всем материалом, поступающим для дневника. Я уже давно задумал соорудить потайную комнату в подвале. Если вы приложите руку, мы сделаем настоящий архив.

Ирвин пожал плечами. Он воспринял эти слова лишь как любезность.

— Подумайте хорошенько, Ирвин, и дайте мне ответ.

Этим же вечером к Ирвину пришла Сусанна Геллер. С тех пор, как существовало гетто, у них не хватало времени друг для друга. Сусанна, что называется, всю себя отдавала приюту, а Ирвин допоздна оставался на арийской стороне. Раз в неделю они встречались на собрании Клуба добрых друзей и обычно бывали такими усталыми, что тут уж не до свиданий. Их неофициальная помолвка, казалось, так ничем и не кончится.

— Сусанна! — обрадовалась мама-Розенблум.

— Здравствуйте, мама-Розенблум.

— Ты уже слышала?

— Да.

— Так подбодри же его!

Ирвин сидел на краю кровати, печально уставившись на большой палец левой ноги, вылезавший из дырявой туфли. Она села рядом, и кровать жалобно заскрипела.

— Уж не пришла ли ты меня оплакивать?

— Перестань. Алекс предложил тебе ответственную работу, так что нечего вешать нос. Держись молодцом.

— Хорошо бы, чтоб ты не приставала ко мне с утешениями.

— Так ты соглашаешься на эту работу?

— А что, у меня есть выбор?

— Да перестань ты ныть. Алекс загорелся мыслью о потайной комнате в подвале. Ты же знаешь, насколько важна работа над дневником.

— Ну, хорошо, хорошо, я уже лопаюсь от радости.

— Между нами, Ирвин, я очень рада, что ты больше не на арийской стороне. Я боялась за тебя, несмотря на все твои легальные-разлегальные документы.

— О! Это уже кое-что. А я и не знал, что у тебя есть время беспокоиться обо мне.

— Ой, ты не в духе. Ну, конечно же, я о тебе беспокоюсь!

— Тогда извини.

— Ирвин, — сказала она, беря его за руку, — ты знаешь, о чем я думала всю дорогу? Молодеть — мы не молодеем, и красивее я, видит Бог, тоже не становлюсь. При том, что сейчас творится, может, стоит подумать о женитьбе. Кроме того, что для нас это радость и утешение, есть еще и практические соображения. Например, когда ты начнешь работать на Милой, 18, ты будешь много занят, ходить сюда будет некогда. Зачем

же держать эту квартиру? А если мы поженимся, Алекс даст нам комнату на втором этаже, ты сможешь взять туда маму, и вообще...

— Какой мужчина может устоять перед таким предложением! — потянулся Ирвин к ней и поцеловал ее в щеку.

Из дневника

Вчера Ирвин и Сусанна обвенчались у раввина Соломона. Очень вовремя.

Александр Брандель

Глава двадцать шестая

Крис вернулся с Восточного фронта в Варшаву — Розы нет, его бюро и квартиру как следует обыскали, напичкали скрытыми микрофонами, и линия со Швейцарией не работает. Набрал номер телефона Розы в гетто — телефон отключен. Помчался в "Бристоль", в пресс-центр — там какой-то чиновник его к фон Эппу не пустил.

— К сожалению, господин де Монти, герр фон Эпп уехал на совещание в Берлин.

— Когда он вернется?

— К сожалению, не могу вам сказать.

— Где я могу найти его в Берлине?

— И этого я, к сожалению, не знаю.

Другой чиновник, к сожалению, не знал, что у Ирвина Розенблюма отобрали пропуск, а третий, к сожалению, понятия не имел о перерезанной линии.

— К сожалению, господин де Монти, до следующего распоряжения вам придется посылать сюда на цензуру все ваши корреспонденции.

Крис устал, голова гудела после долгой по-

ездки — не так легко добираться сюда с фронта. Он сдержал раздражение, понимая, что до поры до времени делать нечего. Горячая ванна, изрядная порция виски — вот что нужно человеку после возвращения из такой поездки.

Сидя в ванной и потягивая виски, он решил ничего не предпринимать, пока хорошенько не проспит.

В ресторане Брюля Крис забрался в дальний угол, чтобы не пришлось ни с кем вести разговоры, и взялся за твердый, как подошва, шницель. Зал гудел от гортанной речи, от возбужденных голосов и откровенных высказываний о Восточном фронте.

— Сегодня у вас нет аппетита, господин де Монти? — забеспокоился официант, когда Крис отодвинул почти полную тарелку. — С каждым днем становится все труднее приготовить приличное меню. Они... все забирают.

Крис рассчитался и вышел на улицу. Варшава теперь — злочное место. Город кишит немецкой солдатней — она гуляет перед отправкой на Восточный фронт! Хотя поляки не скрывают своей ненависти к оккупантам, нет недостатка в женщинах, которым патриотизм не мешает доставлять удовольствие немецким парням. Публичные дома растут как на дрожжах. В кабаках текут рекой пиво, водка, вино. Даже девицы с панели зарабатывают как никогда.

Большинство варшавских музыкантов — евреи. И теперь немецкие солдаты со своими девками пробираются в гетто потанцевать и поразвлечься в одном из пятидесяти ночных клубов, большинство которых принадлежит Могучей семерке: музыка на арийской стороне режет слух.

Крис бродил по улицам, подавленный увиденным на фронте и неожиданным оборотом дела в Варшаве. Из кабаков несло пение пьяных. Чтобы из-

бавиться от назойливости проституток, он пересек площадь Пилсудского и остановился, раздумывая, куда бы податься. Сесть в машину и поехать домой? Нет. Эта чертова квартира нагоняет на него тоску. Крис увидел, что идет по Саксонскому парку, который казался ему все прекрасней, поскольку с каждым шагом городской шум становился все тише. Темнело. Из кустов доносился шепот бездомных влюбленных, иногда на дорожку выходила смущенная парочка, избегая его взгляда.

Крис пошел к озеру с лебедями. Как часто он сидел здесь на скамейке, поджидая, когда покажется Дебора, и какая это была чудесная минута! Каждый раз сердце замирало, как при первом свидании.

А теперь-то чего ты здесь сидишь, болван несчастный! Дебора не покажется, свидание не состоится...

Криса тянуло, как магнитом, к стене гетто. Он вышел из парка и пошел по Хлодной, разделявшей гетто на большое и малое. Ночные огни высвечивали острые осколки стекла, вцементированные по верху стены, они сверкали, как крысиные глаза. Темно. Тихо. Не верится, что по другую сторону живет шестьсот тысяч человек. Кроме собственных шагов ничего не слышно, кроме собственной тени никого не видно. Тень растет по мере того, как он удаляется от очередного редкого фонаря.

Он остановился под мостом, огороженным с двух сторон колючей проволокой. Днем он здесь уже бывал: смотрел, как евреи переходят через "польский коридор" из одной части гетто в другую, надеялся увидеть Дебору, хотя никакой надежды не было.

Он простоял с полчаса. "Вот где ад", — пронеслось у него в голове, и он быстро пошел прочь.

Впереди, у стены, он краешком глаза различил какое-то движение. Оттуда отделились двое и преградили ему дорогу. Крис остановился и бросил взгляд через плечо. Сзади стояли еще двое. Лиц не разобрать, но, судя по облику, по кожаным кепкам и фигурам, хулиганы.

— Ждал кого-нибудь под мостом, еврейчик?

Теперь хулиганы все время охотились на евреев: выгодная статья дохода. Что же делать? Показать документы и уйти?

— Ну-ка, еврейчик, гони двести злотых или отправишься в гестапо.

— Убирайтесь к чертям собачьим, — вскипел Крис и пошел прямо на двоих, стоявших впереди. Сзади один схватил его за руку и развернул на сто восемьдесят градусов. Свободной рукой Крис дал ему в зубы, и он упал.

”Ну что у меня за проклятый характер!”

Двое навалились на него, и, пока он отбивался, третий стукнул его дубинкой в скулу. Он почувствовал новый прилив сил и расшвырял бандитов, но тут поднялся первый и двинул ему в глаз так, что в первую секунду ему показалось, будто он ослеп. Он пошатнулся и стукнулся спиной о стену. От нового удара дубинкой Крис упал на четвереньки, и земля перед ним закружилась волчком.

— Вставай, еврейчик!

Крис посмотрел вверх. Один склонился над ним с дубинкой, другой — с разбитой бутылкой, у третьего была раскровавлена губа, а четвертого разглядеть не удалось. В голове у Криса прояснилось, и земля перестала вертеться. Он вскочил и двинул плечом того, что с осколком бутылки, стараясь вырваться из окружения. Тот свалился, но Криса начали бить ногами, прижав к стене и скрутив ему руки. Главарь банды осветил ему в лицо фонариком.

— Еврей, — сказали бандиты, разглядев черты смуглого итальянца, — все в порядке.

— Так-то оно так, да уж больно хорошо он дерется для еврея, лучше бы проверить, кто такой.

— А какая разница? Забирай деньги, и дело с концом.

— Святая дева! Посмотри-ка на его документы! Никакой он не еврей!

— Мотаем отсюда!

Когда к Крису вернулось сознание, он увидел склонившуюся над ним испуганную пару.

— Помогите...

— Не тронь его, — сказала женщина, — ты что, не видишь, что это еврей. Перелез через стену. Идем, пока не нагрянули охранники.

Глава двадцать седьмая

Через неделю вернулся в Варшаву Хорст фон Эпп. Войдя в церковь Святого Креста, он заметил в первом ряду стоявшего на коленях Крису и опустился рядом с ним.

— Господи! Что с вами? — спросил Хорст.

— Меня приняли по ошибке за еврея.

— Скверная ошибка в наши дни.

— Видели бы вы меня неделю назад!

— Думаю, отсюда лучше уйти, — сказал Хорст, кивнув на маленькую урну с сердцем Шопена на алтаре. — Пройдемся, а то, может, в урне микрофон спрятан. В урне — это что! Сегодня за завтраком я нашел микрофон, вмонтированный в сахарницу.

На улице они зажмурились от солнца. Крис надел темные очки, чтобы заодно скрыть синяки, и они пошли по Новосвятской. По другой стороне за ними шли двое, а машина фон Эппа медленно ехала рядом.

— Чудная система, — сказал фон Эпп, — не поймешь, кто за кем следит. Ну, как на русском фронте?

— Сплошная победа фатерланда⁵². Беда в том, что передача сообщений о ваших славных успехах заняла у меня черт знает сколько времени.

— От души сочувствую. Сегодня утром восстановили вашу линию со Швейцарией. Кредины несчастные. Стоит мне уехать из Варшавы, как они впадают в панику.

— Розенблюма мне тоже вернули?

Они перешли на другую сторону.

— Вы очень выразительно молчите, Хорст, — не унимался Крис.

— Не будьте ребенком.

— Он — моя правая рука.

— Я же вас предупреждал, что не знаю, как долго мне удастся держать его вне гетто.

Они остановились на перекрестке, где Иерусалимские аллеи переходят в аллею Третьего мая. Вой сирен задержал все движение. Мимо них проехали два мотоцикла, за ними — командная машина, а за ней — грузовики с новобранцами. На некоторых пели. Колонна направилась к недавно восстановленному мосту на Прагу.

”Пушечное мясо для Восточного фронта”, — подумал Крис.

— Вызывал меня к себе Шрекер, спрашивал о Розенблюме. Все напустились на меня из-за него. Для вас обоих лучше, если он будет находиться в гетто, иначе на вас, Крис, неизбежно падут всякого рода подозрения. Известно, что у него есть совершенно определенные связи по всей Варшаве, ему, видно, недолго осталось до гестапо. Так что не просите меня за него.

Фон Эпп прав. Немцам нужно быть полными идиотами, чтобы разрешить Розенблюму свободно заниматься своими делами.

— Если вам нужен помощник — ради Бога! Только возьмите себе в этом качестве какого-нибудь арийца.

Крис кивнул. По Висле одна за другой плыли баржи с оружием для Восточного фронта.

— И все это вас ничуть не тревожит, Хорст? — спросил Крис, глядя на баржи.

— Всем известно, что войну начали евреи, — проскандировал Хорст в ответ.

— По другую сторону ваших линий я видел вещи, которые так легко не объяснить.

— Поверьте мне, Геббельс всему найдет объяснение. Что до нас всех, то очень просто: мы прикинемся невинными овечками и скажем: "Приказ есть приказ. А что нам оставалось делать?". Слава Богу, у мира короткая память.

— Когда же этому придет конец?

— Конец? Но мы не можем остановиться прежде, чем произойдет одно из двух: либо мы завладеем миром, либо нас разнесут в пух и прах. Кроме того, не судите нас строго. Завоеватели никогда не удостаивались наград за добродетель. Мы несколько не хуже десятка других империй, правивших миром.

— И потому вы правы?

— Дорогой Крис, правда — неотъемлемая прерогатива победителей. Они всегда правы — неправ всегда побежденный. Словом, на вашем месте я временно примкнул бы к нам, потому что, судя по ходу событий, мы, возможно, на много веков станем Вавилоном, Римом, империей Чингис-хана и Оттоманской, вместе взятыми.

— Ничего себе перспектива.

— Беда с вами, Крис, — рассмеялся Хорст и сильно хлопнул его по спине. — Вы видели на фронте только негативную сторону вещей. Варшава — награда воину. Снимите с себя узду. Как насчет того, чтобы провести приятный вечерок?

Вы, я, две дамы... Хильда говорила, что вы были с ней очень милы в последний раз.

— Иногда у меня нервы сдают, и Хильда приводит их в порядок. Особенно когда я в запое.

— Черт с ней, с Хильдой. Уступлю вам на сегодняшний вечер кое-что из моих тайных личных запасов. Восемнадцать лет, но уже спелый персик. И где только эта девица обрела мастерство! Она вам...

Шум грузовика заглушил его слова.

Крис посмотрел на фон Эппа. Тот явно наслаждался сигарой.

Крис вспомнил кровавую бойню, виденную им на подступах к Киеву. Нет, нужно что-то предпринять. Как можно скорее. Сейчас. Сию минуту. Фон Эпп — его единственный шанс. "Давай, Крис, действуй, завтра может оказаться поздно", — подстегнул он себя.

— Я хочу побывать в гетто, — быстро произнес Крис, пугаясь собственной смелости.

— Ну что вы, Крис, — сказал фон Эпп, скрывая свою радость. — На нас же обоих падет тень.

Наконец-то его долготерпение вознаграждается. Он с самого начала подозревал, что Крис темнит. И желание остаться в Варшаве любой ценой, и отказы от пирушек, хотя за ним водится слава волокиты, что-то да значат.

— Мне необходимо повидать Розенблюма, закончить кое-какие дела.

— Ну, если вы настаиваете, — фон Эпп поднял руки, мол, "сдаюсь", и посмотрел на часы. — Будь по-вашему.

Он поискал глазами следовавшую за ними машину, которая остановилась под мостом.

— Подбросить вас в город?

— Спасибо, я пройду. До скорого.

— Подумайте все-таки хорошенько, стоит ли ходить в гетто, — сказал Хорст и быстрым ша-

гом пошел к машине.

— Хорст!

Немец обернулся и увидел, что Крис стремительно идет к нему, как человек, принявший отчаянное решение.

— Допустим, я хочу забрать кое-кого из гетто...

— Розенблюма?

— Нет, женщину с детьми.

— Какую женщину?

— Мою бабушку.

Хорст фон Эпп улыбнулся. Кристофер де Монти раскрыл-таки свои карты. Каждого человека можно купить — фон Эпп лишь выяснял, какой ценой. Большинству достаточно небольшой взятки или одолжения. Шантаж тоже часто помогает: почти у всех рыльце в пушку. Но это для мелкой сошки. А Кристофер де Монти — крепкий орешек.

— Насколько это для вас важно? — спросил Хорст.

— Важнее всего на свете, — выпалил Крис.

— Думаю, можно будет устроить.

— Как?

— Ей придется подписать заявление, что она не еврейка. Вы же знаете, у нас предусмотрены формуляры на все случаи жизни. Вы на ней женись, усыновите детей, это делается быстро, и отошлете ее в Швейцарию как жену итальянского гражданина.

— Когда я получу пропуск в гетто?

— Когда договоримся о цене.

— Значит, как Фауст — заложить душу Мефистофелю?

— Именно так, Крис. Цена будет высокой.

Глава двадцать восьмая

· В отвратительном настроении прождал Андрей две недели, пока ему удалось выйти на человека, известного под именем Роман, который возглавлял подпольную Армию Крайову.

Наконец через сверхсекретные каналы ему сообщили, что Роман его примет. Гора спала у него с плеч. Встреча в Праге. Переезд через реку с завязанными глазами. Десятка два лишних поворотов, чтобы окончательно его запутать. Люди разговаривают шепотом, ведут его куда-то вверх по тропинке.

Дверь. Какое-то закрытое помещение. Трудно понять, где он.

— Можете снять повязку, — произнес кто-то на безупречном польском языке.

Глаза немного привыкли к полутьме. Большой амбар. Керосиновая лампа на полке. Щели затянуты рядом, чтобы свет не проникал наружу. Раскладушка. Какие-то садовые инструменты.

В мерцающем свете лампы показалось лицо Романа. Сотни раз встречал Андрей людей этого типа. Высокий блондин, большой лоб, вьющиеся волосы. Во взгляде нескрываемое высокомерие польского аристократа, ироническая улыбка, насмешливый изгиб тонких губ. Андрей мог бы рассказать его биографию. Сын графа, помещик, растраченное состояние, средневековая ментальность. Перед войной жил, вероятно, на юге Франции. Польша его заботит постольку, поскольку поместья приносят доход. Да и видел-то он Польшу только в сезон, когда в Варшаву съезжалось высшее общество.

Андрей угадал. Подобно многим людям своего круга, Роман после оккупации и отъезда в Англию вдруг ощутил себя патриотом и, поскольку это считалось хорошим тоном, вошел в состав

польского правительства, эмигрировавшего в Лондон. Столица Англии была наводнена поляками, любившими послушать Шопена, почитать стихи и предаться воспоминаниям о Варшаве "добрых старых времен".

Он нелегально вернулся в Польшу, чтобы работать в подполье с Армией Крайовой, — романтическая игра, конечно. Рабочая одежда только подчеркивала его аристократическое изящество.

— Вы, однако же, настойчивы, Ян Коваль, — сказал Роман Андрею.

— А вы столь же неуловимы, — ответил Андрей.

— Сигарету?

— Не курю.

— Вы — Андровский? — Роман закурил сигарету с длинным мундштуком.

— Да.

— Помнится, я видел вас в Берлине на Олимпийских играх⁵³.

У Андрея появилось неприятное чувство, не раз испытанное им прежде в присутствии таких людей, как Роман. Он читал его тайные мысли: "Еврейчик. У нас в поместье было две еврейские семьи. Одна — портного. Его сын носил пейсы. Я отстегал его как-то кнутом, а он сдачи не давал, только молился. Второй еврей зерном торговал. Мошенник и вор. Отец вечно ходил у него в должниках..." Напряженная улыбка Романа не могла скрыть неистребимой вековой ненависти.

— К сожалению, — сказал он, — мы сами сейчас в таком положении, что вряд ли можно рассчитывать на нашу помощь. Возможно, в дальнейшем, когда мы будем лучше организованы...

— Вы заблуждаетесь относительно цели моего визита. Я представляю только самого себя. Я хотел бы служить в Армии Крайовой, желательно в командном составе боевых частей.

— Ах, вот как, — Роман покрутил в своих арис-

тократических пальцах мундштук. — Это совсем другое дело. Но Армия Крайова, разумеется, действует сейчас в иных условиях, чем в мирное время. Она состоит исключительно из добровольцев. Дисциплину в ней нельзя поддерживать такими простыми способами, как отправка на гауптвахту или лишение недельного жалованья.

— Не понимаю, к чему вы клоните.

— Просто к тому, что мы не хотим создавать ненужных осложнений.

— Каких, например?

— Видите ли, пребывание в наших частях такого человека, как вы, нежелательно. Возможно, нельзя будет заставить людей подчиняться вам. И... возможно, вы сами будете чувствовать себя не в своей тарелке.

— То есть, евреям у вас не место?

— В общем-то, да.

— Тридцать тысяч еврейских солдат в польской военной форме пали во время немецкого нашествия...

Андрей остановился. В глазах Романа он читал: "Если бы не евреи, мы не оказались бы в таком положении".

— У меня есть встречное предложение. Я знаю все ходы и выходы во всех шестнадцати гетто. Разрешите мне создать наше особое подразделение Армии Крайовой.

— Дорогой мой... э... Ян Коваль, — отвернувшись от Андрея, сказал Роман, — неужели вы не понимаете, что это только усугубит трения?

* * *

— Какая мерзость! — вспыхнула Габриэла.

— Да нет, мне следовало заранее это знать.

— Что же теперь?

— Назад пути нет. Утром уеду в Люблин.

По лицу Габи прошла тень. Что ж, рано или

поздно Андрей принял бы страшное для нее решение.

— У бетарцев, — продолжал он, — заготовлены заграничные паспорта и визы. В память о прошлом они дадут мне паспорт и деньги, чтобы уехать. Поеду в Германию, в Штеттин, оттуда довольно легко добраться пароходом до Швеции. Из Швеции переберусь в Англию, а там присоединюсь к военному руководству польского эмигрантского правительства. Если они меня не примут, пойду в английскую армию. Должен же кто-нибудь в этом мире дать мне возможность сражаться!

Габриэла кивнула. Она знала, что ему не будет покоя, пока он не возьмется за оружие.

— А как же мы? — прошептала она.

— Поезжай в Краков, к американцам. Томпсона, правда, выслали, но ведь у тебя там еще остались друзья. Они тебя переправят. Встретимся в Англии, Габи.

— Я не хочу с тобой расставаться.

— Нам нельзя ехать вместе.

— Андрей, мне страшно.

— Но другого выхода нет.

— Андрей, это безумный план, в нем масса уязвимых мест. Если ты завтра уедешь и я тебя больше никогда не увижу...

— А знаешь, что мы раньше всего сделаем, — он нежно закрыл ей рот рукой и обнял так, как давно, давно уже не обнимал, — когда встретимся в Англии?

— Нет, — она отняла его руку от своих губ.

— Поженимся, конечно!

— Андрей, мне так страшно.

— Ну, ну, перестань, — он погладил ее по волосам, потер легонько затылок, и она улыбнулась. — Мне нужно идти в гетто. У меня в квартире кое-что осталось. Ничего ценного, но есть вещи, которые мне дороги, хочу оставить их Ра-

хель, Стефану и Деборе. — Он встал. — Вот как все складывается, а я так хотел быть на бар-мицве у Стефана. Ну, да что уж теперь говорить.

— Возвращайся поскорее, дорогой.

Андрея потрясли изменения, произошедшие в гетто за несколько недель его отсутствия. Положение резко ухудшилось. С наступлением зимы трупы на улицах стали обычным делом. Воздух наполнился запахом смерти, тихими стонами, напряженным ожиданием неизбежного.

Андрей пошарил в почтовом ящике, надеясь найти там нарукавные повязки Рахель и Вольфа: если бы ребята были наверху, он поболтал бы с ними, но повязок не было.

Квартира была в том же виде, в каком он ее оставил. Он обвел ее взглядом. Книги. Часть Вольфу, часть Стефану. Прочтет потом -- если оно вообще наступит, это "потом". Когда-то ослепительно блестящие его военные награды потускнели. Он положил их в ящик. Стефан наверняка захочет взять их себе. Патефон с пластинками — Рахель. Что еще? Всякие мелочи. Альбом с фотографиями. Овальные коричневые снимки мамы и папы. А вот снимок, сделанный на его бар-мицве. Дебора, конечно, захочет взять себе этот альбом.

Пойти к Алексу? Повидаться с Рози и с Сусанной? Он слышал, что они поженились. Ясно, нужно пойти. Черт, нет ничего хуже прощания. Но через это нужно пройти. Не на прогулку же он отправляется.

Он сел за стол и написал, кому что оставляет. Приписал прощальные слова, промокнул записку. Рахель и Вольф ее найдут.

Скрипнула дверь. В комнату вошел Шимон Эден.

— Мы тут установили круглосуточный наблюдательный пост в надежде, что вы вернетесь.

Андрей не хотел начинать спор с Шимоном, не

хотел, чтобы влияли на его решение, взывали к его совести.

— Я всю жизнь провел в спорах — хватит! — с ходу закричал Андрей.

— Я пришел не спорить, а спросить, что вы собираетесь делать. Мои люди на арийской стороне сказали, что вы связались с Романом. Принял он вас в Армию Крайову?

— Они принимают только польских католиков в десятом поколении.

— Я и сам мог вам это сказать. В партизанских отрядах убивают евреев, чтобы забрать их сапоги и оружие. Мог я вам сказать и о том, что Армии Крайовой не нужны еврейские подразделения. Вы собираетесь еще предпринимать попытки?

— Да.

— Странный мы народ, Андрей. Индивидуалисты, каких свет не видел. Не дай Бог тронуть наше право искать истину своим собственным путем. Иногда до смешного доходит, сколько у нас ответов на один и тот же вопрос. И как мы умеем его запутать своими рассуждениями, даже если это самый что ни на есть простой вопрос.

— Не заговаривайте мне зубы, Шимон. Я сказал, что не хочу спорить, а вы меня втягиваете в спор.

— Должен вам сказать, что вы питали слишком большие надежды.

— Я? Единственное, чего я всегда хотел...

— Да знаю я, чего вы всегда хотели. А вам в голову никогда не приходило, что у нас в гетто нет шестисот тысяч Андреев Андровских? Есть просто люди как люди. Цепляются за жизнь, за магическую кенкарту, дающую им право на принудительный труд. А некоторые даже торгуют своими дочерьми... попрошайничают... пресмыкаются...

— У вас нет вождей! — выпалил Андрей.

— Вы забыли, что эту страну растерзали, а вождей убили? У вас хватит духу сказать, что Александр Брандель не вождь? А Дов Земба? А Эммануил Гольдман, думаете, не был вождем? Может, вам пришлось бы краснеть за Вольфа Бранделя? Андрей, Алекс ничего не видит, кроме голодных детей, и ничего не слышит, кроме их крика. У него есть только одно стремление — накормить их. Черт подери, он сражается, как лев, только на свой лад...

— Спасибо за лекцию, — Андрей поднялся со стула.

— Да послушайте вы меня еще минутку, — схватил его за рукав Шимон.

Андрей вырвал руку, но он слишком уважал Шимона, чтобы грубо выставить его.

— Валяйте.

— Вы лезете на рожон, вам непременно нужно умереть ни за понюшку табаку. Не будет подпольной армии, пока народ ее не хочет. Сейчас у нас конец сорок первого, в сорок втором он уже захочет. Люди слышат о массовых убийствах на востоке, видят, как в гетто каждый день умирают сотнями, они уже не так боятся репрессий, как раньше, и не так уже уверены, что Брандель выбрал верный путь для выживания. Андрей, любые идеи, любые мысли хороши или плохи в зависимости от того, наступил для них подходящий момент или нет. Раньше для борьбы подходящий момент не наступил. Теперь он приближается. Люди начали подумывать о сопротивлении, поговаривать о нем. Начали замышлять заговоры, задумываться о снабжении оружием.

Андрей снова сел, а Шимон продолжал говорить.

— Так много было упущено, — пробормотал Андрей, — так много...

— Свяжитесь снова с Романом.

— С этим негодяем?!

— Оставьте свои чувства в стороне. Нажмите на него относительно оружия.

— Вы с ума сошли, Шимон! Армия Крайова ни шиша нам не даст, они придумают любые отговорки. У Петра Варсинского банда головорезов, а в гестапо тысячи доносчиков. Наша связь с арийской стороной держится на волоске. Настоящего единства нет, достать оружие негде.

— Вам нужна победа или право сражаться?

— Так вы, значит, теперь на моей стороне, Шимон? Да?

— Купите оружие, — сказал Шимон, вынимая из кармана пачку стозлатовых.

* * *

Заслышав на лестнице бодрые шаги Андрея, Габриэла сразу поняла, что случилось что-то хорошее. Он распахнул дверь, весь сияя, выложил на стол деньги, подхватил ее на руки и закружил по комнате.

Впервые с начала войны Андрей выглядел довольным. Нужно было столько сделать, а его же друзья становились ему поперек дороги, но слава Богу, теперь они на его стороне. Поняли еле-еле, что нужно найти способ защищаться самим. Еле-еле и с большим опозданием, но это уже неважно.

Глава двадцать девятая

Крис оставил машину у входа в гетто напротив площади Железных ворот. Охранник из польской синей полиции, ковыряя в зубах, проверил его пропуск и поднял шлагбаум. Не успел Крис пройти и нескольких шагов, как к нему подошли двое

верзил в длинных серых шинелях и зеркально начищенных сапогах — теперь из еврейской полиции.

Крис быстро нашел дорогу. От Розы он знал, что с Деборой легче всего повидаться в приюте на Низкой. Гетто кишело доносчиками, но Крис считал Хорста слишком умным и хитрым, чтобы пользоваться такими грубыми методами, как прямая слежка. Хорст и без того держит его на крючке, если будет чересчур давить, может и упустить добычу.

Он шел вдоль стены, за которой "польский коридор" делил гетто на большое и малое. На улицах стояла вонь от неубиравшегося мусора, в нос бил едкий запах гнили. Крис подошел к мосту через "польский коридор" в большое гетто и остановился, как вкопанный: у подножья лестницы, ведущей на мост, лежал труп женщины. Крис отступил назад. На Восточном фронте он видел тысячи трупов, но здесь... Умереть от голода — это совсем другое дело. Прохожие обходили труп, не обращая на него внимания.

Крис поднялся на мост. Колючая проволока произвела на него жуткое впечатление. Он посмотрел вниз на "польский коридор". Как часто стоял он там, внизу, глядя оттуда вверх, в надежде увидеть Дебору. Там же на него напали хулиганы и избили...

Он быстро направился в большое гетто. Швейная фабрика доктора Франца Кенига обнесена колючей проволокой. За ней медленно движутся полумертвые от голода рабочие. Усиленно орудует на сторожевых постах еврейская полиция. От этой картины темнеет в глазах.

Он пошел по маленькой площади.

— Нарукавные повязки! Покупайте нарукавные повязки!

— Продаю книги. По двенадцать злотых десятков! Спиноза — ползлотого, Талмуд — четверть.

Собрание мудрости. Всю жизнь коллекционировал. Купите оптом на растопку. Дайте моей семье прожить еще день!

— Продаю матрац без единой вши! Ручаюсь!

— Подайте злотый, — преградили дорогу Крису двое детей. Кожа да кости. Один, не переставая, ныл, второй, поменьше, не поймешь, братик или сестричка, от слабости уже и ныть не мог — только губы дрожали.

— Желаете побыть в женском обществе? Красавица. Из хасидской семьи. Девственница. Всего за сто злотых.

— Скрипка моего сына. Привезена из Австрии перед войной. Пожалуйста... замечательный инструмент.

— Сколько дадите за мое обручальное кольцо? Золото высшей пробы.

Длинная очередь за похлебкой. Задние напирают, перешагивают через человека, который упал замертво, не дойдя до окошка раздачи. Старик свалился в канаву из-за голодного обморока — никто даже не взглянул в его сторону. Ребенок сидит, прислонясь к стене. Весь искусан вшами. У него жар. И на него никто не обращает внимания. Гремят громкоговорители: "Ахтунг! Всем евреям четырнадцатого района завтра в восемь ноль-ноль явиться в Еврейский Совет для отправки на добровольные работы. За неявку — смертная казнь". Мучные, мясные, овощные короли из Могучей семерки, не теряя времени, ведут свою торговлю прямо у стены, в подъездах, во дворах. Посреди улицы Заменгоф стоит нацистский сержант из "Рейнхардского корпуса" Зигхольда Штутце, его объезжают велосипедные рикши (основной вид транспорта), каждый рикша останавливается перед "хозяином", снимает шапку и кланяется. Дзынннь, дзынь-дзынннь! Битком набитый трамвай с большой звездой Давида

спереди и по бокам. "Ахтунг! Всем евреям! Зеленые талоны на продукты с сегодняшнего дня недействительны". Кругом развешаны приказы. "По распоряжению Еврейского Совета, дом №33 по Гусиной объявляется заразным". Стены облеплены остатками подпольных газет и листовок, сорванных еврейской полицией. Еврейская полиция. Жирные боровы. Подгоняют дубинками колонну несчастных девушек, тянущуюся на фабрику щеток.

Белый, как мел, Крис опустился на стул в кабинете Сусанны Геллер. Она закрыла дверь и подошла к нему. Он встал, пошатываясь.

— Мне жаль, что я не мог прийти сюда раньше, — сказал Крис. — Я вернулся с фронта, и на меня навалились всякие неприятности. Вы же знаете, что мне не так просто сюда попасть.

Сусанна не шевельнулась, не произнесла ни звука.

— Я старался вернуть Розу.

— Не сомневаюсь, что вы сделали все от вас зависящее, — холодно произнесла она, — но хорошо, что он в гетто. С его еврейским носом хулиганы все равно не дали бы ему покоя, даже при его легальных документах.

— Где он?

— Мы живем на Милой, 18, там, где все.

— Господи, — вспомнил Крис, — я даже не принес вам свадебного подарка.

— Неважно.

— Сусанна, чем я могу вам помочь?

— Более пустого вопроса придумать нельзя, — сказала она, подходя к стеклянной двери и глядя на сдвинутые вплотную кровати с сотней тифозных детей.

— Сусанна, что я такого сделал...

— Ничего, Крис. Но одно вы сделать можете. Для меня и для Ирвина это будет лучшим сва-

дебным подарком. Вы знаете, чем Ирвин занимается. Вот я и прошу вас не выдавать его немцам.

— Мне обидно, что вы сочли нужным просить меня об этом.

— Пожалуйста, господин де Монти, — Сусанна повернулась к нему, — без проповедей о чести и гуманности.

— Розы — мой друг, и...

— Хорст фон Эпп тоже.

Крис остолбенел.

— Простите, что говорю вам неприятные вещи, Крис. Времена теперь неприятные. Когда человек старается выжить, он и старому другу может нагубить. А теперь я, с вашего разрешения, пойду работать...

— Я хочу повидаться с Деборой.

— Ее здесь нет.

— Она здесь.

— Она не хочет вас видеть.

— Она должна со мной повидаться.

— Я ей передам.

— Сусанна, минутку... Вы близкие подруги уже много лет...

— На факультет медсестер из пятидесяти абитуриентов приняли всего двух евреек. Вот мы и сблизились — из чувства самосохранения.

— Вы в курсе того, что...

— Ирвин — мой муж и доверяет мне.

— У меня есть возможность вывезти ее с детьми из Польши.

Сусанна обернулась. На ее невыразительном лице было написано удивление. Многие ей не нравились в де Монти, но в одном она никогда не сомневалась: он любит Дебору.

— Вы можете на нее повлиять?

— Не знаю, — ответила Сусанна. — В такой напряженной обстановке с людьми происходят странные вещи. Большинство идет на что угодно

— только бы выжить. Многие готовы душу заложить, теряют всякое представление о чести, становятся тряпками. Но некоторые находят в себе невероятные силы. Для десятков и сотен детей Дебора стала олицетворением добра. Более слабая женщина, полагаю, ухватилась бы за возможность спастись бегством...

— Передайте ей, что я ее жду, — сказал Крис.

* * *

Ему понадобилось собрать все силы, чтоб не броситься к Деборе, не стиснуть ее в объятиях. Она похудела, усталость наложила на нее отпечаток, но она стала еще красивее. В глазах светилось сострадание, какое бывает только у тех, кто много выстрадал сам. Они стояли друг перед другом, опустив головы.

— Все эти месяцы я ни на минуту не переставал тосковать по тебе, — пробормотал он.

— Здесь не место и не время для любовных объяснений, — твердо сказала она. — Я только потому и согласилась выйти к тебе, чтобы избежать неприятных сцен.

— В тебе так много жалости к другим, почему же ко мне нет ни капли? Хоть бы одно ласковое слово за все часы, что я простоял под мостом в надежде только взглянуть на тебя, за все ночи, когда я напивался в стельку, чтобы забыть свое одиночество.

Ее непримиримость как ветром сдуло. Она была жестокой. Нехорошо. Она села, уронив руки на колени.

— Выслушай меня спокойно, — взмолился Крис. — У меня есть возможность вывезти тебя с детьми из Польши.

Дебора прикрыла глаза и сдвинула брови, словно пытаясь сообразить, о чем он толкует, потом

украдкой посмотрела на него.

— Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Здесь работы выше головы, каждый день умирают дети, каждый день мы теряем двоих-троих, а то и четверых...

— Дебора, твой народ тебя не осудит: это не грех — спасти собственных детей.

Этот довод ее смутил.

— У меня дети сильные, — постаралась она найти веский аргумент. — Мы будем бороться всей семьей. У Рахель и у меня есть работа...

— Выслушай меня, — опустил он перед ней на колени. — Я видел Киев через неделю после того, как в него вошли немцы. Специальные подразделения собрали десятки тысяч евреев. Их выискивали в подвалах, на чердаках — где угодно. Украинцы помогали их вылавливать. Их погнали за город — место это называется Бабий Яр, — выстроили на краю рва и расстреляли. В кого не попала пуля — добились штыками. Потом то же самое сделали со следующей партией и со следующей. Так продолжалось три дня⁵⁴...

Дебора смотрела на него недоверчиво.

— Я своими глазами видел!

— Пауль спасет нас.

— Пауль себя опозорил, продался им, они ни за что не оставят его в живых.

— Пауль на это пошел только ради нас.

— Ты же сама в это не веришь. Ради себя он на это пошел. Послушай, ты уедешь, я тебя силой увезу, но не дам тебе здесь умереть. Мне нужно, чтобы ты осталась жива — больше ничего.

— Я не могу его бросить, — сказала Дебора.

— Поговори с ним, хотя, уверен, он скорее даст тебе умереть вместе с детьми, чем останется один.

— Неправда!

— Спроси его!

Дебора хотела пойти к дверям, но Крис схватил ее за руки.

— Я от тебя не отстану, день и ночь буду ждать у стены.

— Пусти меня!

— Мало мы с тобой наказаны, ты хочешь, чтобы еще и дети стали жертвами?

— Пожалуйста, Крис! — взмолилась она.

— Скажи, что ты меня не любишь, и я перестану тебе навязываться.

Дебора припала к его груди и тихо заплакала. Крис нежно обнял ее.

— В том-то и есть мой самый большой грех, что я тебя по-прежнему люблю, — прошептала она и, выскользнув из его объятий, убежала.

* * *

Пауль дремал, сидя на стуле. Она очень беспокоилась за него с тех пор, как немцы перевели Еврейский Совет в большое гетто, на угол Заменгоф и Гусиной, в здание бывшей почты. Она не сомневалась, что и они скоро вынуждены будут переехать — немцы выселяли из малого гетто дом за домом.

Дебора подняла глаза от книги и посмотрела на него. В последние дни он часто замолкал на середине фразы, уставившись в одну точку, потом приходил в себя. Он хотел одного: спать! — и принимал большие дозы снотворного, чтобы не думать о немецких приказах.

Она знала, что детям стыдно за него, хотя они об этом никогда не говорили.

”Господи, и зачем я только согласилась встретиться с Крисом? Ни один здравомыслящий человек не устоял бы перед возможностью вырваться из этого ада”. Она все меньше и меньше могла помочь несчастным детям в приюте. Бабий Яр...

Неужели такое может случиться в Варшаве? Правильно ли она поступила, отказавшись спасти жизнь Стефану и Рахель? Но Рахель не оставит Вольфа. Дебора в этом так же не сомневалась, как и в том, что сама она не оставит Пауля. Может, нужно отправить Стефана одного? Но ведь он упрям, как его дядя Андрей. Он так и рвется в бой. Кто-кто, а он-то будет сражаться. Допустим, она спросит Пауля: что ты предпочитаешь, чтобы мы уехали или умерли? Неужели Пауль настолько одержим стремлением выжить любой ценой, что из страха даст семье умереть?

Пауль проснулся и взглянул на Дебору. Ее черные глаза смотрели на него вопросительно.

— Я задремал, наверное. Почему ты на меня так смотришь? — пробормотал он. — Ты хочешь меня о чем-то спросить?

— Нет, — сказала она, — мне и так все ясно.

Глава тридцатая

Из дневника

*Вы в киношку не ходите,
Вы вокруг себя смотрите!
Звезды там и звезды тут,
Настоящий Голливуд.*

*С приветом
Натан-Придурок.*

Ирвин замечательно работает директором сектора культуры. Теперь в гетто есть большой симфонический оркестр, пятнадцать театральных трупп на идише и на польском, нелегальная школа начального и религиозного обучения в каждом приюте, устраиваются выставки, поэти-

ческие вечера, дискуссии и т.д. и т.п. Многие артисты выступают с гастрольными группами. Большой популярностью пользуется Рахель Бронская, она играла Второй концерт Шопена с симфоническим оркестром. Ее называют "ангелом гетто". Жаль, что Эммануилу Гольдману не довелось дожить до ее успеха.

Все это хорошо, но наше положение продолжает ухудшаться. Смертность от тифа и голода растет: в июле — 2200 случаев, в августе — 2650, в сентябре — 3300, в октябре — 3800, а в ноябре, который еще не кончился, — 150 случаев в день. Как ни странно, количество самоубийств неуклонно падает. Напрашивается вывод: наименее выносливые уже покончили с собой — остались те, кто во что бы то ни стало стремятся выжить. Каждое утро из домов выносят умерших от болезни и голода и кладут прямо на тротуар: нет денег хоронить. Санитарные бригады ходят с ручными тележками, складывают на них по двадцать-тридцать трупов, отвозят на кладбище и там закапывают в братские могилы. Ни на кого это зрелище уже не действует. Приходится вырабатывать в себе иммунитет.

Продуктов не хватает. Могучая семерка так взвинтила цены, что "Общество попечителей сирот и взаимопомощи" еле-еле может покупать самое необходимое. Семерка практически держит в руках все пекарни. Пекари в гетто — короли.

Мошенничество и спекуляции теперь в порядке вещей, прекратить их невозможно. У Наполеона ничего не вышло из его стараний, а у немцев — и подавно. Даже если бы они были честными-расчетными, а тем более, когда можно подкупить каждого охранника из еврейской полиции по эту сторону и из польской синей — по другую. Да и зачем немцам стараться прекратить спекуляцию? Их высшие чины сами набивают себе карманы взятками.

На самом низком уровне распространена такая форма добычи пропитания: юркие мальчишки выбирают из гетто через маленькие щели в стене или через один из шести подкопов под стеной. Бывает, что мальчишки — единственные кормильцы в семье. Не считаясь с опасностью, они рыщут по арийской стороне, роются в помойках, просят милостыню, воруют. Один несчастный мальчишка застрял в щели. Его избili полицейские с обеих сторон стены.

Центральное место переправки "левых" товаров находится за пределами гетто, там, где у еврейского и католического кладбищ общая стена. Пробитая во многих местах, она стала своеобразной "зоной свободной торговли". Главное передаточное звено — могильщики. Но доступ к этим кладбищенским операциям имеют только самые сливки спекулянтов.

Нет нужды говорить, что лучше всех организована и больше всех наживаетея Могучая семерка. Она подкупила всех снизу доверху, что, впрочем, не мешает немцам всякий раз, когда они изображают непричастность к такого рода делам, хватать кого-нибудь из Могучей семерки и расстреливать. Так немцы создают видимость, что Клеперман с ними не связан, а я уверен, что его всякий раз предупреждают.

Могучая семерка проложила под стеной трубу для перекачки молока с арийской стороны. Мешки с мукой и другими продуктами перебрасываются через стену в определенных местах и в определенное время. Как из-под земли вырастает приставная лестница, и за те несколько минут, пока охранник идет в другую сторону, продукты оказываются в гетто. Могучая семерка соорудила даже переносные сходни, по которым переправили живую корову. Но вершина их искусства — использование похорон для своих целей. Похоро-

ны доступны только богатым, и Могучая семерка прибрала к рукам эту церемонию. После похорон катафалки возвращаются в гетто, нагруженные продуктами. Я слышал, что когда с богатыми похоронами туго, Семерка их просто имитирует, отправляя из гетто пустые гробы. Для поддержания высоких цен она продает только часть продуктов, а остальные держит на складах, оборудованных в подвалах. Говорят, в подвале на Милой, 19, прямо напротив нас, устроен самый большой склад. Правда, он принадлежит "независимому" спекулянту Морису Кацу, у которого своя шайка.

Каких только чудес не бывает! По улице Лешно проходит причудливая граница "польского коридора". Стена делит пополам здание суда, так что в него можно войти с двух сторон: евреям — через подвал из гетто, полякам — через парадную дверь с арийской стороны. Встречаются они в некоторых комнатах, кабинетах, коридорах. У "аккредитованных" представителей Клепермана есть свои места в зале суда — совсем как купленные места на бирже (или как "свои" участки у лондонских проституток). Эти же "представители" торгуют золотом, долларами, драгоценностями, загребая безумные комиссионные.

Самое ужасное зрелище в гетто — "хапушники". Голодные дети вертятся у булочных, выхватывают хлеб из рук покупателей, когда те выходят на улицу, и, удирая, на бегу съедают его. Их часто избивают до полусмерти, но они и во время побоев жадно жуют хлеб.

Клуб добрых друзей назначил специальную группу для выяснения немецких планов, которые остаются непостижимой загадкой. Просачиваются сведения о массовых убийствах на востоке. Там, несомненно, есть четыре группы "акцион командос" СС, обученных методам массового уничтожения.

Метод такой: облава, жертвы сами роют себе могилу, раздеваются догола, им стреляют в спину. Ряды СС пополнились украинцами и литовцами. Доходят сведения о массовых убийствах в Ровно, Двинске, Ковно, Риге. В Вильно, говорят, убили семьдесят тысяч.

Мы пытаемся определить, какие перемены происходят в главных направлениях немецкой политики, возможны ли массовые убийства здесь, в Варшаве, и в генерал-губернаторстве; заготовлены ли у немцев цифры количества людей, которых они хотят использовать на фабриках с принудительным трудом.

Самая кощунственная сторона немецкого генерального плана состоит в том, что они создают видимость, будто все беды евреям причиняют сами же евреи. Подонки в еврейской полиции, бессильный Еврейский Совет, спекулянты — вот "окончательное оправдание" немцев для самих себя.

Какой у нацистов следующий проект? Кто знает? В письменном виде приказы из Берлина сюда не поступают (еще одно свидетельство того, что немцы понимают, что творят), генерал Альфред Функ передает их устно. Два новых выражения пущены немцами в ход. Мы не знаем, что за ними кроется, и это нас пугает:

- 1. "По пути к неизвестному месту назначения".*
- 2. "Окончательное решение еврейского вопроса".*

Александр Брандель

* * *

Только рабби Соломон мог позволить себе ходить по ночным улицам гетто. Свернув на Милую, он замедлил шаг — старые ноги сдавали, но потом снова заторопился. У дома №18 он посту-

чал в дверь. Открыла дежурная.

— Рабби, почему вы пришли среди ночи? — забеспокоилась она.

— Где Александр Брандель? — задыхаясь от быстрой ходьбы, едва выговорил он в ответ.

— Входите, входите.

Через рабочий кабинет Алекса они прошли по коридору до лестницы, ведущей в подвал. Девушка зажгла свечу, взяла старика за руку, и они спустились по скрипучим ступенькам. Он старался привыкнуть к темноте. В подвале было сыро. Между двумя рядами посылочных ящиков, пришедших на адрес "Общества попечителей сирот и взаимопомощи", был узкий проход. Она подвела рабби к сооружению метра в полтора высотой — нечто вроде упаковочной клетки, — шесть раз отрывисто постучала и, наклонив голову, вошла. Из-за ее спины рабби Соломон увидел Александра Бранделя и Ирвина Розенблюма.

— Рабби! Что случилось?

— Есть новость! Только что услышал по радио. Америка вступила в войну!

Примечания

Автор имеет в виду насильственное присоединение Австрии к Германии 11 — 12 марта 1938 г., т. наз. "аншлюс", а также Мюнхенское соглашение, заключенное 29 — 30 сентября 1938 г. Великобританией, Францией, Германией и Италией, которое предопределило захват Германией всей Чехословакии (1939).

Латкес — картофельные оладьи; популярное у ашкеназских евреев блюдо.

Рыдз-Смиглы Эдвард (1886 — 1941) — фактический диктатор Польши с 1935 г., маршал. В сентябре 1939 г. был главнокомандующим польской армии. После нападения Германии на Польшу бежал в Румынию.

Инаугурационная речь — речь, произносимая при торжественной церемонии вступления в должность главы государства или при коронации монарха. Здесь употреблено в ироническом смысле.

Сионисты-бетарцы — члены молодежной сионистской организации Бетар (аббр. слов Брит Йосеф Трумпельдор — Союз им. Йосефа Трумпельдора). Первое отделение Бетара было основано в Риге в 1923 г.; идеология Бетара сформировалась под большим влиянием В. Жаботинского, считавшего, что еврейская молодежь стран рассеяния, соответствующим образом подготовленная, со временем станет ядром легальной армии для защиты еврейского населения подмандатной Палестины.

Прага — район правобережной Варшавы.

Гут шабес (идиш) — доброй субботы.

Джесси Оуэнс (1913 — 1980) — американский спортсмен, чемпион Олимпийских игр 1936 года.

- ⁹ Кугл (идиш) — бабка с изюмом; обычно ее готовили на субботу в качестве сладкого блюда.
- ¹⁰ Бар-мицва (букв. "сын заповеди") — обряд, совершаемый по достижении еврейским мальчиком тринадцати лет; с этого момента мальчик считается взрослым и может исполнять все религиозные заповеди.
- ¹¹ Восстание Бар-Кохбы — антиримское восстание в Иудее в 132 — 135 гг. н.э. По своим размерам и накалу это восстание приобрело масштабы войны, представлявшей угрозу для всей Римской империи. Последней твердыней Бар-Кохбы была крепость Бетар в Иудейских горах; многие бетарцы связывали название своей организации с названием крепости Бетар.
- ¹² Сионисты-ревизионисты — созданная в 1925 г. В. Жаботинским новая партия в сионистском движении на основе ревизии линии политического руководства сионистской организации и возврата к политической концепции Т. Герцля. Главой новой организации, принявшей название Союз сионистов-ревизионистов, был избран В. Жаботинский. При ней было организовано молодежное движение Бетар.
- ¹³ Шикса (идиш) — нееврейка.
- ¹⁴ Намек на то, что библейский Моисей был женат на Циппоре (Сепфоре), дочери мидианского священника Итро (Иофора).
- ¹⁵ Хасидизм — еврейское религиозно-мистическое народное движение, возникшее во 2-й четверти XVIII в. Значительная часть приверженцев этого движения проживала на территории Польши.
- ¹⁶ Бялик Хаим Нахман (1873 — 1934) — крупнейший еврейский поэт нового времени. Родился на Украине, получил традиционное еврейское воспитание. В своем знаменитом "Сказании о погроме" (1903) Бялик пламенно призывал евреев к сопротивлению и говорил о том, что позор страшнее горя и смерти. В 1921 г. ему было разрешено покинуть советскую Россию, он поселился в Тель-Авиве и стал принимать активное участие в культурной жизни Эрец-Исраэль.

Гордон А. Д. (1856 — 1922) — один из основателей, идеолог и духовный руководитель халуцианского движения в сионизме. Свою мечту жить и работать на земле Эрец-Исраэль осуществил в 1904 г. Центральной для А.Д. Гордона идеей была "идея труда": из средства к существованию работа должна стать целью жизни человека, ее сущностью. Гордон считал, что только занятия земледелием обеспечивают органическую связь человека с землей. Он был ярким противником частной собственности, но отвергал марксизм, ибо видел в нем стремление урбанизировать мир человека и, кроме того, он не находил в марксизме ответа ни на один из фундаментальных вопросов бытия. Обаяние личности А. Д. Гордона, его жизнь оказали огромное влияние на современное ему поколение созидателей страны. Его сочинения были изданы посмертно.

Гои — неевреи.

Тора (букв. учение) — в узком смысле Пятикнижие Моисеево, первые пять книг Священного Писания. В широком смысле Тора состоит из Письменного и Устного учения (Письменная и Устная Тора).

Талмуд — основная книга еврейских законов, законченная к V в. н.э., содержащая правовые нормы иудаизма, устные предания, научные сведения и т.д. В Талмуд входят Мишна (собственно текст) и Гемара (комментарии).

Мидраш — общее название сборников раввинистических толкований Библии.

Киндер (идиш) — дети.

Храм (в Иерусалиме) — религиозный центр евреев, построен в X веке до н.э. при царе Соломоне. Так наз. Первый Храм был разрушен вавилонскими войсками в 586 г. до н.э. Так наз. Второй Храм был восстановлен в 516 г. до н.э. и разрушен римлянами в 70 г. н.э.

Иоселевич Берек (1764 — 1809) — еврей, полковник польской армии, участник восстания Тадеуша Костюшко и наполеоновских войн. Отличился в битве при Аустерлице (1805), был награжден крестом Почетного легиона. В 1809 г., при вторжении австрийской армии в

Польшу, погиб под Коцком. Несмотря на героизм, неоднократно проявленный Б. Иоселевичем в борьбе за польские национальные интересы, ему приходилось терпеть унижения и дискриминацию со стороны антисемитски настроенной польской военной аристократии. Польские евреи видели в Б. Иоселевиче символ мужества еврейского народа.

- 23 Поалей Цион (Рабочие Сиона) — социалистическое движение в сионизме, объединявшее ряд организаций рабочих сионистов. В Палестине первые ячейки Поалей Цион возникли в 1905 г.
- 24 В то время в Польше существовало множество социалистических сионистских партий различных ориентаций, начиная от немарксистской Хитахдут и кончая Поалей Цион, левая фракция которой была близка к коммунистам.
- 25 В годы британского мандата (1920 — 1948) Палестина (Эрец-Исраэль) управлялась английской администрацией, действия которой почти везде были направлены против интересов еврейского населения. По этой причине возникло еврейское подполье, боровшееся с англичанами. Группировки подполья придерживались различных взглядов на методы борьбы с англичанами.
- 26 Лехаим! (ивр.) — За здоровье!
- 27 Кенкарта — так называлось в оккупированной Варшаве удостоверение личности. Специальные отметки в нем давали право на обеспечение тем или иным количеством продуктов, указывали на род занятий обладателя кенкарты и т. д. У жителей арийской стороны Варшавы были особые кенкарты.
- 28 Баварский путч — фашистский путч в Мюнхене, проходивший 8 — 9 ноября 1923 г. и возглавленный Гитлером и Людендорфом. Был подавлен армией.
- 29 Павяк — тюрьма в Варшаве; в период фашистской оккупации одна из главных следственных тюрем немецкой полиции безопасности.
- 30 Маген-давид (ивр.) — букв. "щит Давида"; шестиконечная звезда, ставшая символом еврейского народа. Имен-

но поэтому нацисты приказывали евреям носить такую звезду на одежде.

Мессия (на ивр. Машиах) — букв. "помазанник"; в древности титул царей израильских, т.к. ритуал возведения на престол включал в себя помазание елеем. В дальнейшем мессией стали называть будущего царя Израиля, который, согласно еврейской традиции, восстановит разрушенное царство Израиля и соберет рассеянных по миру еврейских изгнанников в Земле обетованной. С приходом Мессии связывается также надежда на установление всеобщего мира и благоденствия.

Бунд (идиш, букв. союз) — Социалистический союз еврейских рабочих Литвы, Польши и России. Эта партия была основана в 1897 г. в Вильне на нелегальном съезде.

Резня в Вормсе — в 1349 г. в городе Вормсе (Германия) во время эпидемии чумы ("черной смерти") произошел еврейский погром. Некоторым евреям удалось бежать, остальные — сожгли себя или были убиты погромщиками.

СС — первоначально военизированные охранные отряды немецких фашистов; в период Второй мировой войны — войска особого назначения, выполнявшие карательные операции.

СД — служба безопасности фашистской Германии.

Гестапо — тайная государственная полиция в фашистской Германии.

Эйхман Карл Адольф (1906 — 1962) — немецкий фашистский военный преступник; член СС; с 1937 г. возглавил подотдел "по делам евреев" в имперском управлении безопасности. Во время Второй мировой войны участвовал в разработке и реализации планов физического уничтожения евреев в Европе; непосредственно руководил организацией транспортировки евреев в концлагеря. После разгрома фашистской Германии бежал в Аргентину. В 1960 г. был пойман израильской разведкой, привезен в Израиль, судим и приговорен к смертной казни. Есть сведения, что он изучал иврит.

Брит-мила — обряд обрезания младенцев, принятый у

религиозных евреев. Совершается на восьмой день после рождения младенца.

- 37 Мозл — лицо, совершающее обряд обрезания.
- 38 Мазл тов! (идиш) — Поздравляем!
- 39 Хора — групповой танец, популярный у еврейской молодежи как Палестины (сегодня — Израиля), так и стран рассеяния. Часто сопровождается пением.
- 40 Менора — семисвечник; здесь — синагогальный светильник.
- 41 Гáнев (идиш) — вор; мн. ч. ганувим.
- 42 "Синяя полиция", "синие" — бытовое название польской полиции в период оккупации.
- 43 Евреям свинину употреблять в пищу запрещено.
- 44 Суккот (или Праздник Кущей) — праздник в память скитаний евреев по пустыне после Исхода из Египта. Во время скитаний евреи жили в кущах — шатрах, шалашах. Суккот приходится примерно на сентябрь-октябрь и знаменует собой также осеннее завершение годового цикла земледельческих работ.
- 45 Ханукка — праздник, установленный Маккавеями, борцами за независимость Иудеи от греко-сирийского владычества, в память об отвоевании и освящении Иерусалимского Храма (164 г. до н.э.). Приходится приблизительно на ноябрь-декабрь.
- 46 Йом-Киппур (Судный день) — самый важный из еврейских праздников, день поста, покаяния и отпущения грехов.
- 47 Пасхальный седер — торжественная трапеза в первый вечер праздника Песах, увековечивающего память об Исходе евреев из Египта (XV в. до н.э.) и освобождении из рабства.
- 48 "Долина плача" — книга Йосефа Ха-Кохена (1496 — 1578), еврейского историографа, врача и филолога. "Долина плача" вышла в свет в 1558 г.; в ней автор расска-

зывает о "тяжелых испытаниях, выпавших на нашу долю со дня изгнания евреев из их страны".

Армия Крайова -- подпольная военная организация, действовавшая в 1942 -- 1945 гг. в оккупированной Польше. Подчинялась польскому эмигрантскому правительству в Лондоне.

"Акцион командос" -- специальные немецкие подразделения, занимавшиеся уничтожением евреев в гетто в ряде европейских стран во время Второй мировой войны.

Шалом алейхем! (ивр.) -- букв. "Мир вам!". традиционное еврейское приветствие.

Фатерланд (нем.) -- отечество.

С 1 по 16 августа 1936 г. в Берлине и Киле проходили XI Олимпийские игры. Правительство Гитлера использовало их для укрепления своего внешнеполитического престижа.

Бабий Яр -- овраг на бывшей окраине Киева, где, по официальным немецким сообщениям, 29 - 30 сентября 1941 г. был расстрелян 33771 еврей. Убийство осуществлялось специальными подразделениями СС с помощью украинской полиции. К концу власти нацистов в Киеве Бабий Яр стал братской могилой более 100000 человек, преимущественно евреев.

КНИГИ ИЗД-ВА „БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ”

1. Леон Юрис. ЭКСОДУС. Книга 1
2. Леон Юрис. ЭКСОДУС. Книга 2
3. Д-р А. И. Кауфман. ЛАГЕРНЫЙ ВРАЧ
4. Сарра Нешамит. ДЕТИ С УЛИЦЫ МАПУ
5. Арье (Лева) Элиав. НАПЕРЕГОНКИ СО ВРЕМЕНЕМ
6. Д-р Е. Хисин. ДНЕВНИК БИЛУЙЦА
7. Макс Брод. РЕУВЕНИ, КНЯЗЬ ИУДЕЙСКИЙ
8. 6 000 000 ОБВИНЯЮТ (Процесс Эйхмана)
9. А. И. Гешель. ЗЕМЛЯ ГОСПОДНЯ
10. НА ОДНОЙ ВОЛНЕ. Еврейские мотивы в русской поэзии
11. Натан Альтерман. СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО
12. Шаул Черниковский. СТИХИ И ИДИЛЛИИ
13. Теодор Герцль. ИЗБРАННОЕ
14. Ахад-Гаам. ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
15. Ахарон Мегед. ХЕДВА И Я
16. Яков Цур. И ВОССТАЛ НАРОД
17. Р. и У. Черчилль. ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА
18. ПРИДЕТ ВЕСНА МОЯ. Стихи советского еврея
19. Говард Фаст. МОИ ПРОСЛАВЛЕННЫЕ БРАТЬЯ
20. И. Домальский. РУССКИЕ ЕВРЕИ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ
21. Игал Аллон. ОТЧИЙ ДОМ
22. Юлия Шмуклер. УХОДИМ ИЗ РОССИИ
23. Хана Сенеш. ДНЕВНИК
24. ЕВРЕИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917 - 1967)
25. Ш. Й. Агнон. ИДО И ЭЙНАМ. Рассказы, повести, главы из романов.
26. Элизер Смоли. ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ
27. Тувия Божиковский. СРЕДИ ПАДАЮЩИХ СТЕН
28. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА. Книга 1
29. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА. Книга 2
30. А. Итай и М. Нейштат. ЧЕРЕЗ ТРИ ПОДПОЛЬЯ
31. Эли Люксембург. ТРЕТИЙ ХРАМ

32. С. Г. Фруг. СТИХИ И ПРОЗА
33. Р. Губер. КНИГА БРАТЬЕВ
34. ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ. Географический очерк
35. Дж. и Д. Кимхи. ПО ОБЕ СТОРОНЫ ХОЛМА
36. И. Башевис-Зингер. РАБ
37. Р. Бонди. ЭНЦО СЕРЕНИ
38. Иегуда Галеви. СЕРДЦЕ МОЕ НА ВОСТОКЕ
39. Шломо Цемах. ГОД ПЕРВЫЙ
40. Шаул Авигур. С ПОКОЛЕНИЕМ ХАГАНЫ
41. Ханох Бартов. ВОЗМУЖАНИЕ
42. Ружка Корчак. ПЛАМЯ ПОД ПЕПЛОМ
43. Бернард Маламуд. ПОМОЩНИК
44. ДРУЗЬЯ РАССКАЗЫВАЮТ О ДЖИММИ
45. МОЙ ПУТЬ В ИЗРАИЛЬ. Сборник очерков
46. Моше Натан. БИТВА ЗА ИЕРУСАЛИМ
47. Ицхак Маор. СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ
48. Ицхак Шенхар. СЫНЫ ЗДЕШНИХ МЕСТ
49. Генри Рот. НАВЕРНО ЭТО СОН
50. СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ
ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА
51. Моше Шамир. ОН ШЕЛ ПО ПОЛЯМ
52. Ахарон Мегед. ЗА СЧЕТ ПОКОЙНОГО
53. Давид Маркиш. ПРИСКАЗКА
54. МАКОВЫЙ ХОЛМ. Рассказы о жизни в киббуцах
55. Джон Орбах. РИКША
56. Иосеф Гедалия Клаузер. КОГДА НАЦИЯ БОРЕТСЯ
ЗА СВОЮ СВОБОДУ
57. Исаак Бабель. ДЕТСТВО И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ
58. Проф. И. Слуцкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 1
59. Проф. И. Слуцкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 2
60. Андре Шварц-Барт. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПРАВЕДНИКОВ
61. Эммануэль Литвинов. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО МАЛОЙ
ПЛАНЕТЕ
62. Владимир (Зеев) Жаботинский. ИЗБРАННОЕ
63. Мартин Бубер. ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
64. Макс И. Даймонт. ЕВРЕИ, БОГ И ИСТОРИЯ
65. Сол Беллоу. ПЛАНЕТА м-ра СЭММЛЕРА
66. ЕВРЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ. Сборник:
И. Кауфман. Библейская эпоха
Л. Финкелстайн. Еврейская вера и претворение ее в жизнь
Ш. Эттингер. Корни современного антисемитизма
67. А. Суцкевер. ЗЕЛЕНЫЙ АКВАРИУМ

68. АНТИСЕМИТИЗМ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ. Сборник
69. СКОПУС. Антология поэзии и прозы писателей-репатриантов из СССР
70. Ури Дан. ОПЕРАЦИЯ ЭНТЕББЕ
71. Моше Шамир. СВОИМИ РУКАМИ
72. Л. Коллинз и Д. Лапьер. О, ИЕРУСАЛИМ!
73. М. Новомейский. ОТ БАЙКАЛА ДО МЕРТВОГО МОРЯ
74. М. Гесс. РИМ И ИЕРУСАЛИМ
75. Ф. Кандель. ВРАТА ИСХОДА НАШЕГО
76. Ф. Баазова. ПРОКАЖЕННЫЕ
77. А. Шлионский. ГОРЫ ГИЛЬБОА
78. Иехуда Бурла. ПОХОЖДЕНИЯ АКАВЬИ
79. Х. Н. Бялик и И. Х. Равницкий. АГАДА
80. ИСКУССТВО В ЕВРЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ
81. ДВЕ КОНЦЕПЦИИ ЕВРЕЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ:
Б. Динур. Исторические основы возрождения Израиля
С. Дубнов. Письма о старом и новом еврействе
82. ЕВРЕЙСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОЭЗИЯ В ИСПАНИИ
83. Ханох Бартов. ВЫДУМЩИК
84. Гилель Бутман. ЛЕНИНГРАД — ИЕРУСАЛИМ С ДОЛГОЙ ПЕРЕСАДКОЙ
85. Жак Дерожи. ТАЙНА СУДНА „ЭКСОДУС-1947“
86. Цивья Любеткин. В ДНИ ГИБЕЛИ И ВОССТАНИЯ
87. М. Стейнберг. ОСНОВЫ ИУДАИЗМА
88. А. Кестлер. ВОРЫ В НОЧИ
89. Я СЕБЯ ДО КОНЦА РАССКАЗАЛА. Сборник стихов
90. Ада Серени. КОРАБЛИ БЕЗ ФЛАГОВ
91. Иехуда Атлас. ХОТЬ НА ВИСЕЛИЦУ
92. М. Стейнберг. КАК СОРВАННЫЙ ЛИСТ
93. Н. Полетика. ВИДЕННОЕ И ПЕРЕЖИТОЕ
94. Эли Визель. ЛЕГЕНДЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ
95. Альбер Мемми. ОСВОБОЖДЕНИЕ ЕВРЕЯ
96. Шломо Авинери. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
97. МЫ НАЧИНАЛИ ЕЩЕ В РОССИИ. Воспоминания
98. Хаим Градэ. АГУНА (БЕЗМУЖНЯЯ ЖЕНА)
99. Луи Финкелстайн. РАББИ АКИВА
100. Хаим Вейцман. В ПОИСКАХ ПУТИ. Книга 1
101. Хаим Вейцман. В ПОИСКАХ ПУТИ. Книга 2
102. Муня М. Мардор. СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ

103. Феликс Розинер. СЕРЕБРЯНАЯ ЦЕПОЧКА
104. Владимир Лазарис. МОЯ ПЕРВАЯ ВОЙНА
105. Михаэль Бар-Зохар. БЕН-ГУРИОН. Биография. Книга 1
106. Михаэль Бар-Зохар. БЕН-ГУРИОН. Биография. Книга 2
107. ИВРИТ — ЯЗЫК ВОЗРОЖДЕННЫЙ. Сборник статей
108. Ахарон Аппельфельд. ПОРА ЧУДЕС
109. Гилель Бутман. ВРЕМЯ МОЛЧАТЬ И ВРЕМЯ ГОВОРИТЬ
110. Голда Меир. МОЯ ЖИЗНЬ. Книга 1
111. Голда Меир. МОЯ ЖИЗНЬ. Книга 2
112. Василий Гроссман. НА ЕВРЕЙСКИЕ ТЕМЫ. Книга 1
112. Василий Гроссман. НА ЕВРЕЙСКИЕ ТЕМЫ. Книга 2
113. В ОТКАЗЕ. Сборник
114. Гершом Шолем. ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ МИСТИКЕ. Книга 1
115. Гершом Шолем. ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ МИСТИКЕ. Книга 2
116. Эфраим Урбах. МУДРЕЦЫ ТАЛМУДА
117. В ПОИСКАХ ЛИЧНОСТИ. Сборник рассказов современных израильских писателей
118. Владимир (Зев) Жаботинский. ПОВЕСТЬ МОИХ ДНЕЙ. Воспоминания
119. Оскар Минц. ПРИЗМЫ
120. Игал Аллон. ЩИТ ДАВИДА
121. Моше Даян. ЖИТЬ С БИБЛИЕЙ
122. Иерухам Кохен. ВСЕГДА В СТРОЮ. Записки израильского офицера
123. Исраэль Таяр. СИНАГОГА — РАЗГРОМЛЕННАЯ, НО НЕПОКОРЕННАЯ
124. Виталий Рубин. ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА. Книга 1
125. Виталий Рубин. ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА. Книга 2
126. Анита Шапира. БЕРЛ. Книга 1
127. Анита Шапира. БЕРЛ. Книга 2
128. Хаим Гвати. КИББУЦ: ТАК МЫ ЖИВЕМ
129. Виктория Левитина. РУССКИЙ ТЕАТР И ЕВРЕИ. Книга 1
130. Виктория Левитина. РУССКИЙ ТЕАТР И ЕВРЕИ. Книга 2
131. Януш Корчак. ИЗБРАННОЕ
132. Ашер Бараш. ИСТОРИЧЕСКИЕ НОВЕЛЛЫ
133. Ицхак Орен (Надель). МОЯ КАМЕНОЛОМНЯ
134. Андре Неер. КЛЮЧИ К ИУДАИЗМУ
135. Ицхак Зив-Ав. ГОВОРЯТ, ЕСТЬ СТРАНА...

136. Эрбер Ле Поррье. ВРАЧ ИЗ КОРДОВЫ
137. ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ. Становление и развитие.
Книга 1
138. ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ. Становление и развитие.
Книга 2
139. ИЗРАИЛЬ. Географический справочник
140. Шломо Гилель. С ВЕТРОМ ВОСТОКА
141. М. Бейзер. ЕВРЕИ В ПЕТЕРБУРГЕ
142. Абба Ковнер. КНИГА СВИДЕТЕЛЬСТВ
143. Авигдор Шинан. МИР АГГАДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
144. Давид Роскис. ВОПРЕКИ АПОКАЛИПСИСУ
145. Томас Манн. О НЕМЦАХ И ЕВРЕЯХ
146. Рамбам (Маймонид). ИЗБРАННОЕ. Книга 1
147. Рамбам (Маймонид). ИЗБРАННОЕ. Книга 2
148. И. Ахарони, Б. Рутенберг. ПО СЛЕДАМ ЦАРЕЙ
И БУНТАРЕЙ
149. И. Гутман, Х. Шацкер. КАТАСТРОФА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ
150. Амос Эттингер. СЛЕПОЙ ПРЫЖОК
151. Феликс Кандель. СЛОВО ЗА СЛОВО
152. Ицик Мангер. ЖИЗНЬ В РАЮ
153. Леон Юрис. МИЛАЯ, 18. Книга 1
154. Леон Юрис. МИЛАЯ, 18. Книга 2
155. Коннор О'Брайен. ОСАДА
156. И. Башевис-Зингер. Сборник рассказов
157. Давид Шахар. ЛЕТО НА УЛИЦЕ ПРОРОКОВ
158. Владимир (Зеев) Жаботинский. САМСОН НАЗОРЕЙ

МОЛОДЕЖНАЯ СЕРИЯ

1. Рут Сэмюэлс. ПО ТРОПАМ ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ
2. Дорит Оргад. МАЛЬЧИК ИЗ СЕВИЛЬИ
3. Ури Орлев. ОСТРОВ НА ПТИЧЬЕЙ УЛИЦЕ
4. Амос Оз. СУМХИ
5. Шмуэль Хуперт. ЛЬВЫ В ИЕРУСАЛИМЕ
6. Й. Сегал. ТАК ПОСТУПАЛИ НАШИ МУДРЕЦЫ
7. Яэль Розман. МОЙ РОМАН С БЕН-ГУРИОНОМ
И ПНИНОЙ
8. Двора Омер. ПЕРВЕНЕЦ ДОМА БЕН-ИЕХУДЫ
9. Сами Михаэль. ПАЛЬМЫ В БУРЮ
10. Шмуэль Авидор-Хакохен. И СОТВОРИЛ БОГ...

Двора Омер. ЛЮБИТЬ ДО КОНЦА
Юрий Суль. ПАРТИЗАНЫ ДЯДИ МИШИ
Ицхак Ной. РОН И ДЖУДИ
И. Башевис-Зингер. ГАСНУЩИЕ ОГНИ. Сборник рассказов
и сказок для детей
Эстер Файн. ХАДАС
Н. Гутман и Э. Бен-Эзер. МЕЖДУ ПЕСКАМИ И
НЕБЕСНОЙ СИНЬЮ
АНТОЛОГИЯ ДЕТСКОЙ ИВРИТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Книга 1
АНТОЛОГИЯ ДЕТСКОЙ ИВРИТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Книга 2

**ТРЕБУЙТЕ КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
„БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ”
ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ
РУССКОЙ КНИГИ**

**Наши книги можно заказать
также по адресу:
P.O.B. 4140
91041 Jerusalem
Israel**